

ISSN 2543-5787

Komisja Emigrantologii Słowian
Międzynarodowego Komitetu Słowistów
Uniwersytet Opolski

Emigrantologia Słowian

Nr 4

Opole

Komisja Emigrantologii Słowian
Międzynarodowego Komitetu Słowistów
Uniwersytet Opolski

Emigrantologia Słowian

ISSN 2543-5787

Nr 4 (2018)

Opole

REDAKTOR NACZELNY CZASOPISMA: prof. Bronisław Kodzis (Opole, Polska)

RADA NAUKOWA: prof. Nina Barszczewska (Warszawa, Polska), prof. Frank Göbler (Moguncja, Niemcy), prof. Hanna Kowalska-Stus (Kraków, Polska), prof. Tatiana Landa (Tel Awiw, Izrael), prof. Wanda Laszczak (Opole, Polska), prof. Nina Osipova (Moskwa, Rosja), prof. Anna Rażny (Kraków, Polska), prof. Zdeněk Pechal (Ołomuniec, Czechy), prof. Giovanna Spendel (Turyn, Włochy), prof. Tadeusz Sucharski (Słupsk, Polska), prof. Sevinç Üçgül (Kayseri, Turcja), prof. Anna Woźniak (Lublin, Polska), prof. Wiktoria Zakharova (Niżny Nowogród, Rosja)

REDAKTORZY TEMATYCZNI: Jolanta Brzykcy (Toruń, Polska), Michał Głuszkowski (Toruń, Polska)

SKŁAD I KOREKTA: Jolanta Brzykcy, Michał Głuszkowski

REDAKCJA JĘZYKOWA: Aleksander Gadomski (język rosyjski), Grzegorz Konecniak (język angielski), Jolanta Brzykcy/ Michał Głuszkowski (język polski)

ADMINISTRATOR STRONY INTERENTOWEJ:

dr Daniel Borysowski (Opole, Polska)

LISTA RECENZENTÓW: Vladimir Agenosov (Moskwa, Rosja), Adam Bezwiński (Bydgoszcz, Polska), Michaela Böhmig (Rzym, Włochy), Anna Brzozowska-Krajka (Lublin, Polska), Marina Chatiamowa (Tomsk, Rosja), Olga Demidowa (Petersburg, Rosja), Agata Domachowska (Toruń, Polska), Andrzej Dudek (Kraków, Polska), Tatiana Ganenkova (Moskwa, Rosja), Piotr Głuszkowski (Warszawa, Polska), Frank Göbler (Moguncja, Niemcy), Stefan Grzybowski (Toruń, Polska), Adam Jaskólski (Warszawa, Polska), Adam Kola (Toruń, Polska), Anna Kościółek (Toruń, Polska), Lech Kościelak (Warszawa, Polska), Hanna Kowalska-Stus (Kraków, Polska), Wanda Laszczak (Opole, Polska), Wojciech Lipiński (Warszawa, Polska), Marta Łukaszewicz (Warszawa, Polska), Izabella Malej (Wrocław, Polska), Roman Majorow (Moskwa, Rosja), Joanna Mianowska (Bydgoszcz, Polska), Iwona Anna Ndiaye (Olsztyn, Polska), Galina Niefagina (Słupsk, Polska), Evgeniy Nikolskiy (Warszawa, Polska), Grzegorz Ojcewicz (Szczytno, Polska), Stefan Pastuszewski (Bydgoszcz, Polska), Anna Paszkiewicz (Wrocław, Polska), Dorota Paśko-Konecniak (Toruń, Polska), Zdeněk Pechal (Ołomuniec, Czechy), Gleb Pilipienko (Moskwa, Rosja), Iwona Rzepnikowska (Toruń, Polska), Krzysztof Snarski (Suwałki, Polska), Sevinç Üçgül (Kayseri, Turcja), Anna Woźniak (Lublin, Polska), Wiktoria Zakharova (Niżny Nowogród, Rosja), Piotr Zemszał (Toruń, Polska), Lech Zieliński (Toruń, Polska), Bożena Żejmo (Toruń, Polska)

© Copyright by Komisja Emigrantologii Słowian, Instytut Sławistyki Uniwersytetu Opolskiego & Autorzy; Uznanie autorstwa-Użycie niekomercyjne CC BY-NC

SPIS TREŚCI

Artykuły

- Анна А. Забияко, Екатерина В. Сенина – *Образ восприятия Китая и китайцев в культуре и литературе дальневосточной эмиграции* 5–14
- Анна А. Забияко, Яна В. Зиненко, Евгения А. Конталева, Ольга Е. Цмыкал – *«Я очень хочу встретиться с тобой – живым свидетелем истории Харбина»: эмигрантский архив Валентины Хан* 15–28
- Bronisław Kodzis – *Польская диаспора в Харбине (1898-1949)*..... 29–52
- Grzegorz Konecniak – *CEFR in the Slavic Educational Context: A Classroom of Students from China and Ukraine Taught English by Polish Teachers* 53–64
- Gizem Karaköse – *Polonezköy (Adampol) in Turkish Academic Studies* 65–74

Recenzje

- Michał Głuszkowski – G. Pełczyński, *Mniejsze mniejszości i inne szkice*, Katedra Etnologii i Antropologii Kulturowej Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław 2017, ss. 116. 75–79
- Noty o autorach 81–82
- Wymagania redakcyjne oraz zasady przyjmowania i recenzowania artykułów 83–96

Анна Анатольевна Забияко

ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

(Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия)

Екатерина Владимировна Сенина

ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-4724-7890>

(Московский Государственный Институт Международных Отношений, Москва, Россия)

Образ восприятия Китая и китайцев в культуре и литературе дальневосточной эмиграции

The way of perception of China and Chinese in the Russian emigration culture and literature

Summary: The authors of the article focus on the way of perception of China and Chinese in the culture and literature of the Eastern branch of the Russian emigration. After the Revolution of 1917 and the Civil war Harbin with its Russian genesis and cultural basis become a shelter for hundreds of thousands of Russian refugees. The Russian residents of Harbin (harbintsy) maintain close contacts with the peoples of Northern Manchuria in everyday life getting familiar with their customs and tradition. The Russian emigration literature has developed a special image of perception of China and Chinese, which is reflected in N. Baykov, P. Shkurkin, V. Mart, M. Scherbakov, B. Yulsky. The most versatile and representative images of perception of China and Chinese are represented in lyrical, epic, liro-epic A. Nesmelov's works. These images fix various points of view of the inhabitants of Harbin – those, who despite of their remoteness from Chinese culture have to cohabit with it, as well as the representatives of the intellectuals with their interest to the other culture and ethnographic studies.

Key words: image of perception, Far East emigration, Far East frontier, ethnocultural contacts, culture and literature, A. Nesmelov

Аннотация: Авторы статьи исследуют образ восприятия Китая и китайцев, сложившийся в культуре и литературе восточной ветви русской эмиграции. Данный образ сложился в первой половине XX в. на территории дальневосточного фронта, в Харбине и по линии КВЖД, окруженными маньчжурской тайгой. После 1917 г. и Гражданской войны русский город Харбин, становится домом для сотен тысяч русских беженцев. Русские харбинцы тесно контактируют с местным населением на бытовом уровне, а также исследуют обычаи и традиции жителей Северной Маньчжурии. В литературе восточной ветви особый образ восприятия Китая и китайцев отражен в творчестве Н. Байкова, П. Шкуркина, В. Марта, М. Щербакова, Б. Юльского. Наиболее разноплановыми и репрезентативными представляются образы восприятия Китая и китайцев в лирическом, эпическом, лиро-эпическом творчестве А. Несмелова. Эти образы фиксируют точку зрения харбинских обывателей и далеких от китайской культуры, но волею судьбы вынужденных общаться с инокультурой, представителей интеллигенции, ученых, связанных с интересом к инокультуре и этнографическими изысканиями.

Ключевые слова: образ восприятия, дальневосточная эмиграция, дальневосточный фронт, этнокультурные контакты, культура и литература, А. Несмелов

Опыт совместного проживания русских и китайцев на территории Северной Маньчжурии, в Харбине, в 20–50-е гг. XX в. определялся специфическими обстоятельствами складывания эмигрантского сообщества по линии КВЖД и в самом г. Харбине. Полоса отчуждения и прилежащие к ней территории Северной Маньчжурии являлись территорией дальневосточного фронта – контактной зоной в Азиатско-Тихоокеанском регионе, по определению Андрея Павловича Забияко (Забияко 2010: 5–10). Здесь в атмосфере тесного межэтнического взаимодействия с середины XIX в. соединились судьбы русского и китайского, корейского, тунгусо-маньчжурского населения; сформировались психологические, языковые и культурные границы совместимости этносов. Данные обстоятельства прямым образом определяли специфику восприятия русским населением Харбина и прилежащих к нему территорий «чужих» признаков «чужой» территории, «чужого» этноса, «чужих» обычаев и традиций: с одной стороны, стремление обозначить свою «русскость», консервативное отношение к контактам с «чужой» культурой, нежелание учить китайский язык, с другой стороны – открытость в восприятии инокультуры.

Геополитическая и пространственная ориентированность русского населения полосы отчуждения и, главным образом, Харбина, влияли на изоляционистские настроения по отношению к инокультуре. Сказывалась и разница этносоциального состава населения линии КВЖД и полосы отчуждения. При общем количестве жителей (300–350 тыс. человек) русских жителей Харбина насчитывалось 165 857 человек. Основную массу русских накануне 1917 г. составляли железнодорожники и их семьи, гражданское население, занятое торговлей, образованием, здравоохранением, казаки-замурцы и семьи казаков, прибывавшие на лето из Забайкалья. После 1917 г. к ним добавились городские обыватели и мелкие торговцы, чиновники и учителя, врачи и инженеры, крестьяне из приграничных районов и рабочие, политические деятели и члены различных «временных правительств», университетские профессора, журналисты и литераторы (Аблова 2004: 122–123). Китайское население Северной Маньчжурии только с конца XIX в. стало пополняться жителями провинций Шаньдун и Хэбэй, мигрировавшими в эти края в поисках заработка либо скрывавшимися от властей; оно было представлено, в основном, торговцами, рабочими, крестьянами, обслуживающим персоналом. Его многонациональный состав включал маньчжуров, ханьцев, корейцев, монголов и т.д. Большую проблему для мирного населения представляли хунхузы – субэтнос и субсоциум (Ершов 1931: 34).

После революции и Гражданской войны Харбин становится для русских изгнанников, потерявших родину, дом, семьи, идеальным пристанищем, городом «из прошлого» (Забияко 2008: 39–51, Аблова 2004: 121–125). Практически все представители этнических групп бывшей России воспринимали русский язык как признак этнической общности, русскую культуру и литературу – как хранилище исторической памяти (Забияко 2015: 11). Огромную этнорегулирующую и этноинтегрирующую роль играла православная вера – в противовес «чужим богам», «чужой вере» местного населения. В городе действовали русские храмы, работали русские театры и кинотеатры, одна за другой возникали русские школы, гимназии,

открывались университетские кафедры (Таскина 1994: 192, Крадин 2001: 352, Мелихов 2003: 68–129). Строго различались русские и китайские районы: так, в китайский район Фудзянянь русские практически не ходили. Китайцы также не селились в русских кварталах. То же самое можно сказать и об организации образовательного процесса: русские и китайские дети, студенты учились, как правило, отдельно.

При этом задолго до 1917 г., когда начинается превращение Харбина в центр русской эмиграции, он становится одним из ведущих центров практического востоковедения в Азии. Амир Александрович Хасамутдинов отмечает: «для строительства и обслуживания КВЖД, работы на предприятиях и в организациях, возникавших вокруг неё, сюда приезжали тысячи людей из России. Прежде всего, это были инженеры-путейцы, главным образом, выпускники Института инженеров путей сообщения (Санкт-Петербург). Большую роль сыграли также выпускники Восточного института во Владивостоке. Многие из них вначале служили переводчиками для русских инженеров, затем обучали служащих КВЖД восточным языкам, а ещё позднее стали преподавателями китайского языка для русских студентов и русского языка для китайских граждан в вузах на территории Китая. <...> Стремление российских специалистов к повышению квалификации и культурного уровня, самообразованию, просветительской деятельности обусловило то, что многие, приехав в Китай, помимо основной работы, стали заниматься изучением экономики, истории, географии, культуры Маньчжурии и соседних территорий» (Хасамутдинов 2015: 99–100). В 1909 г. было образовано Общество русских ориенталистов (ОРО), в задачи которого, в частности, входило изучение Восточной и Средней Азии в общественно-политическом, географическом, лингвистическом и прочих отношениях; содействие сближению России с народами Восточной и Средней Азии на почве взаимных интересов с ними; освещение в печати и обществе вопросов научного и практического характера, связанных со служением организации первым двум целям. Сотрудниками ОРО с самых первых лет его возникновения являлись Павел Васильевич Шкуркин, Николай Аполлонович Байков, Алексей Павлович Хионин, Николай Павлович Автономов и др. – не только прекрасные востоковеды, но и востоколюбцы (ВМИ 1942: 336). В 1922 г. ОРО соединился с ОИМК (Обществом изучения Маньчжурского края) (Хасамутдинов 2015: 115). Среди основателей ОИМК, помимо русских исследователей – Эдуарда Эдуардовича Анерта, Виктора Владимировича Гагельстрёма, Павла Николаевича Меньшикова, Александра Васильевича Спицына, Бориса Васильевича Скворцова, Павла Васильевича Шкуркина и других – было немало китайцев. Многие русские журналы и газеты, которые издавались в Харбине с начала его основания, публиковали статьи и очерки о жизни Китая и китайцев, а также других стран и народов Восточной Азии – это объясняется тем, что зачастую эти публикации готовили сами ученые или люди, ориентированные на просвещение русского населения (Забияко 2016: 308, Эфендиева 2015: 302–329, Забияко 2014: 192–202).

Попытки «вживания» русской интеллигенции в инокультурную среду через китаеведческие исследования, этнографические и археологические изыскания, чтение и переводы китайской литературы, увлечение китайской культурой не противоречат

общему изоляционистскому настрою обывателей русского Харбина. Однако культура – многослойное явление, предполагающее сложные пути и механизмы взаимодействия элитарного и народного, материального и духовного уровней. Русские беженцы попали в Харбин не из дворцов и не во дворцы, а зачастую жили и питались бок о бок с китайцами и маньчжурами, охотились с ними, работали в мастерских, ресторанах и типографиях. Китайские, маньчжурские, русские дети играли вместе во дворах. Праздники тоже были общими: Пасха и Чуныцзе, день Полнолуния и Рождество (Иванов 1928: 4). А когда в семье не было денег, китайские лавочники давали русским продукты в долг – до лучших дней (Забияко 2015: 182). На стыке этих тенденций бытования фронтальной культуры и возникает специфический образ восприятия Китая и китайцев в литературе дальневосточной эмиграции.

Художественное освоение чужой страны и населяющих ее народов русские писатели-эмигранты в Китае осуществляли разными путями, в зависимости от художественной установки, предшествующего опыта, возможностей. Отчетливо различаются образы восприятия Китая и китайцев у тех, кто оказался в Северной Маньчжурии в начале века, до революции и уже после Гражданской войны, в творчестве «старшего» и «младшего» поколения эмигрантских писателей и поэтов, а также у «городских» писателей и поэтов (завсегдатаев литературных салонов, студий, творческих объединений) и у художников слова, знакомых воочию с жизнью тайги, обычаями и нравами ее обитателей.

Писатели, попавшие в Маньчжурию задолго до революции – П. В. Шкуркин, Н. А. Байков – были не просто художниками слова и учеными, но и военными, выполняющими определенную миссию в данном регионе. Они воспринимали эти пространства как органичное продолжение дальневосточных территорий Российской империи, сферу интересов своего государства. Знание китайского языка, необходимость повседневных контактов с местным населением (П. В. Шкуркин) и таежными обитателями (Н. А. Байков), сопричастность к нелегким условиям жизни и трудным ситуациям в условиях дальневосточного фронта сформировали в их творчестве уникальные пространственно-временные образы восприятия (Маньчжурская тайга – *священное место*, где действуют законы *священного времени*), образы восприятия фронтальных религиозных традиций («Закон тайги», Повелитель Леса и гор, Корень жизни, священные животные и растения), образы восприятия китайского населения Северной Маньчжурии во всем его этническом многообразии и этнической самобытности: маньчжуры, монголы, ханьцы; хунхузы. Совокупность форм такого образного восприятия легли в основу художественной этнографии дальневосточного фронта (Забияко 2016: 21–58).

Революционные события, превращение Северной Маньчжурии из протектората России в эмигрантское прибежище, последовавшие за этим изменения в государственном статусе КВЖД и полосы отчуждения на определенное время отодвинули в сторону результаты развития художественной этнографии П. В. Шкуркина и Н. А. Байкова. После 1920 г. Н. А. Байков, вернувшись с фронтов Гражданской войны снова в Маньчжурию, продолжил развивать это направление, к которому присоединились Венедикт Март, Михаил Щербаков, Борис Юльский (Забияко 2016: 437).

Среди тех, кто стал развивать литературу в Харбине после эмиграции, было много выходцев из южных районов Сибири, Забайкалья, Приамурья, Приморья – тех земель, что были исторически близки к Китаю (например, Алексей Ачаир, Марианна Колосова, Венедикт Март, Борис Бета др.). Вместе с особым «чувством ландшафта» дальневосточные изгнанники принесли с собой в эмиграцию и опыт межкультурной интеграции, характерный для народов, населяющих эти территории Российской империи (Забяко 2009: 114). От восприятия Маньчжурии как страны изгнания (пространства «чужого») старшее поколение эмигрантов постепенно переходит к осознанию того, что эти пространства и этнокультурные универсалии китайской жизни даруют «покой» измученным беженцам (Ли 2009: 19–32, Забяко 2009: 144–159). Не случайно после апофеоза перемен – пережитых военных неудач и потерь, Леонид Ещин воскликнет, обращаясь к Божьей Матери:

И, занывши от старых ран,
Я молю у Тебя пред иконами:
«Даруй фанзу, курму и чифан
В той стране, что хранима драконами».
(*Беженец*) (Ещин 2005: 30).

Борис Бета в *Маньчжурских ямбах* выразит свой идеал существования русского беженца-поэта:

На скользкую циновку есть,
Свинину палочками есть
И чаем горьким запивать;

Потом курить и рисовать,
Писать на шелке письма –
И станет жизнь моя ясна,
Ясна, как сами письма... (Бета 1935)

Как подчеркивает Ли Иннань, ощущение и приятие «покоя» как особой ценности, сближающее китайское и русское сознание, зиждется на понимании того, как важно русскому человеку «ощущение непрерывности времени, привязанности к родной земле» (Ли 2009: 25). Потому столь притягательной для русских изгнанников становится этнокультурная универсалия китайцев – почитание предков и их могил, где «дедовские холмики средь пашен/ шепчут внукам вещи слова», передавая своим потомкам «мудрость предков и покой земли» (Хаиндрова 1941: 34).

Молодые дальневосточные писатели, многие из которых родились в Маньчжурии или были привезены туда детьми, воспринимают местные маньчжурские реалии как свои, родные. Валерий Перелешин, свободно владевший китайским языком, сетовал: «Но когда бы ведать, что с детства / Я Китаю был обручен, / Что для этого и наследства, / И семьи и дома лишен – / Я б родился в городе южном / В Баошане или Ченду, / Именитом, степенном, дружном, / Многодетном старом роду. / Мне б мой дед, бакалавр ученый. / Дал бы имя "Свирель луны" / или тише: "Луч тишины"...» (Перелешин 1947).

Наиболее репрезентативным, на наш взгляд, представляется отражение образов восприятия Китая и китайцев в творчестве А. Несмелова. Будучи русским

дворянином из известной московской семьи, братом писателя, воевавшего в русско-японской войне, белопоходником, попавшим в Харбин после Гражданской войны и передышки во Владивостоке (Забяко, Резвый, Ефендиева 2015: 3–9), Арсений Несмелов был далек от фронтального восприятия пространственно-временных и религиозных координат Маньчжурии. Китайского языка он не знал, учить не пытался. При этом был художником, чутко реагирующим не только на литературный и общественный запрос – Несмелов способен был предвосхищать в творчестве некоторые находящиеся только в стадии формирования научные направления (Забяко, Резвый, Ефендиева 2015: 3–9).

Попав в Харбин в первой половине 1920-х гг., Несмелов долго «осматривался» и только к началу следующего десятилетия обратился к «китайским картинкам» в лирике. В этих опытах Китай и Маньчжурия – образы по большей части отстранённо-литературные. Первое стихотворение о Китае – *Легенда о драконе* (1927) будет опубликовано Несмеловым в советском журнале *Сибирские огни* и целиком будет совпадать с актуальным именно для советского сознания образом восприятия Китая как экзотической страны, поднимающейся на борьбу с иностранцами. Легенду о драконе-Янцзы, пожравшем первый английский пароход, Несмелов проецирует на современную революционную ситуацию на юге Китая: «Из дыма их / На аспидные кручи / Окрасив в пурпур / Блеклый небосклон, / Неслышно выполз / Сказочно могучий / Тысячекрылый / Огненный дракон... // Прошли года, / Прошли десятилетия, / Развезя сказки / Рухнувший уют, / Но, / Как тогда, / И в это лихолетье, / Преданье вспоминают / И поют...» (*Сибирские огни* 1927). Стихотворение обнажает внутреннее понимание Несмеловым китайской ментальности: китайцы не забыли унижений, испытанных за годы опиумных войн, и такая легенда вполне могла бытовать в народном сознании в качестве этнопсихологической компенсации.

В начале 1930-х гг. Несмелов воссоздает образ Китая с налётом футуристической вычурности и одновременно – с органичным впадением китайских реалий, бытового ощущения разлитой вокруг китайской культуры (*В Китае* 1932; Несмелов 1932). Прожив в Маньчжурии 8 лет, лирический герой Несмелова все еще не может привыкнуть к «чужой» окружающей обстановке: «Ворота. Пес. Прочавкали подковы, / И замер скрип смыкающихся створ. / Какой глухой, какой средневековый / Китайский этот постоялый двор...» (*Из китайского альбома*) (Несмелов 1932). При этом в повествовательной лирике поэт метко фиксирует адекватный китайскому восприятию «национальный облик китайцев» – простых крестьян (Ли Иннань): «Китаец, до пояса голый, / Из бронзы загара литой, / Не дружит с усмешкой весёлой, / Не любит беседы пустой. / Уронит гортанное слово / И вновь молчалив и согбен – / Работы, заботы суровой / Влекущий, магический плен» (*Гряда, Юли-юли*) (Несмелов 1935).

О демократической традиции восприятия инокультуры русской эмиграцией Несмелов напишет в своей незаконченной «энциклопедии харбинской жизни» – поэме *Нина Гранина*: «Английский боу и русский бойка – / Совсем не то, уверю вас, / У нас совсем, совсем не стойка / Надменность в отношеньи рас; / Нам все равно, каков ты кожей, / Какие признаки на роже, / Коль ты попал под сень крыла / Самодержавного

орла; / Мы говорим: не супостатом / Отныне будешь ты, а братом. / Для нас уже различья нет, / Татарин родом ты иль швед...» (Несмелов 2006: 448).

Несмелов обратится в поэме к образу боя Василия (как общего именованья всех китайских слуг-боев) и к анализу самого харбинского социокультурного явления: «Василий этот (сколько с Васей / Перекрестили мы маньчжур!), / Рожденный Богом в чуждой расе, / Конечно, Ван был или Чжу, / Но откликался без усилья / На Ваську он и на Василья, / Обиды в сердце не тая; / При помощи «моя-твоя» / Он объяснялся с «капитаном» / И был всегда служить готов, / С бокалами или стаканом / Являясь вмиг на первый зов» (Забияко 2009: 148). Не случайно потому уже в рассказе *Портрет Луки Паччиоли* (1944) бой Василий самоотверженно спасёт своего русского хозяина от русского же грабителя. Писатель не будет пространно объяснять мотивацию поступков Василия: такие этнические нормы поведения – плоть от плоти китайского понимания семьи (Забияко 2016: 403–417). Китайский слуга (бой) сроднился с русскими хозяевами, так же, как и они с ним (Несмелов 1944).

Китайская реальность для лирического героя Несмелова – это не только китайские дворники и харчевни, китайцы-перевозчики, крестьяне, торговцы, слуги-бои, но и – хунхузы. К образам восприятия хунхузов Несмелов обращается и в поэзии, и в прозе, при этом обнаруживая присущее уже харбинской реальности понимание явления «хунхузничества» как социального зла и одновременно – понимание того, что этот социум плоть от плоти китайской ментальности (*Хунхуз*) (Несмелов 1938: 139).

В авантюрном рассказе о суровых буднях Гражданской войны *Игра на мясе* (Забияко, Резвый, Ефендиева 2015: 166–171) два красных партизана, уцелевшие после уничтожения отряда японцами, блуждают по Приморской тайге и попадают к хунхузам. Хунхузский командир проникается к ним симпатией – один из партизан свободно говорит по-китайски, к тому же партизаны воюют с японцами, лютыми врагами китайцев. В теплой атмосфере китайского гостеприимства партизаны становятся свидетелями игры в кости (на мясо), когда самому командиру вырезают кусок живота. На утро бедолага, еле живой, но не потерявший лица (китайский этос) и не утративший веселости духа, прощается со своими гостями вполне добродушно. Этнокультурное резюме отправившихся далее русских таково: «Ну и люди! А в общем ничего... Только дикари очень... На мясо играть!» (Забияко, Резвый, Ефендиева 2015: 171). Читатель вправе сам составить для себя мнение по поводу данного этнографического опыта.

Отдельного внимания заслуживает обращение Несмелова к проблемам маргинализации этничности, возникающей в результате русско-китайских браков либо вынужденной изолированности русских от своих собратьев и погружении их в китайскую среду (стихотворение и рассказ *Ламоза* (1940), повесть *Драгоценные камни* (1941) (Забияко 2009: 151–159). Харбинский писатель стал одним из первых, кто, создавая образ восприятия китайцев в литературе, обозначил на конкретных ситуациях границы этнорелигиозной и этнокультурной совместимости русских и китайцев. В рассказе *Ламоза* русский мальчик Сережа, воспитанный китайцем, не по своей воле лишен возможности слышать русскую речь и жить русской жизнью – в силу именно этих причин он страдает от своей этнической неприкаянности и погибает. В повести *Драгоценные камни* русские женщины, вышедшие замуж за

китайцев, и их дети сами принимают китайскость как спасение в сложной социально-политической обстановке.

Таким образом, творчество харбинского писателя А. Несмелова достаточно полно представляет собой образ восприятия русской эмиграцией Китая и китайцев. Это взгляд русского человека, бок о бок находящегося рядом с китайским окружением, но не ассимилирующего в нем. Предвосхитив этнологические концепции середины XX в., этнографические наблюдения за процессами метисации русских и китайцев в политическом пространстве российско-китайских отношений (Забияко 2009: 144–160, Забияко, Кобызов, Понкротова 2009: 141–154), Несмелов размышляет о витальности китайского и русского этносов, степени их жизнеспособности, возможности сохранения этничности в инокультурном окружении и потенциале этнической совместимости.

В целом, литература и публицистика дальневосточной эмиграции, практически свободные от политических установок и социального заказа, смогли запечатлеть традиционный образ жизни, религиозные традиции, социально-политическое устройство китайского населения первой половины XX в., их поведенческие этнические стереотипы, в том числе – этнические установки по отношению к русским. В настоящее время этот материал является ценным источником исторической, этнографической и литературоведческой реконструкции процессов, протекающих на территории дальневосточного фронта в первой половине XX в.

Литература:

- Аблова Н.Е., 2004, *КВЖД и российская эмиграция в Китае*, Москва.
- Бета Б., 1935, *Маньчжурские ямбы*, «Врата» Кн. 2, Шанхай.
- ВМИ, 1942, *Великая Маньчжурская империя: К десятилетнему юбилею, 1932–1942*, Гордеев М.Н., Харбин.
- Ершов М.Н., 1931, *Современный Китай и европейская культура*, Харбин.
- Ещин Л.Е., 2005, *Собрание стихотворений*, Москва.
- Забияко А.А., 2008, *Социокультурный портрет создателей «харбинской ноты»*, [в:] *«Четверть века беженской судьбы...» Художественный мир лирики русского Харбина*, ред. Забияко А.А., Эфендиева Г.В., с. 39-51.
- Забияко А.А., 2014, *«Дикари под боком у Харбина»: религиозная жизнь эвенков Северной Маньчжурии в периодической печати дальневосточной эмиграции*, «Религиоведение» № 4, с. 192-202.
- Забияко А.А., 2016, *Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина*, Новосибирск.
- Забияко А.А., Резвый В.А., Эфендиева Г.В. (ред.), 2015, *В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии*. Научное издание, Благовещенск.
- Забияко А.П. (ред.), 2009, *Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке*, Благовещенск.
- Забияко А.П., 2010, *Порубежье*, «Россия и Китай на дальневосточных рубежах» Вып. 9, с. 5-10.

- Забияко А.П., 2015, *На сопках Маньчжурии: русский опыт исхода и диаспоризации*, [в:] *Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта*, ред. Забияко А.П., с. 3-14.
- Иванов Вс.Н., 1928, *Китайский Новый год*, «Гун Бао» 22. 01. с. 4.
- Крадин Н.П., 2001, *Харбин – русская Атлантида*, Хабаровск.
- Ли И., 2009, *Образ Китая в русской поэзии Харбина*, «Русский Харбин, запечатленный в слове» Вып. 3, с. 19-32.
- Мелехов Г.В., 2003, *Белый Харбин: Середина 20-х*, Москва.
- Несмелов А., 1932, *Из китайского альбома*, «Феникс» № 2.
- Несмелов А., 1932, *В Китае*, «Азия» № 2.
- Несмелов А., 1935, *Гряда*, «Феникс» № 14.
- Несмелов А., 1938, *Хунхуз*, «Полустанок», с. 139.
- Несмелов А., 1944, *Портрет Луки Паччиоли*. «Рубеж» № 7.
- Несмелов А., 2006, *Собрание сочинений: Стихотворения и поэмы. Том 1*, Москва.
- Перелешин В., 1994, *Заблудившийся аргонавт, «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920-1990 (первая и вторая волна)*, Кн. 4, с. 124–126, ред. Витковский Е. В., Москва.
- Таскина Е.П., 1994, *Неизвестный Харбин*. Москва.
- Хаиндрова Л., 1941, *Китайская пашня*, «Крылья», с. 34.
- Хисамутдинов А.А., 2015, *Изучение Китая русскими исследователями из Харбина. Общество русских ориенталистов (Харбин)*, [в:] *Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта*, ред. Забияко А.П., с. 99–100.
- Эфендиева Г.В., Родионова К.И., 2015, «Рубеж» как источник этнографического знания о народах Восточной Азии, «Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур» Вып. 11, с. 302-329.

References:

- Ablova N.E., 2004, *KVZHD i rossiyskaya emigratsiya v Kitaye*, Moskva.
- Beta B., 1935, *Man'chzhurskiye yamby*, «Vrata» Vol. 2, Shankhay.
- Efendiyeva G.V., Rodionova K.I., 2015, «Rubezh» kak istochnik etnograficheskogo znaniya o narodakh Vostochnoy Azii, «Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. Istoricheskiy opyt vzaimodeystviya kul'tur» Vol. 11, pp. 302–329.
- Ivanov Vs.N., 1928, *Kitayskiy Novyy god*, «Gun Bao» 22. 01. p. 4.
- Khaindrova L., 1941, *Kitayskaya pashnya*, «Kryl'ya», p. 34.
- Khisamutdinov A.A., 2015, *Izucheniye Kitaya russkimi issledovatelyami iz Kharbina. Obshchestvo russkikh orientalistov (Kharbin)*, [in:] *Russkiy Kharbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira*, Zabiyako A.P. (ed.), pp. 99–100.
- Kradin N.P., 2001, *Kharbin – russkaya Atlantida*, Khabarovsk.
- Li I., 2009, *Obraz Kitaya v russkoy poezii Kharbina*, «Russkiy Kharbin, zapechatlennyy v slove» Vol. 3, pp. 19-32.
- Melekhov G.V., 2003, *Belyy Kharbin: Seredina 20-kh*, Moskva.

- Nesmelov A., 1932, *Iz kitayskogo al'boma*, «Feniks» № 2.
- Nesmelov A., 1932, *V Kitaye*, «Aziya» № 2.
- Nesmelov A., 1935, *Gryada*, «Feniks» № 14.
- Nesmelov A., 1938, *Khunkhuz*, «Polustanok», p. 139.
- Nesmelov A., 1944, *Portret Luki Pachchioli*. «Rubezh» № 7.
- Nesmelov A., 2006, *Sobraniye sochineniy: Stikhotvoreniya i poemy*. Vol. 1, Moskva.
- Pereleshin V., 1994, *Zabludivshiy argonavt*, «My zhili togda na planete drugoy...»: *Antologiya poezii russkogo zarubezh'ya. 1920-1990 (pervaya i vtoraya volna)*, Vol. 4 pp. 124–126, Vitkovskiy Ye. V. (ed.), Moskva.
- Taskina Ye.P., 1994, *Neizvestnyy Kharbin*, Moskva.
- VMI, 1942, *Velikaya Man'chzhurskaya imperiya: K desyatiletnemu yubileyu, 1932–1942*, Gordeyev M.N., Kharbin.
- Yershov M.N., 1931, *Sovremennyy Kitay i yevropeyskaya kul'tura*, Kharbin.
- Yeshchin L.E., 2005, *Sobraniye stikhotvoreniy*, Moskva.
- Zabiyako A.A., 2008, *Sotsiokul'turnyy portret sozdateley «kharbinskoy noty»*, [In:] «Chetvert' veka bezhenskoj sud'by...» *Khudozhestvennyy mir liriki russkogo Kharbina*, Zabiyako A.A., Efendiyeva G.V. (eds.), pp. 39-51.
- Zabiyako A.A., 2014, «*Dikari pod bokom u Kharbina*»: *religioznaya zhizn' evenkov Severnoy Man'chzhurii v periodicheskoj pechati dal'nevostochnoj emigratsii*, «Religiovedeniye» № 4, s. 192-202.
- Zabiyako A.A., 2016, *Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Kharbina*, Novosibirsk.
- Zabiyako A.A., Rezvy V.A., Efendiyeva G.V. (eds.), 2015, *V khudozhestvennom mire kharbinskikh pisateley. Arseniy Nesmelov: Materialy k tvorcheskoj biografii: Nauchnoye izdaniye*, Blagoveshchensk.
- Zabiyako A.P. (ed.), 2009, *Russkiye i kitajtsy: etnomigratsionnyye protsessy na Dal'nem Vostoke*, Blagoveshchensk.
- Zabiyako A.P., 2010, *Porubezh'ye*, «Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh» Vol. 9, pp. 5-10.
- Zabiyako A.P., 2015, *Na sopkakh Man'chzhurii: russkiy opyt iskhoda i diasporizatsii*, [in:] *Russkiy Kharbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira*, Zabiyako A.P. (ed.), pp. 3-14.

Забияко А. А., Зиненко Я. В., Конталева Е. А., Цмыкал О. Е., 2018, «Я очень хочу встретиться с тобой – живым свидетелем истории Харбина»: эмигрантский архив Валентины Хан, „Emigrantologia Slowian” vol. 4 (2018), с. 15-28

Анна А. Забияко,

ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

Яна В. Зиненко,

ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-6255-9756>

Евгения А. Конталева,

ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-6255-9756>

Ольга Е. Цмыкал

ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-7622-7437>

(Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия)

«Я очень хочу встретиться с тобой – живым свидетелем истории Харбина»: эмигрантский архив Валентины Хан

“I really want to meet with you – a living witness to the history of Harbin”: the immigrant archive of Valentina Khan

Резюме: статья посвящена реконструкции повседневной жизни эмигрантского сообщества в Харбине с 20-х гг. прошлого века по начало 2000 гг. Источником и материалом исследования послужил архив Валентины Хан – этнической кореянки, считавшей себя русской и являвшейся духовным лидером последних русских харбинцев. Судьба В. Хан отразила все приметы жизни русской эмиграции в Китае – годы учебы в учебных заведениях Харбина, японскую оккупацию, приход советских войск в 1945 г., культурную революцию и последующие репрессии, дальнейшее рассеяние по странам и континентам, культурную и религиозную жизнь общины оставшихся в Харбине могижан русской эмиграции.

Ключевые слова: эмигрантология, русский Харбин, архив, эпистолярии, православие, этнокультурная идентификация, культурная революция

Summary: The article presents the reconstruction of the everyday life of the emigrant community in Harbin since the 1920's up to the beginning of 2000's. The research is based on the materials collected in the archive of Valentina Khan, an ethnic Korean who considered herself Russian and was the spiritual leader of the last Russian emigrants in Harbin. The fate of V. Khan reflected all the specificity of Russian emigration life in China – school years and the years of higher education in Harbin, the Japanese occupation, the arrival of Soviet troops in 1945, the cultural revolution and subsequent repression, the further scattering of countries and continents, the life of the “Mohicans” of Russian emigration who stayed in Harbin.

Key words: emigrantology, Russian emigration community in Harbin, archive, epistolaria, orthodoxy, ethnocultural identification, cultural revolution

За последние два десятка лет эмигрантология дальневосточного зарубежья получила фундированное развитие в исследованиях китайских и российских ученых – историков, религиоведов, архитекторов, литературоведов (Диао Шаохуа 2001; Ли И 2002; Ли Мэн 1999; Полански 2002; Таскина 1998; Хисамутдинов 2000; Хисамутдинов 2002; Крадин 2001, Левашко 2003, Аблова 2004; Забияко 2005; Забияко, Эфендиева 2009а; Забияко, Эфендиева 2009б; Забияко 2013; Забияко 2014; Забияко, Эфендиева 2015; Забияко, Забияко, Левашко, Хисамутдинов 2015; Забияко 2016). Данные

научные изыскания, основанные на детальном изучении архивов (ГАХК, ГАРФ, ИРЛИ, ИМЛИ, РГБ, Славянской библиотеки, Тургеневской библиотеки и др.), частных коллекций известных эмигрантов-дальневосточников (В.А. Слободчикова, Л.А. Хаиндровой, Л. Андерсен, В. Перелешина, Н. Щеголева и др.), содержательно дополняются публикациями воспоминаний и мемориальных свидетельств эмигрантов и их родственников (*Русский Харбин. Чтобы помнили; Восточное полушарие; Русские харбинцы* и др.).

История, как известно, творится личностями, а движется обычными людьми. История русской эмиграции на Дальнем Востоке и, в первую очередь, русских в Харбине была бы неполной, если бы ее воссоздание строилось исключительно на свидетельствах поэтов, писателей, известных научных и политических деятелей. Потому столь большой ценностью обладают в настоящее время устные истории оставшихся в живых эмигрантов и их потомков (Зиненко, Цзюй 2015; Ли 2017; Сенина 2017; Забияко, Забияко 2018; Забияко, Зиненко, Чжан 2018), а также эпистолярное наследие эмигрантов. Особый интерес вызывают архивные документы, свидетельствующие о судьбе эмигрантской общины в Китае в диахронии. Одним из таких собраний становится коллекция харбинского историка-любителя Ли Ляна (Li Liang) (Ерёмин 2015а; Ерёмин 2015б; Ерёмин 2016). Выкупив письма Валентины Павловны Хан – русской кореянки, жившей в Харбине, он начал активную работу по сохранению и продвижению бренда «Валя Хан». В 2015 г. Ли Ляном был открыт ресторан под названием «В память о Вале Хан», а в 2016 г. на средства от продажи ресторана был открыт «Музей писем русских эмигрантов». К сожалению, сделать проект востребованным в китайской среде не удалось – в настоящее время музей не функционирует.

В настоящее время Ли Лян владеет более чем 10 тыс. отсканированных документов, писем, поздравительных открыток и фотографий. Во время полевой экспедиции сотрудников «Центра изучения дальневосточной эмиграции» Амурского государственного университета в 2016 г. в г. Харбин Ли Лян передал Центру часть оцифрованных писем, которые В.П. Хан хранила в своём доме с середины 60-х гг. XX в. до момента её кончины. Это не только письма, которые отправляли харбинцы (М. Мяттов, В. Зинченко, Н. Давиденко и др.), и их копии, но и копии писем Валентины Хан, которые она отправляла родственникам, знакомым и друзьям в СССР, Россию, Австралию, США и др., а также все поздравительные открытки, письма, документы, записки, присланные ей. В архиве харбинки можно найти вырезки из газет, фотографии, записки, счета, заявления в органы власти, свидетельства о смерти и огромное количество других уникальных записей.

Архив Валентины Павловны Хан – ценнейший источник реконструкции истории повседневной жизни многонационального Харбина, центра дальневосточной эмиграции. Валентина Хан была этнической кореянкой и настоящей харбинкой, пережившей в этом городе и с этим городом практически все этапы его вековой истории. Она родилась в семье корейцев в Никольск-Уссурийске в 1922 году (Косицын 2005: 7). По другим источникам – 31 октября 1924 года в Чаньчуне (Хан 2005б: 6), куда в 1923 году перебрался её отец, Павел Трофимович Хан, выходец из бедной крестьянской семьи, имевший три класса образования церковно-приходской

школы и два класса гимназии. Сам он родился во Владивостоке; там в 1918 году женился на матери Вали – Елизавете Павловне, тоже кореянке. После рождения дочери семья Хан переехала в Харбин, где и обосновалась на долгие годы. В Харбине родились младшие братья Валентины – Георгий (Юрий, 1927) и Эраст (1930): «Будучи уроженцем Приморского края России, он [П.Т. Хан] в 1923 году вместе с волной беженцев переехал с женой в Китай, в г. Чаньчунь, где в 1924 году родилась дочь Валентина. В Чаньчуне в то время русских не было, поэтому он вместе с семьей переехал на постоянное жительство в Харбин, где я [Г.П. Хан] родился в 1927 году, а в 1930-м появился на свет мой младший брат Эраст» (Хан 2008: 1). В скором времени отец Валентины Павловны занялся коммерцией и стал состоятельным человеком:

«Природа наделила его аналитическим умом и способностью к коммерции, он умел располагать к себе людей и находить с ними общий язык. Все эти качества способствовали успешному ведению дел, и уже к своим 28 годам он вывел семью из нужды» (Хан 2008: 1).

Обучение Валентины Хан началось в русской гимназии им. Достоевского, переименованной позднее в Гимназию Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ), а затем, японцами, во 2-ю Высшую женскую школу, которую Валентина и закончила в 1939 году. В том же году В. Хан поступает в Северо-Маньчжурский Университет на коммерческое отделение и оканчивает его в 1942 году, получив степень кандидата коммерческих наук: «Моя дорогая соученица, однокашница. Мы с тобой птенцы гнезда Северо-Маньчжурского У.» (Виталий. Письмо [в]). С 1939 по начало 1946 года Валя учится в Первой харбинской музыкальной школе у Н.К Фокиной-Сидоровой по классу фортепиано. В одном из писем она вспоминала:

«В 1946 г. когда случайно я попала в г. Хайлар из Якэши на 1 месяц, то Коля Слезкин уговорил меня выступить на Хайларской сцене аккомпанировать ему “Чардаш” Монти. Пришлось сыграть его дважды на бис. К сожалению, я не оправдала надежд Нины Константиновны, которая считала меня самой лучшей ученицей» (Хан 1993а: 1). В 1943 году Валентина прошла курсы кройки и шитья у Ж.Т. Игнатович, а с 1944 по январь 1946 года училась на Фельдшерско-акушерских курсах при Мариинской общине Красного Креста в Харбине. Георгий Хан писал: «Получив такое блестящее всестороннее образование, Валя еще в школе прониклась большой любовью к России, ко всему русскому и, вращаясь в русской среде, порой забывала, что она кореянка» (Хан 2005б: 7).

Помимо родного корейского языка, которым во взрослой жизни она практически не пользовалась, Валентина владела ещё четырьмя: русским, английским (который она выучила на курсах в колледже Христианской ассоциации молодых людей (ХСМЛ) и благодаря которому она так же могла зарабатывать на жизнь), китайским (которым она овладела во время 12-летнего заключения в китайской тюрьме и ссылке), и японским, который, как русский и английский, она преподавала.

В душе Валентина Хан считала себя русской. Вместе с русским языком, который сыграл главную роль в её непростой жизни, на нём думала, писала письма, и который в тяжёлое время её «кормил», она впитала и русскую культуру. Валентина была крещена в Русской православной церкви и до конца жизни оставалась глубоко верующим человеком. Она подчеркивала, что именно вера помогла ей выжить в тяжкие годы душевных и физических испытаний.

В 1945 году в Харбин вошли советские войска, а следом, после их ухода, части 8-й Китайской армии, в составе которых были и корейские подразделения. Корейцы не могли простить Павлу Трофимовичу Хану его богатства: ворвавшись в дом, выгнали всю семью Хан на улицу, полностью завладели имуществом, а китайские власти национализировали принадлежавшие семье три дома: «Однажды ворвавшись к нам, они выгнали всех нас, в чем мы были, на улицу и полностью разграбили наш дом, захватив с собой все, что можно было унести, а то, что не смогли – варварски разбили и переломали» (Хан 2008: 2).

Чтобы избежать дальнейших репрессий, семье пришлось переехать из Харбина на железнодорожную станцию Якэши. Отец, оба сына и дочь устроились на работу в Управление лесных концессий КЧЖд и Братьев Воронцовых, где Валентина работала секретарём-машинисткой:

«Во-первых, война, козни гоминдановцев, заставившие нашу семью срочно покинуть Харбин и выехать в Якэши, где я прожила несколько лет. Вторых, надо было думать о заработках. В Якэши работала секретарем-машинисткой у советского подполковника, потом вернулась сама в Харбин, а родители и Юра с Эриком оставались в Якэши. Продолжала повышать свою квалификацию на Восточно-экономическом факультете ХПИ, работая одновременно в Лесном отделе железной дороги» (Хан 1993а: 1).

Работая в Управлении, В.П. Хан также принимала активное участие в общественной жизни городка, была секретарем Местного комитета профсоюза и заместителем председателя Союза советской молодежи: «По инициативе и под руководством Вали был построен сельский стадион. Скучать было некогда, но все же тосковали по Харбину» (Хан 2008: 2).

В августе 1949 года Валентина Павловна была переведена в Правление лесных концессий КЧЖд и Братьев Воронцовых в Харбине. Она сняла квартиру в Модягоу на Балканской улице, куда вскоре переехали и родители. В 1950-е годы младший брат Эраст со своей семьёй перебрался в Советский Союз, поддавшись пропагандистским призывам осваивать целину. Средний брат Георгий находился в Корее, где в то время шла война: «Китай направил в Корею свои войска и стал набирать в Харбине добровольцев из числа корейской диаспоры, проживавшей в Харбине. Получил из военкомата повестку и я. В военкомате меня стали расспрашивать, но ничего толком я им сказать не мог, так как если по-китайски я мог еще разговаривать по типу “твоя моя”, то корейский язык, к своему стыду, я не знал, так как все годы жил среди русских, совершенно не общаясь с корейцами» (Хан 2008: 2–3). Вернувшись из Кореи в 1958 году, Георгий также в 1961 уехал со своей семьёй в Советский Союз,

в Казахстан, договорившись с Валентиной и родителями, что они переедут к нему, как только он там устроится. Однако вскоре отношения между Советским Союзом и Китаем настолько ухудшились, что границу закрыли.

Переписываясь с братом Георгием, живущим в Казахстане, Валентина пыталась получить визу для встречи с ним, часто ездила в посольство в Пекин. В это время в Китае начинается культурная революция. Валентине предъявляют обвинение в «шпионаже в пользу СССР». По воспоминаниям брата, «29 августа 1964 года ее [В.П. Хан] прямо на улице схватили и, втолкнув в машину, повезли в тюрьму, где поместили в одиночную камеру» (Хан, 2005: 6). В течение восьми лет Валентину Павловну практически ежедневно вызывали на допросы по поводу контрреволюционной деятельности и шпионажа. Только через восемь лет и пять месяцев ей был зачитан приговор о десяти годах тюремного заключения и впервые было разрешено увидеться с матерью: «Присутствующая при нашей встрече переводчица не могла удержать слез сочувствия, а мы с мамой сдерживали слезы, потому что заранее были предупреждены, что если будем плакать, то свидание будет прервано» (Хан 1985д: 2).

Георгий в воспоминаниях о Валентине пишет: «За все свои тюремные годы она не имела никаких сведений о своих родителях и переживала за них, зная, что без нее им просто не на что жить» (Хан 2005б: 6). И Валентину действительно ждал очередной удар: пока она сидела в тюрьме, умер отец. Валентина в письме к близкой подруге пишет: «Ты спрашиваешь меня о моем папе и братьях. Мой папа умер в 1973 году, когда я сидела в тюрьме. Был парализован 8 месяцев и все время звал меня: “Валя, где ты; почему не идешь домой?”» (Хан 1985д: 2). О смерти отца ей стало известно через полгода от матери, которая при свидании поначалу не узнала свою дочь: настолько изменили Валентину годы тюрьмы и болезни. Саму же Валю потряс вид Елизаветы Павловны: «в трауре, с заплатами на одежде, с бедной передачей» – всё, что можно было продать, родители отдали за бесценок, чтобы как-то выжить во время её отсутствия.

Будучи глубоко верующей, в заключении Валя почти все время горячо молилась. Вера её в тюрьме, по свидетельствам самой Валентины, ещё больше окрепла. В письме подруге В. Хан пишет: «Знаешь, Милушенька, я в тюрьме видела тебя во сне очень ясно, что ты стояла в часовенке, ярко освещенной многими свечами, и обратилась ко мне с утешительными словами. В другой раз так же в тюрьме я видела во сне духовного отца Филарета с рядом стоявшим В. Жернаковым, которые молились, а потом о. Филарет благословил меня. Вот я и думала, что вы все молитесь за меня. Низкий поклон всем, кто молился за меня – великую грешницу. Это Господь Бог покарал меня за все мои грехи молодости. Теперь моя душа очистилась от грязи и пороков жизни, но, конечно еще недостаточно» (Хан 1985д: 1).

Ежедневно в перерывах между молитвами с помощью русско-китайского и китайско-русского словарей она читала китайские газеты и журналы, произведения Мао Цзэдуна. Георгий Хан писал, что «иностранные языки давались ей легко, и к концу тюремного заключения она уже свободно владела китайским» (Хан 2005б: 6). Достойны восхищения цельность натуры и мужественность простой русской эмигрантки, и в то же время не испытывавшим таких страданий невозможно до конца

понять степень психологических деформаций жертв репрессий. Как отмечала сама Валентина, годы, проведённые в одиночной камере, не прошли для неё даром: «На свободе у меня не было бы столько свободного времени и терпения» (Хан 1993а: 1).

Тюрьма и последующие гонения оказали на Валентину Павловну, безусловно, негативное воздействие. По воспоминаниям брата, продержав Валю в одиночной камере более 9 лет, в 1975 году власти отправили её в деревню на «перевоспитание», где ей давали самую тяжелую и грязную работу. Долгое заключение подорвало её здоровье настолько, что тюремный врач вынес суровый приговор: Валя – не жилец на этом свете. Одно время в России среди харбинцев даже ходили слухи, что Валентина умерла в заключении: «Перед освобождением из лагеря среди “китайцев” прошел слух о том, что ты погибла и все, кто тебя знал, скорбели о тебе. Только в 1995 г. я получил от друга из Новосибирска газету, в которой сообщалось, что ты посещала Новосибирск, что не могло не обрадовать меня» (Борис 2004). Сама Валентина пишет: «Милочка Иванова (теперь Осипова) писала, что по мне служили панихиды и справляли поминки, а вот, я жива» (Хан 1993а: 2).

Её отпустили умирать, но она выжила и вернулась почти в пустой дом: «Вероятно, тебе уже известно от Ал<л>очки, что я десять лет сидела в тюрьме, после выхода оттуда меня отправили в деревню копать землю 2 года, но ввиду опасной болезни (гнойное воспаление печени, туберкулез, ревматизм и сердце), мне разрешили вернуться домой к маме “умирать”. Я считаю, что я родилась в рубашке, что выскочила живой из котла нашей “великой культурной революции”» (Хан 1985а: 1). Вот как восторженно отзываясь о ней один из её друзей по переписке: «Склоняю свою голову перед твоими страданиями, мучениями, пережитыми в прошлые годы. Ты героически все перенесла и вновь обрела интерес и желание к жизни. Честь тебе, похвала твоим героическим деяниям – женщина. Какой великий пример тысячам и тысячам мужчин. На дорогах сталинских лагерей я много видел их, в мужских штанах, а с душой червяка. Вспомни! Ты в юности читала выражение поэта о таких, как ты: “такая женщина, вот именно такая, за Францию погибла на костре!”, сравнивая себя с Жанной Д’арк!» (Виталий. Письмо [в]).

По некоторым данным, к концу 10-летнего срока Валентина получила письмо от матери, в котором сообщалось, что Елизавета Павловна очень больна. В то же время к Вале начал проявлять интерес начальник лагеря, обещавший ей свободу в обмен на женитьбу. Обретя свободу ценой такого мезальянса, Валя смогла вернуться в Харбин к матери и тогда наконец порвала связь с мужем. Ей было 54 года. Муж не переставал преследовать её, требуя вернуться; но Валя откупила, подарив тому велосипед и 200 юаней.

В 1982 году Валентина Павловна была реабилитирована, ей дали двухкомнатную квартиру, выплатили часть зарплаты – 10 тыс. юаней, начислили пенсию: «Я даже благодарна судьбе, что теперь я живу очень даже неплохо. Живу одна в квартире из 43 квадратных метра (две комнаты, кухня, коридор и туалет)...» (Хан 1993а: 2).

Из писем Валентины Павловны известно, что в юности у неё был непродолжительный тайный роман с П. Сусловым (она признаётся в этом уже на закате жизни). В число её поклонников входил также Анатолий Вележев, старший сын

известного харбинского журналиста и писателя А.П. Вележева (псевдоним – А. Волин), который в письме матери писал о Вале, что он «всегда её любил, любит и никогда не забудет» (Вележев 1947). Тем не менее, как позже писала сама Валя,

«личная жизнь <...> не сложилась. Выходила замуж, но очень неудачно, поэтому развелась. У каждого человека свое понятие о счастье. У меня счастье это – уважение и признание моих способностей в обществе. А о личной жизни уже не думаю – нет интереса» (Хан 1985в).

Возможно, во многом одинокую судьбу Валентины определил характер её матери. В одном из писем Валя признаётся: «Она [Е.П. Хан] страшно любила меня какой-то ревнивой любовью: никому не разрешала близиться со мной, особенно не подпускала мужчин, чтобы я не вышла замуж» (Хан 1992а). Тем не менее, жили они с матерью «душа в душу». Валя очень любила и жалела Елизавету Павловну, после освобождения ухаживала за больной матерью двенадцать с половиной лет и позже, несмотря на трудности, «с теплом вспоминала те годы» (Косицын 2005: 6).

Испытав невероятные тяготы и лишения, не сумев построить личного счастья, Валентина Павловна всю себя отдавала ученикам. Для начала она набрала небольшую группу и стала преподавать русский язык. Позже стала преподавать русский в Политехническом институте (ХПИ) (по договору), набрались у нее группы и по английскому языку. При этом плату за обучение Валентина Павловна брала незначительную – «настолько мизерную, что ее можно было считать символической» (Хан 1986). Зная, что многие из учеников приходят уставшие и голодные, Валя подкармливала их, чем могла, а если «...видела, что кто-то нуждается, она не брала с него плату за обучение, а сама помогала ему вещами или деньгами, причем делала это очень тактично» (Хан 1986). Ученики приходили к Валентине на праздники, приносили разные, чаще съедобные, гостинцы: «Мои домашние ученики, студенты, аспиранты и инженеры перед праздниками задаривают меня подарками, провизиями, винами, – так что жизнь у меня наладилась. Теперь мое счастье в педагогической деятельности» (Хан 1985а: 1). Дети любили свою преподавательницу всей душой, а благодарные родители в ответ старались тоже сделать что-нибудь приятное. Валентина отмечает:

«Тринадцать с лишним лет, вплоть до конца 1991 г., я преподавала дома у себя русский, английский и иногда японский языки. Зарабатывала неплохо, хотя брала с учеников самую малую плату во всем городе. Надо мной смеялись, что беру так дешево, но зато очень многие ученики теперь уже стали переводчиками и разъезжают по городам СНГ с торговыми делегациями. Так что я не зря прожила свою жизнь» (Хан 1985а: 1).

Позже Валентина также начинает преподавать «игру на фортепьяно малышам» (Хан 1992а).

В разные годы через уроки Валентины Павловны прошли 1235 учеников. До последних месяцев жизни она занималась с ними. В письме от 15.06.2005 г. она пишет:

«Я ежедневно занята с учениками и еще по воскресеньям открыла “Салон разговорного русского языка” во Дворце трудящихся на Старохарбинском шоссе. Провела уже 5 воскресений. Возраст уже солидный – 82 года. Хожу пока довольно бодро, но с тросточкой» (Хан 2005а).

Свое счастье Валентина обрела не только в педагогической деятельности. С открытием Покровского храма в Харбине (после долго перерыва) В.П. Хан стала принимать живейшее участие в церковной и общественной жизни – помогала настоятелю храма о. Григорию, стала чтецом и хористкой, научив прихожан-полукровок церковному песнопению. Перед большими праздниками разучивала тропари: «У нас в городе осталась только одна православная церковь – Покровская (это бывшее старое кладбище, которое снесли, но церковь оставили). Только в прошлом году (1984) она была открыта. Служит в ней отец Григорий, китаец, но говорящий по-русски, потому что воспитывался в Пекинской духовной семинарии. Ему 59 лет. Большую бескорыстную помощь в открытии нашей церкви оказал мне лично Павел Суслов, с которым переписываюсь вот уже 2 с лишним года. Очень часто по воскресеньям к обеду приходят в церковь приезжающие иностранные туристы, фотографируют. К сожалению, молящихся в церкви русских харбинцев мало, потому что все старики и старушки, некоторым из которых трудно добираться до церкви. Немало есть полукровцев» (Хан 1985д: 3). Валентина Павловна активно содействовала распространению кассет с церковными песнопениями, после чего делилась ими со знакомыми православными харбинцами: «Вашу кассету с песнопениями к “Воздвижению Креста” я получила 5/10-с.г. и с наслаждением неоднократно прослушивала ее, а потом передала братьям Мятovým и З.И. Бородиной, которые тоже слушали почти неделю» (Хан 1985а).

Валя также помогала М.М. Мятovu, который распространял средства, получаемые из Австралии и США на нужды престарелых в Харбине:

«Последнее время М.М. Мятov, Э.М. Стокальский, сестры Лукьяновы Зина и Лена, некая Нина Борисовна – преподавательница русского языка в одном из местных институтов – приезжая из России, вот уже два года постоянная прихожанка нашей церкви, – собираемся экспромтом у Ефросинии Андреевны Никифоровой после обедни в церкви, обедаем вскладчину, ведем неторопливые беседы, вспоминаем старый Харбин, друзей и знакомых <...> Огромное спасибо людям в США, помогающим нашим старичкам и старушкам преодолевать материальные затруднения!» (Хан 1992б).

В каждом письме родным, друзьям Валя поздравляла их с православными праздниками, а также сообщала новости православной общины харбинцев:

«Между прочим, ведь сегодня Радоница, я ездила на кладбище вместе с группой оставшихся в Харбине русских и полукровцев. Набрался полный автобус. На могилах служил отец Григорий Чжу» (Хан Письмо [а]); «У нас

русских осталось очень мало, но полукровцев очень много. Пока в церковь ходят всего-то человек 20 вместе с полукровцами» (Хан 1992в); «На почте я была потрясена весом посылки. У меня вылезли глаза на лоб, когда обнаружила... кулич, настоящий пасхальный кулич, и в таком прекрасном состоянии, как будто спечен два дня тому назад. А какой он ароматный! Со всеми запахами, какие положены быть в настоящем русском куличе “дореволюционного времени”! Прежде, чем его резать, я с восторгом покрутилась возле него, вдыхая аромат, и со слезами радости поблагодарила Пресвятую Богородицу и Николая Чудотворца за чудо, присланное мне тобою» (Хан 1993б).

Много писем приходило Вале с восхищёнными отзывами и советами о ведении церковных дел в Харбине: «Но для нас все же разным был Харбин. А тебе суждено стать хранительницей его старины, ангелом-хранителем этой горстки православных людей, собирающихся под сводами Покровского храма» (Письмо [б]). В 1997 году Валентина Павловна была отмечена грамотой от православной общины Нью Йорка за активное участие в розысках останков епископа Ионы Ханькоуского в 1994 году: «Божье благословение за усердные труды. Вы, будучи воспитаны в русском православном духе, пронесли верность святому Православию через всю свою жизнь, не взирая ни на какие житейские трудности, возникшие в последние годы. Вы по мере возможности активно участвуете в церковной жизни, а последние годы поете в церковном хоре. Также Вы занимаетесь благотворительной деятельностью – помогаете нуждающимся и пожилым людям» (Митрополит Виталий 1997).

В 1984 году политический климат в Китае потеплел и в Харбин стали приезжать из разных стран туристы, среди которых было много бывших харбинцев. Приезжали из Америки, Австралии, Канады, России, Израиля и других стран: «Сюда [в Харбин] уже не раз приезжали бывшие харбинцы-русские из США, Австралии, Франции и др. стран <...> Большинство сразу же приходят в нашу Покровскую церковь...» (Хан 1985е).

С течением времени интерес к личности В.П. Хан возрастал. О Вале стали писать в газетах, её начали показывать по телевидению. Георгий Хан пишет: «...когда в Китай с визитом приезжал первый президент России Б.Н. Ельцин, то он лично захотел встретиться с Валей, и она была ему представлена» (Хан 2005б: 6). В 1990-х гг., несмотря на свой преклонный возраст, В.П. Хан много ездила по заграничным командировкам в страны СНГ, а также по России переводчиком для разных торговых фирм. Во время командировок встречалась с братьями, которые проживали в Казахстане. Об этих поездках она много писала:

«После 2-х месячного отсутствия опять наконец-то вернулась домой. Страшно соскучилась по Харбину и дому. Побывала в Алма-Ате от самолета до самолета – два дня у своих братьев. Жизнь там такая дорогая. Все продукты питания настолько дорогие, что люди обычно питаются только хлебом с молоком и супами с вермишелью. Я ежедневно на Украине кормила своих китайских компаньонов 6 человек этими супами, так они потом сами бегали

покупали на свои деньги мясо, говоря, что от таких супов у них в животе революция и упадок сил» (Хан 1993б);

«Побывали у моих двух братьев, которым я отвезла: мужчинам сорочки, майки и ветровки, а женщинам платья, блузки, шерстяные вещи. Все они были страшно рады, потому что на рынке такие вещи у них стоят очень дорого, и носят одежду из старого запаса. Да, в России сейчас много китайских рабочих по разведению овощей, строительству домов, оборудованию и укреплению зданий и др., а также приехало много молодежи для изучения русского языка» (Хан 1993в).

В 2000 году В.П. Хан была приглашена на съезд в Москву от православной общины города Харбина. Посетила много церквей и монастырей. Получила от митрополита Виталия «Благословенную Грамоту». В 2002 году в России вышел репортаж «После революции миллионы подданных Российской империи были вынуждены покинуть Родину» (Спирин, 2002), в котором В.П. Хан очень кратко рассказала журналисту Первого канала о своей судьбе. В мае 2005 года журналистка и писательница из Шанхая Чжоу Хэ выпустила книгу-роман под названием «История “шпионки” Вали» объемом 280 страниц со многими фотографиями и тиражом 6000 экземпляров.

Валентина Павловна Хан скоропостижно скончалась 8 ноября 2005 года от сердечного приступа. Она не хотела быть кремированной по китайскому закону:

«...наше кладбище в недалеком будущем, вероятно, утратит свое назначение, потому что русских старушек и старичков осталось очень мало, а после них, возможно, кладбище сравняют. Вот теперь уже там нельзя хоронить православных кит., корейцев и пр. национальностей, кроме русских и полукровцев, поэтому я уже крепко задумываюсь о том, что будет с моим телом после смерти. Не хочу быть сожженной в крематории, и когда помещают на хранение там же, то надо ежегодно платить взносы за нахождение праха, а кто же после моей смерти захочет платить за меня взносы?» (Хан 1991).

Георгий Павлович, брат Валентины, писал, что в адрес китайских властей поступило 12 факсов с просьбой похоронить В.П. Хан по православному обычаю, без кремации, но власти не разрешили. Прах Валентины Павловны был помещен не в урну, а в специально сделанный ящик наподобие маленького гроба. Похоронена она рядом с могилами её родителей, как и хотела. В Покровской церкви в то время уже не было священника, и австралийские харбинцы, друзья Валентины, прислали из Сиднея магнитофонную запись панихиды, совершенной ими в день кончины их доброго друга (Хан 2006).

Простая харбинская кореянка Валя Хан, воспитанная среди русских эмигрантов в православной культуре, не познав женского и материнского счастья, в полной мере перенесла горести, страдания русских эмигрантов и простых китайцев, выпавшие на их долю в нелёгкие годы исторических кризисов, нашла своё призвание в помощи

и сострадании ближним. Награду она видела в благодарности и успехах учеников, уважении окружающих, вежливом и чутком отношении друзей и знакомых.

Но архив харбинки Валентины Павловны Хан – это не только свидетельство частной судьбы русского праведника, без которого, как известно, не стоит русский мир. Старательно собранный и сохраненный в разнообразии эпистолярный, множества адресатов и маргиналий разного рода (счетов, доверенностей, писем, записок, заметок и т.д.), этот архив беспристрастно свидетельствует о сложной и запутанной истории простых русских эмигрантов, оставшихся в Китае, в ее повседневном течении.

Источники:

- Борис (без фамилии). *Письмо В. Хан от 29.07.2004*. Биробиджан.
- Вележев А. *Письмо В. Хан от 07.09.1947*.
- Виталий (без фамилии). *Письмо [в]*.
- Митрополит Виталий. *Благословенная грамота*, 11.06.1997, Нью Йорк
- Письмо [б]. *Адресант отсутствует. Дата отсутствует*.
- Хан В. *Письмо [а]*, Харбин.
- Хан В. *Письмо от 19.05.1985а*, Харбин, с. 1–2.
- Хан В. *Письмо от 18.05.1985б*, Харбин.
- Хан В. *Письмо от 31.01.1985в*, Харбин.
- Хан В. *Письмо от 15.12.1985г*, Харбин.
- Хан В. *Письмо от 27.07.1985д*, Харбин, с. 1–3.
- Хан В. *Письмо от 12.06.1985е*, Харбин.
- Хан В. *Письмо от 22.12.1986*, Харбин, с. 1–2
- Хан В. *Письмо декабрь 1991*, Харбин.
- Хан В. *Письмо от 05.05.1992а*, Харбин.
- Хан В. *Письмо от 23.05.1992б*, Харбин.
- Хан В. *Письмо от 25.07.1992в*, Харбин.
- Хан В. *Письмо от 02.04.1993а*, Харбин, с. 1–2.
- Хан В. *Письмо от 28.06.1993б*, Харбин.
- Хан В. *Письмо от 29.06.1993в*, Харбин.
- Хан В. *Письмо от 29.12.2004*, Харбин.
- Хан В. *Письмо от 15.06.2005а*, Харбин.
- Косицын Г., 2005, 8 ноября 2005 года в Харбине скоропостижно скончалась Валентина Павловна Хан, «На сопках Маньчжурии» № 122, с. 7.
- Хан Г.П., 2005б, Она прожила очень трудную, но красивую жизнь. Памяти Валентины Павловны Хан, «На сопках Маньчжурии» № 123, с. 6.
- Хан Г.П., 2006, Похороны Валентины Павловны Хан, «На сопках Маньчжурии», № 126, с. 6.
- Хан Г.П., 2008, Три этапа моей жизни, «На сопках Маньчжурии» № 146, с. 1–4.
- Русский Харбин (Harbin Russians...To remember). *Чтобы помнили.... Судьба Русского Харбина величественна и трагична.*
http://forum.vgd.ru/614/31743/4270.htm?a=stdforum_view&o= [07.12.2018].
- Восточное полушарие. *Русские Харбинцы. Темная страница истории.*
<https://polusharie.com/index.php?topic=1878.50> [07.12.2018].
- Еремин С., 2015а, В столице Хэйлуниязяна открылись салон «Харбинец» и кафе «У

- Вали Хан». <http://www.old.russianchina.org/articles/2015/09/02/6555> [07.12.2018].
- Еремин С., 2015б, *Две важные новости Харбина*, URL: <http://www.unification.com.au/articles/2950> [07.12.2018].
- Еремин С., 2016, *Горячий сентябрь в Харбине*, URL: <http://www.unification.com.au/articles/3451> [07.12.2018].
- Спирин П., 2002, После революции миллионы поданных Российской империи были вынуждены покинуть Родину, URL: https://www.1tv.ru/news/2002-11-07/259528posle_revoljutsii_milliony_podannyh_rossiyskoj_imperii_byli_vynuzhdeny_pokinut_rodinu [07.12.2018].

Литература:

- Аблова Н.Е., 2004, *КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.)*, Москва.
- Диао Шаохуа., 2001, *Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае): библиография*, Харбин.
- Забияко А.А., 2005, *Тропа судьбы Алексея Ачаира*, Благовещенск.
- Забияко А.А., Эфендиева Г.В., 2009а, *Меж двух миров: русские писатели в Маньчжурии*, Благовещенск.
- Забияко А.А., Эфендиева Г.В., 2009б, «Четверть века беженской судьбы...» (*художественный мир лирики русского Харбина*), Благовещенск.
- Забияко А.А., 2013, *На проселочных дорогах русской литературы: казус харбинской беллетристики*, Благовещенск.
- Забияко А.А., 2014, «Мои это годы, моя это жизнь и судьба!» (*Жизнь и творчество поэта Николая Щеголева в контексте судьбы «взыскующих поэтов» дальневосточного зарубежья*), Москва.
- Забияко А.А., Эфендиева Г.В., 2015, *В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии*, Благовещенск.
- Забияко А.А., Забияко А.П., Левашко С.С., Хисамутдинов А.А., 2015, *Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта*, Благовещенск.
- Забияко А.А., 2016, *Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина*, Новосибирск.
- Забияко А.П., Забияко А.А., 2018, *Русские в Трехречье: маргинальная этничность в маргинальных текстах (Иван Васильев)*, «Россия и Китай на дальневосточных рубежах» № 12.
- Забияко А.А., Зиненко Я.В., Чжан Жуян, 2018, *Беседы с русской харбинкой: Любовь Николаевна Ли*, «Россия и Китай на дальневосточных рубежах» №12.
- Зиненко Я.В., Цзюй Кунь, 2015, «Мы жили в Харбине, как при царской России»: *социокультурные и этнокультурные процессы 10-50 гг. XX в. в сознании дальневосточных эмигрантов*, «Россия и Китай на дальневосточных рубежах» №11.
- Крадин Н.П., 2001, *Харбин – русская Атлантида*, Хабаровск.
- Левашко С.С., 2003, *Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX–первая половина XX века*, Хабаровск.

- Ли И., 2002, *Образ Китая в русской поэзии Харбина*, Москва.
- Ли И., 2017, *История простой русской харбинки*, «Русский Харбин, запечатленный в слове» №7.
- Ли Мэн, 1999, *Харбин – продукт колониализма*, «Проблемы Дальнего Востока» №1, с. 96–103.
- Полански П., 2002, *Русская печать в Китае, Японии и Корее: каталог собрания библиотеки им. Гамильтона Гавайского университета*, Москва.
- Сенина Е.В., 2017, «Я скучаю по харбинской жизни»: *Социокультурные и этнокультурные процессы 1930-1950-х гг. в сознании дальневосточных эмигрантов*, «Русский Харбин, запечатленный в слове» №7.
- Таскина Е.П., 1998, *Русский Харбин*, Москва.
- Хисамутдинов А.А., 2000, *По странам рассеяния*, Владивосток.
- Хисамутдинов А.А., 2002, *Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке*, Владивосток.

Sources:

- Boris (without name). *Pis'mo V. Khan ot 29.07.2004*. Birobidzhan.
- Khan G.P., 2005b, *Ona prozhila ochen' trudnuyu, no krasivuyu zhizn'. Pamyati Valentiny Pavlovny Khan*, «Na sopkakh Man'chzhurii», № 123, p. 6.
- Khan G.P., 2006, *Pokhorony Valentiny Pavlovny Khan*, «Na sopkakh Man'chzhurii», № 126, p. 6.
- Khan G.P., 2008, *Tri etapa moyey zhizni*, «Na sopkakh Man'chzhurii», № 146, pp. 1–4.
- Khan V. *Pis'mo [a]*, Kharbin.
- Khan V. *Pis'mo dekabr' 1991*, Kharbin.
- Khan V. *Pis'mo ot 02.04.1993a*, Kharbin, pp. 1–2.
- Khan V. *Pis'mo ot 05.05.1992a*, Kharbin.
- Khan V. *Pis'mo ot 12.06.1985e*, Kharbin.
- Khan V. *Pis'mo ot 15.06.2005a*, Kharbin.
- Khan V. *Pis'mo ot 15.12.1985g*, Kharbin.
- Khan V. *Pis'mo ot 18.05.1985b*, Kharbin.
- Khan V. *Pis'mo ot 19.05.1985a*, Kharbin, pp. 1–2.
- Khan V. *Pis'mo ot 22.12.1986*, Kharbin, pp. 1–2
- Khan V. *Pis'mo ot 23.05.1992b*, Kharbin.
- Khan V. *Pis'mo ot 25.07.1992v*, Kharbin.
- Khan V. *Pis'mo ot 27.07.1985d*, Kharbin, pp. 1–3.
- Khan V. *Pis'mo ot 28.06.1993b*, Kharbin.
- Khan V. *Pis'mo ot 29.06.1993v*, Kharbin.
- Khan V. *Pis'mo ot 29.12.2004*, Kharbin.
- Khan V. *Pis'mo ot 31.01.1985v*, Kharbin.
- Kositsyn G., 2005, *8 noyabrya 2005 goda v Kharbine skoropostizhno skonchalas' Valentina Pavlovna Khan*, «Na sopkakh Man'chzhurii», № 122, з. 7.
- Mitropolit Vitaliy. *Blagoslovennaya gramota, 11.06.1997*, N'yu York
- Pis'mo [b]*. Without addressee. Without date.

- Russkiy Kharbin (Harbin Russians...To remember). *Ch Toby pomnili.... Sud'ba Russkogo Kharbina velichestvenna i tragichna.*
http://forum.vgd.ru/614/31743/4270.htm?a=stdforum_view&o= [07.12.2018].
- Spirin P., 2002, *Posle revolyutsii milliony podannykh Rossiyskoy imperii byli vynuzhdeny pokinut' Rodinu,* https://www.1tv.ru/news/2002-11-07/259528posle_revoljutsii_milliony_podannyh_rossijskoy_imperii_byli_vynuzhdeny_pokinut_rodinu [07.12.2018].
- Velezhev A. *Pis'mo V. Khan ot 07.09.1947.*
- Vitaliy (without name). *Pis'mo [v].*
- Vostochnoye polushariye. *Russkiye Kharbintsy. Temnaya stranitsa istorii*
<https://polusharie.com/index.php?topic=1878.50> [07.12.2018].
- Yeremin S., 2015a, *V stolitse Kh-eyluntszyana otkrylis' salon «Kharbineey» i kafe «U Vali Khan»* <http://www.old.russianchina.org/articles/2015/09/02/6555> [07.12.2018].
- Yeremin S., 2015b, *Dve vazhnyye novosti Kharbina,*
<http://www.unification.com.au/articles/2950> [07.12.2018].
- Yeremin S., 2016, *Goryachiy sentyabr' v Kharbine,* URL:
<http://www.unification.com.au/articles/3451> [07.12.2018].

References:

- Ablova N.E., 2004, *KVZhd i rossiyskaya emigratsiya v Kitaye: mezhdunarodnyye i politicheskiye aspekty istorii (pervaya polovina KHKH v.),* Moskva.
- Diao Shaokhua., 2001, *Literatura russkogo zarubezh'ya v Kitaye (v g. Kharbine i Shankhaye): bibliografiya,* Kharbin.
- Khisamutdinov A.A., 2000, *Po stranam rasseyaniya,* Vladivostok.
- Khisamutdinov A.A., 2002, *Rossiyskaya emigratsiya v Aziatsko-Tikhookeanskom regione i Yuzhnoy Amerike,* Vladivostok.
- Kradin N.P., 2001, *Kharbin – russkaya Atlantida,* Khabarovsk.
- Levoshko S.S., 2003, *Russkaya arkhitektura v Man'chzhurii. Konets XIX–pervaya polovina XX veka,* Khabarovsk.
- Li I., 2002, *Obraz Kitaya v russkoy poezii Kharbina,* Moskva.
- Li I., 2017, *Istoriya prostoy russkoy kharbinki,* «Russkiy Kharbin, zapechatlennyy v slove» №7.
- Li M-en, 1999, *Kharbin – produkt kolonializma,* «Problemy Dal'nego Vostoka», №1, pp. 96-103.
- Polanski P., 2002, *Russkaya pechat' v Kitaye, Yaponii i Koreye: katalog sobraniya biblioteki im. Gamil'tona Gavayskogo universiteta,* Moskva.
- Senina YE.V., 2017, *«Ya skuchayu po kharbinskoy zhizni»: Sotsiokul'turnyye i etnokul'turnyye protsessy 1930-1950-kh gg. v soznanii dal'nevostochnykh emigrantov,* «Russkiy Kharbin, zapechatlennyy v slove» №7.
- Taskina YE.P., 1998, *Russkiy Kharbin,* Moskva.
- Zabiyako A.A., 2005, *Tropa sud'by Alekseya Achaira,* Blagoveshchensk.
- Zabiyako A.A., 2013, *Na proselochnykh dorogakh russkoy literatury: kazus kharbinskoy belletristiki,* Blagoveshchensk.

- Zabiyako A.A., 2014, «*Moi eto gody, moya eto zhizn' i sud'ba!*» (*Zhizn' i tvorchestvo poeta Nikolaya Shchegoleva v kontekste sud'by «vzyskuyushchikh poetov» dal'nevostochnogo zarubezh'ya*), Moskva.
- Zabiyako A.A., 2016, *Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Kharbina*, Novosibirsk.
- Zabiyako A.A., Efendiyeva G.V., 2009a, *Mezh dvukh mirov: russkiye pisateli vMan'chzhurii*, Blagoveshchensk.
- Zabiyako A.A., Efendiyeva G.V., 2009b, «*Chetvert' veka bezhenskoj sud'by...*» (*khudozhestvennyy mir liriki russkogo Kharbina*), Blagoveshchensk.
- Zabiyako A.A., Efendiyeva G.V., 2015, *V khudozhestvennom mire kharbinskikh pisateley. Arseniy Nesmelov: Materialy k tvorcheskoy biografii*, Blagoveshchensk.
- Zabiyako A.A., Zabiyako A.P., Levoshko S.S., Khisamutdinov A.A., 2015, *Russkiy Kharbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira*, Blagoveshchensk.
- Zabiyako A.A., Zinenko YA.V., Chzhan Zhuyan, 2018, *Besedy s russkoy kharbinkoy: Lyubov' Nikolayevna Li*, «Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh» №12.
- Zabiyako A.P., Zabiyako A.A., 2018, *Russkiye v Trekhrech'ye: marginal'naya etnichnost' v marginal'nykh tekstakh (Ivan Vasil'yev)*, «Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh» № 12.
- Zinenko YA.V., Tszyuy Kun'i, 2015, «*My zhili v Kharbine, kak pri tsarskoy RossiI: sotsiokul'turnyye i etnokul'turnyye protsessy 10-50 gg. KHKH v. v soznanii dal'nevostochnykh emigrantov*», «Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh» №11.

Бронислав Кодзис
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-9474-880X>
(Опольский университет, Ополе, Польша)

Польская диаспора в Харбине (1898–1949)

Polish diaspora in Harbin (1898–1949)

Summary: The article presents the life and activity of the Polish colony in Harbin in the years 1898-1949. Its size, composition and social status were taken into account, the profiles of the most expressive representatives (engineers, doctors, architects, administrative activists, entrepreneurs) were outlined, as well as their contribution to the construction of the railway and the city of Harbin was underlined. Particular attention was paid to the religious, spiritual and cultural life of the Harbin Polish community. The activity of priests and parishes, social organizations, schools and the press was discussed, as well as their role in integrating the Polish community was determined. Numerous books and periodicals published in Polish and Russian were used in the work.

Key words: Chinese Eastern Railway, Harbin, Polish diaspora, Association "Polish Inn", Henryk Sienkiewicz lower-secondary school, Polish foreign press

Аннотация: В статье дается обзор жизни и деятельности польской колонии в Харбине, существовавшей в 1898-1949 гг. Отмечается ее количественный и качественный состав, выделяются фамилии наиболее известных представителей (инженеров, врачей, архитекторов, служащих, предпринимателей), а также подчеркивается их вклад в строительство Китайско-Восточной железной дороги и города Харбина. Особое внимание уделяется общественной и духовно-культурной жизни польской общины. Обсуждается деятельность католических приходов, общественных организаций, союзов, школ и прессы, подчеркивается их роль в консолидации польского населения Харбина. В качестве источников используются книжные и периодические издания, хранящиеся в польских и российских библиотечных фондах.

Ключевые слова: Китайско-Восточная железная дорога, Харбин, польская диаспора, общество «Господа польска», гимназия им. Г. Сенкевича, польская пресса за рубежом

Польский эпизод в истории Харбина тесно связан со строительством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) на территории Маньчжурии в 1897–1903 гг., в сооружении которой, кроме других наций, свой вклад внесли и представители польского народа. Они, как утверждает известный китаевед Георгий Мелихов, составляли вторую по численности, после русской, национальную группу, работавшую в различных ее службах и должностях (Мелихов 1991: 52). Вице-председателем Общества КВЖД в 1896–1903 гг. был инженер-путеец Станислав Кербедзь (1844–1910), племянник знаменитого строителя мостов на Неве в Петербурге и на Висле в Варшаве, который фактически заведовал всем строительством дороги. Он участвовал в проектировании ее трассы, надзирал за ходом изыскательских

и строительных работ, а также руководил подбором специалистов на высокие должности как на прокладке КВЖД, так и в ее администрации (Samujło 1966–1967: 421–422; Kajdański 2000: 31–32; 2014: 15–16, 31; Mistewicz 2017). Значительную группу среди них составляли опытные польские инженеры-путейцы, в частности Кароль Вебер, Ян Адольф Гершов, Тэофиль Гиршман, Стефан Оффенберг и некоторые другие, возглавившие строительные работы на большинстве участков магистрали (Cabanowski 1993: 12; Kajdański 2000: 35; 2014: 24–29; Orłowski 2006: 47–48; 2014: 10–11). Сооружением двух больших мостов на Сунгари¹ и одного на реке Нонни руководил инженер Александр Лэнтовски. Инженер Сэвэрын Ваховски, второй заместитель главного инженера КВЖД, руководил работами по созданию речного флота, пригодного для плавания по Сунгари. В 1897 году он был послан в Бельгию и Англию, где заключил контракт на постройку для КВЖД судов небольшого тоннажа, и в скором времени создал целую флотилию пароходов, катеров и барж, перевезших за время строительства дороги огромное количество грузов и оборудования (Мелихов 1991: 52; Kajdański 2000: 35; 2014: 17, 24). Поляки исполняли тоже руководящие административные должности в управлении КВЖД². К моменту сдачи дороги в эксплуатацию в 1903 году они, как свидетельствуют некоторые историки и мемуаристы, составляли 30% всего инженерно-технического ее персонала и почти 80% железнодорожных служащих (начальников станций, машинистов, кондукторов). А общая численность поляков, работавших в это время на КВЖД, доходила до 7 тысяч человек (Jabłońska, Krąkowi 1961: 163; Cabanowski 1993: 41; Kajdański 2000: 74, 76–77; Kałuski 2001: 40, 57, 59, 77; Rowiński, Szczudlik 2005: 26).

Поляки также принимали активное участие в закладке Харбина и организации его инфраструктуры. Основателем города был польский инженер Адам Шидловски. Весной 1898 года он возглавил экспедицию, состоящую из техников, рабочих, фельдшера, метеоролога и полусотни казачьей охраны, целью которой была подготовка на берегу реки Сунгари помещений для строительного управления КВЖД и грузов из Хабаровска, ожидаемых в мае 1898 года. Шидловски блестяще справился со своей задачей. Он разыскал подходящее место для постройки административного центра будущей КВЖД, расположенное между рекой Сунгари и ее притоком Ашихэ. Однако выбранная местность представляла собой неприглядную, болотистую равнину с редко разбросанными на ней китайскими фанзами, и соответствующих помещений, пригодных для размещения управления дороги, на этой территории Шидловскому найти не удалось. Так как времени для постройки новых зданий было недостаточно, Шидловски купил у местных китайцев фанзы заброшенного водочного завода, расположенного в 8 верстах от берега реки, и смог в них устроить временные помещения для первых строителей Харбина. Таким образом он заложил город,

¹ Самый длинный из них протяженностью 1005 м. был построен по проекту С. Кербеда в 1901 г. Стальные конструкции мостов изготовлялись польской фирмой Казимежа Рудзкого в Минске Мазовецком, откуда они на поездах перевозились в Одессу, а потом морским путем через Суэзский канал переправлялись на Дальний Восток в Николаевск и дальше на баржах к местам стройки в Маньчжурии (ср. Orłowski 2014: 11).

² Их обширный список с указанием должностей содержится в следующих работах: (Cabanowski 1993: 12; Kałuski 2001: 58–59; Kajdański 2014: 58–59).

который сперва назывался «поселком Сунгари»³. 16 мая 1898 года на пароходе «Благовещенск» из Хабаровска прибыло строительное управление КВЖД во главе с заместителем главного инженера Сергеем Игнациусом. Этот день, как утверждают некоторые историки и мемуаристы, следует считать официальной датой основания Харбина, хотя существуют и другие мнения, согласно которым город был заложен 12 или 26 апреля, а даже 28 мая 1898 года (см. об этом: Аблова 1998: 65).

Инженер Шидловски, а также прибывшие вместе с ним техники Высоцки, Равеньски и командир охраны Ян Павлевски, были первыми поляками, поселившимися в Харбине (Kajdański 2000: 34). Вскоре появились другие их соотечественники, активно включившиеся в строительство зданий и сооружений городской инфраструктуры. Автором первого плана застройки Харбина, разработанного зимой 1898–1899 г., был польский инженер Константы Ёкиш, занимавший в это время должность начальника технического отделения Общества КВЖД (Kajdański 2000: 37–40). Его проект был одобрен и принят к исполнению. Сперва под руководством русского инженера Андрея Лентеева и его помощника поляка Валенты Вельса застраивался район Старого Харбина, где располагалось управление КВЖД со всеми службами. Там появились новые улицы, первая церковь, банк, гостиница, больница и другие постройки, необходимые для железнодорожного персонала (Мелихов 1991: 74). Одновременно велись работы в прибрежном районе Пристаней. С весны 1899 г. строительство сконцентрировалось прежде всего в районе Харбина, называемом Новым городом, где разместились здания административных учреждений и служащих КВЖД. Особенно бурный размах работы приобрели при польском инженере Яне Обломевском, который, как утверждают Георгий Мелихов и Надежда Аблова, был главным строителем Нового города и, по сути, его создателем (Мелихов 1991: 91–94; Аблова 1998: 66). Под руководством Обломевского был построен огромный комплекс зданий управления КВЖД на Большом проспекте, в то время самый большой по габариту на Дальнем Востоке. Появились также здания Железнодорожного собрания и Коммерческих училищ КВЖД, Русско-Китайского банка и Гарнизонного собрания. Главной достопримечательностью Нового города стал кафедральный Свято-Николаевский собор, построенный по проекту петербургского архитектора-поляка Юзефа Падлевского (1863–1943) в 1899 году⁴. Расположенный на возвышенной Соборной площади, храм эффектно замыкал перспективу главных улиц Нового города. Этот шедевр деревянного архитектурного искусства, выполненный в стиле древнего зодчества русского Севера, постигла трагическая судьба. В 1966 году, в разгар «культурной революции» в Китае, храм был сожжен хунвейбинами. Сейчас на его месте находится сквер с цветочными клумбами (Шевцова 1993: 32–34; Чернышова 2016: 409–410).

Вслед за первостроителями в Харбин из Российской империи начали съезжаться представители самых разных слоев и профессий польского населения. Их привлекали благоприятные экономические условия жизни, а также особая, характерная для

³ Экспедиция Шидловского подробно описана мемуаристами и историками (см., напр., Grochowski 1928: 11–14; «Политехник» 1979: 83–84, 91; Kajdański 1982: 180–181; Мелихов 1991: 68; Аблова 1998: 64–65; Kałuski 2001: 63–64; Гончаренко 2009: 4–5).

⁴ О жизни и деятельности Падлевского (см.: Белоножкин 2005: 41–43; Брюханова 2006: 14–17).

Харбина атмосфера национальной и религиозной терпимости, которой в это время не хватало полякам на родине, где они подвергались политической и культурной дискриминации (Grochowski 1928: 16; Kajdański 1982: 182; Winiarz 2001: 391; Яньцю 2017: 217). Благодаря этому поляки смогли проявить свою инициативу и способности практически во всех сферах общественной и культурной жизни Харбина. Они работали в городских органах власти, в юстиции и финансовой сфере, активно содействуя с многонациональной этнической общественностью Харбина, где проживали представители 40 народов. Начальником гражданской администрации КВЖД в Харбине первоначально был полковник польского происхождения Адольф Зарэмба, которого на этом посту сменил Бронислав Громбчевски в 1905 году⁵. Функцию заместителя мэра несколько лет исполнял Эугениуш Дыновски, членами городского самоуправления были врач Козубовски и инженер Смигельски, а в должности начальника строительного отдела Харбина состоял А.Т. Збыднёвски, автор проекта водопровода, трамвайных линий и бульжной мостовой. Директором Русско-Китайского банка был Станислав Габриэль, главным его бухгалтером – Л. Островски, а заместителем председателя городского суда – Захоровски (Kałuski 2001: 41, 65; Winiarz 2001: 387–388).

Начиная с 1901 г. состав польской диаспоры в Маньчжурии пополняли рекруты, высылаемые из Царства Польского на службу в Заамурский округ пограничной стражи, особой военной формации, созданной для охраны КВЖД и территории вдоль ее трассы (Grochowski 1928: 16; Kajdański 1982: 182; Kałuski 2001: 77; Лятавец 2007: 78–79). Численность поляков в Маньчжурии еще больше возросла в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. В ней приняли участие десятки тысяч польских солдат и офицеров, призванных в русскую армию. Многие из них погибли, некоторые, отслужив свой срок, там поселились и устроились на работу в КВЖД (Kałuski 2001: 73–74).

Важной профессиональной группой поляков в Харбине были врачи, многое сделавшие для здравоохранения многонационального населения города. Одним из основателей медицинских учреждений и служб в Харбине был поляк Феликс Ясиньски, главный врач КВЖД с 1903 г. Во время русско-японской войны польские врачи массово командировались в Маньчжурию. Только из Варшавы их прибыло более ста (Kałuski 2001: 41, 58, 60). Польские врачи особенно отличились в борьбе с эпидемией легочной чумы, охватившей территорию Харбина и всей Маньчжурии в 1910–1911 гг. Заведующим санитарной частью противочумных мероприятий

⁵ Громбчевски (1855–1926) – российский генерал польского происхождения, путешественник и топограф, исследователь Центральной Азии, Памира, Тибета и Кашгарии. В 1896 г. он был назначен пограничным комиссаром Амурской области, а в 1899 – комиссаром по гражданской части Квантунской области. В 1905–1908 гг. Громбчевски занимал должность помощника управляющего КВЖД по гражданской части. С 1910 он жил в Варшаве, где издал свои воспоминания: *Kaszgaria. Kraj i ludzie. Podróż do Azji Środkowej* (1924), *Przez Pamiry i Hindukusz do źródeł rzeki Indus* (1924), *W pustyniach Raskemu i Tybetu* (1925), *Wspomnienia myśliwskie* (1925), *Na służbie rosyjskiej* (1926) (см. о нем: Olszewicz 1927; Рудницкий 2013).

в Харбине был в это время поляк Винцэнты Богуцки (1871–1929)⁶. Вместе с ним с чумной эпидемией боролись также врач-терапевт Вацлав Лазовски (1862–1919), психиатр Константы Фиалковски (1874–1943), старший врач Центральной больницы КВЖД в Харбине Тадэуш Новкуньски (1861–1931) и ряд других. Они заслужили признание всего местного населения. Лазовски был не только замечательным врачом, но и активным общественным деятелем харбинской колонии. Когда он скоропостижно скончался, поляки в знак благодарности присвоили его имя одной из своих школ (Szukiewicz 1928: 58; Cabanowski 1993: 27–29). Глубокое уважение завоевал себе и Фиалковски, проработавший много лет в должности заведующего психиатрическим отделением Центральной больницы КВЖД в Харбине⁷. А Новкуньски за свою поистине героическую борьбу с чумой был удостоен высокой китайской награды (Kałuski 2001: 66).

Среди поляков, прибывших в Харбин на рубеже XIX – XX в., было немало деловых людей – коммерсантов, предпринимателей, которые, используя благоприятные условия для своей деятельности, значительно оживили хозяйственную жизнь города. Первый в Маньчжурии пивоваренный завод открыл поляк Ян Врублевски, первую паровую мельницу запустила фирма «Дыновски-Ковальски», а в городе Ашихе, расположенном неподалеку от Харбина, в 1906 г. поляками был построен первый на Дальнем Востоке свекольно-сахарный завод, оборудование для которого поставляла варшавская фирма «Борман, Шведе и Ко» (Kajdański 2000: 67–69; 2014: 229–232; Kałuski 2001: 41).

Поляки были также владельцами нескольких концессий. Большая лесная концессия общей площадью в 5770 кв. км. принадлежала Владыславу Ковальскому (1870–1940), именуемому «королем Маньчжурии». На ее территории работали два лесопильных завода и две электростанции. Для транспорта дерева использовались 128-километровая ширококолейная и 45-узкоколейная железные дороги, а также 7-километровая горная канатная дорога. Ковальски первым в Маньчжурии открыл производство фанеры. В зависимости от сезона на его концессии работали от 2 до 8 тысяч рабочих и от 90 до 100 служащих, среди которых было много поляков. В Харбине Ковальски был одним из крупнейших меценатов и благотворителей. Он бескорыстно помогал многим, невзирая на их национальное происхождение. Ковальски вложил немало средств на строительство Харбинского политехнического института. Он играл исключительную роль в жизни харбинской колонии, финансируя строительство костелов, школ и других общественных зданий, а также участвуя в различных благотворительных мероприятиях и организациях. После японской оккупации Маньчжурии концессия Ковальского была аннулирована. Он сам в состоянии крайнего нервного истощения умер в Харбине от инфаркта (Grochowski

⁶ Он составил отчет о ходе мероприятий по борьбе с чумой (Богуцкий 1911; Супотницкий, Супотницкая 2006). В 1920 г. Богуцки переехал в Варшаву, где занимал посты начальника отдела здравоохранения при городском самоуправлении и заместителя мэра (Kałuski 2001: 56–57).

⁷ Кроме того, Фиалковски принимал участие в создании Общества защиты детей, приюта «Ясли», Яхт-клуба, в учреждении санатория «Зеленый остров» на реке Сунгари (См.: Фиалковский 1990:192–193; Таскина 2001:146–149; Мелихов 2003: 332–333, 369).

1928: 192–193; Kajdański 2000: 71–72; Kałuski 2001: 41–42; Neja 2003: 68–70; Skóra 2010: 132–140).

Владельцем огромной концессии площадью в 40 000 кв. км. был Казимеж Гроховски (1873–1937), горный инженер, путешественник, крупный исследователь Северо-Восточной Сибири, Аляски, Монголии и Маньчжурии⁸. На своей концессии, расположенной на территории Барги (Внутренняя Монголия), он в 1916 г. основал поселок «Форт Гроховский», где вёл поиски месторождений полезных ископаемых. Изыскания Гроховского дали положительные результаты. Он открыл богатые залежи нефти, золота, медной и оловянной руды, каменного угля, и намеревался приступить к их добыче, но политическая ситуация в Китае не позволила ему осуществить эти планы. В 1919 г. Китай ликвидировал автономию Барги и концессионное соглашение Гроховского, заключенное с монгольским князем провинции, было расторгнуто. В этих обстоятельствах Гроховски из Барги переселился в Харбин, где стал одним из наиболее активных деятелей польской колонии⁹.

Деятельность поляков в Харбине не ограничивалась участием в организации городской инфраструктуры, самоуправления и предпринимательства, она была намного богаче и разнообразнее. Будучи составной частью многочисленного и этнически разнородного населения, поляки не растворились в нем, не ассимилировались, а сохранили национальную идентичность, создали общину, развивающую свою культуру и традиции. Основным, спаивающим их звеном, была вера, принадлежность к римско-католическому вероисповеданию¹⁰. Неудивительно, что одной из главных задач, стоящих перед польскими поселенцами в Харбине, было создание католического костёла. Первый из них был открыт в т.н. Корпусном городке на территории Старого Харбина, где находились казармы пограничной стражи КВЖД. Капелланом костёла был назначен ксёндз Адам Шпиганович. В связи с тем, что приспособленное для богослужения здание было невелико и вскоре из-за тесноты не могло поместить всех верующих, начались приготовления для постройки другого костёла в районе Нового города. В 1902 г. было учреждено Римско-католическое благотворительное общество, которое занялось организацией польской религиозной жизни в Харбине, а в первую очередь строительством польского храма. В состав общества вошли наиболее достойные члены польской колонии, обладавшие авторитетом, деловыми качествами и капиталами. В акцию сбора денег активно

⁸ В 1906–1920 гг. он участвовал в 30 геологических экспедициях, во время которых занимался также археологическими и этнографическими исследованиями. Этот период жизни и деятельности Гроховского подробно освещается в книгах Эдварда Кайданьского, уроженца Харбина (1925–2020) (см.: Kajdański 1982: 45–71; 1986: 16–24; 2000: 77; 2013: 119, 436–439; 2014: 45–206, 318–326). Существенные сведения о нем содержатся также в других источниках (см. напр.: Cabanowski 1993: 74–75; Kałuski 2001: 41–42, 199; Мелихов 2003: 152–153; Niedźwiedzki 2008: 460–464; Załączny 2013: 82–83).

⁹ Он был учителем в Гимназии им. Г. Сенкевича, членом многих обществ и организаций, публицистом, редактором нескольких периодических изданий, а также главным автором книги *Поляки на Дальнем Востоке (Polacy na Dalekim Wschodzie)*, опубликованной в Харбине в 1928 г. (Kajdański 1982: 187–200; 2014: 216–234; Kałuski 2001: 154, 158, 200).

¹⁰ Религиозно-благотворительная и культурная деятельность польского духовенства в Харбине обстоятельно обсуждается в статьях ксёндза Ежи Мисюрка (Misiurek 1976: 189–198; 1977: 307–325; см. также: Grochowski 1928: 15–24; Kajdański 2000: 44–45; Kałuski 2001: 117–123).

включились все верующие, а также представители других конфессий, участвуя в лотереях, любительских спектаклях, благотворительных балах. Предприниматель Ян Врублевски пожертвовал превосходный орган, а лесопромышленник Шалом Скидельски и главный инженер КВЖД Александр Югович безвозмездно доставили строительные материалы. Церемонию освящения «краеугольного камня» костёла совершил ксёндз Доминик Пшилуски 7 октября 1906 г. Освящение костёла, построенного в неоготическом стиле и посвященного св. Станиславу, осуществил епископ Ян Цепляк 1 августа 1909 года. Первым настоятелем храма был ксёндз Антони Мачук (Grochowski 1928: 21, 22, 24; Misiurek 1976: 190). В декабре 1909 г. его на этом посту сменил ксёндз-прелат Владыслав Островски (1874-1936), человек высокой духовности, внесший большой вклад в благолепие храма, укрепивший материальное благосостояние прихода, посвятивший харбинской колонии всю свою энергию и организаторские способности. Диапазон его пастырской, а также общественно-благотворительной деятельности был огромен и разнообразен. Островски навещал группы католиков, разбросанных по всей Маньчжурии, основал союз под названием Апостольство Сердца Иисуса, которым руководил до конца жизни, а также Общество содействия костельной музыке и хоровому пению. Сразу же по прибытии в Харбин Островски учредил Общество св. Винцента де Поля, которое активно включилось в филантропическую и культурную деятельность польской колонии Харбина. По его инициативе общество открыло польскую начальную школу, общежитие для молодежи, дом для бездомных и престарелых, сиротский приют. Островски также принимал активное участие в организации польских библиотек и прессы (Grochowski 1928: 26, 27–28; Misiurek 1976: 190-191; Cabanowski 1993: 28–31; Kałuski 2001: 111, 119–122; Мелихов 2003: 153).

3 сентября 1922 г. на территории харбинского района Пристань состоялось освящение «краеугольного камня» второго католического храма, посвященного св. Йосафату (Grochowski 1928: 38). Настоятелем нового костёла, открытого в 1925 г., стал ксёндз Антони Лещевич (1890–1943), преданный своей духовной миссии пастырь, заслуживший признание прихожан не только за свою религиозную деятельность, но и за особую чуткость к нуждам неимущих. При костёле он открыл польскую начальную школу, обучение в которой было бесплатным. В годы войны ксёндз Лещевич пребывал в белорусской местности Росица, где вел душпастырскую деятельность. Отказавшись покинуть своих прихожан, осужденных фашистами на смерть, он был вместе с ними сожжен 17 февраля 1943 года. 13 июня 1999 г. ксёндз Лещевич как святой мученик был причислен папой Иоанном Павлом II к лику блаженных (Kałuski 2001: 123–124).

Католические приходы в Харбине служили духовному сближению и единению поляков вокруг непреходящих христианских ценностей. Этому особенно способствовали совместные молитвы и пения, а также участие в традиционных католических празднествах, например, в процессии в день Пресвятой Евхаристии (Божьего Тела), с большим признанием описанной хроникером Харбина Георгием Мелиховым:

[...] из костела на Большом проспекте выходила торжественная процессия: духовенство со Святыми Дарами в праздничном облачении, с разубранным Престолом. Белые рубашки мальчиков и белые платища школьниц. Молодежь и малые дети, рассыпающие перед священнослужителями цветы. [...] В этот праздник процессия должна была на пути от одного костёла до другого пересечь весь город. В определенных пунктах она останавливалась, и прямо на улице велось богослужение, пел хор. Многие харбинцы специально собирались на улицах, чтобы полюбоваться этой красочной церемонией (Мелихов 2003: 150).

В Харбине существовало значительное число польских общественно-политических и культурно-просветительских организаций, возникших в большинстве своем после февральской революции в России 1917 года¹¹. Крупнейшей и самой долголетней среди них было общество «Господа Польска», действующее с 1907 по 1947 год. Его основателями были виднейшие представители польской колонии, такие как Виктор Роман – первый председатель, и его преемники на этом посту – Эдмунд Доберски, Константы Сымонолевич, Александр Хайвос, а также врачи – Вацлав Лазовски и Тадэуш Новкуньски, инженер Кароль Вебер, ксёндз Владыслав Островски, юрист Тадэуш Шукевич, директор банка Станислав Габриэль и ряд других (Grochowski 1928: 54–55). В сентябре 1907 г. устав общества был утвержден генералом Громбчевским, помощником управляющего КВЖД по гражданской части, благодаря деятельному содействию которого «Господа Польска» смогла зарегистрировать свою деятельность. Вслед за тем 15 ноября состоялось первое общее собрание общества, на котором были проведены выборы в правление и в ревизионную комиссию. Поначалу «Господа Польска» функционировала в помещениях, предоставленных ей во временное пользование, а в 1913 г. общество переехало в собственное двухэтажное здание, к которому позже были пристроены третий этаж и отдельный театральный зал (Grochowski 1928: 54–55; Symonolewicz 1932: 251; Nernheim 1934: 2–3; «Политехник» 1979: 243).

Деятельность «Господы Польской» с самого начала развивалась в двух главных направлениях: культурно-просветительном и благотворительном. Осуществляя свои просветительские задачи, общество в первую очередь стремилось возбуждать у соотечественников патриотические настроения, укреплять их связь с родной культурой и традициями. Этим целям служили бесплатные курсы польского языка, библиотека-читальня, располагающая довольно богатой коллекцией текстов художественной литературы, а также любительский театр «Господы Польской», на сцене которого харбинская колония знакомилась с произведениями Адама Мицкевича (*Дяды*), Юлиуша Словацкого (*Кордиан*), Александра Фрэдры (*Пан Гельдхаб*, *Пан Бенет*), Станислава Выспяньского (*Свадьба*), Стэфана Жеромского (*Улетела от меня перепелочка*) (Szukiewicz 1928: 58–60; Kałuski 2001: 132–133). Общество устраивало также вечера памяти Тадэуша Косцюшко, Фридерика Шопэна, Адама Мицкевича,

¹¹ В середине августа 1917 г. их было 16, в середине октября 1919 – 18, в 1922 – 19, а в 1927 – 14 (ср. Grochowski 1928: 73–76; Kajdański 1986: 188; Kałuski 2001: 112; Sula 2006: 88–90).

Болеслава Пруса, Генрика Сенкевича и других выдающихся представителей польской нации. Особенно торжественно отмечались годовщины великих исторических событий – Грюнвальдской битвы, восстания 1863–1964 гг., 11 ноября – Дня независимости Польши (Grochowski 1928: 56; «Политехник» 1979: 243; Kałuski 2001: 110; Załączny 2013: 90–91).

Много внимания «Господа Польска» уделяла и благотворительной деятельности. Она организовывала различные платные мероприятия (драматические спектакли, концерты, танцевальные вечера, традиционные польские балы), доходы от которых использовались для поддержки нуждающихся соотечественников на родине и на Дальнем Востоке. Уже в первые месяцы своего существования общество несло помощь голодающим в Галиции, а позже – в годы Первой мировой войны – ее жертвам: польским беженцам, детям, а также военнопленным, оказавшимся в концентрационных лагерях Сибири (Grochowski 1928: 57, 58; Jabłońska, Krąkowski 1961: 161; Kałuski 2001: 110).

«Господа Польска» сыграла очень важную роль в истории польских молодежных организаций Харбина. Она поддерживала культурную деятельность харцеров, гимнастического общества «Сокол» и Союза польской молодежи (Grochowski 1928: 63–64, 90–91; Kałuski 2001: 132; Winiarz 2011: 352). Одной из секций общества был Польский востоковедческий кружок (1930–1934), учрежденный с целью изучения и популяризации среди поляков культурного достояния Маньчжурии, Монголии, Китая и других стран дальневосточного региона. Членами кружка была полонийная молодежь – студенты харбинских вузов, возглавляемые вышеупомянутым инженером Казимежем Гроховским (Aleksandrowicz 1937: 163–165; Kajdański 1982: 234; Kałuski 2001: 135). Под его руководством кружок организовал четыре научные экспедиции на территории Маньчжурии, во время которых проводились археологические, геологические и этнографические исследования. Плодом экспедиций была ценная коллекция экспонатов, насчитывающая свыше 1000 экземпляров. Они хранились в музее Польского востоковедческого кружка, устроенного в помещениях «Господы Польской» и состоящего из восьми отделов: этнографического, археологического, нумизматического, зоологического, геологического, палеонтологического, экономического и библиотечного с польскими печатными изданиями в Азии. Музей был закрыт в 1934 году. Часть его коллекции Гроховский передал Варшавскому национальному музею в 1936 году, а из оставшихся в Харбине экспонатов многие были утрачены (Aleksandrowicz 1937: 164–165; Kajdański 1982: 235–239; Cabanowski 1993: 74–76; Kałuski 2001: 135–137; Yong-Deog 2010: 132–133).

«Господа Польска» оказывала содействие и многим другим полонийным организациям Харбина. В течение 40 лет своего существования она практически всегда находилась в центре жизни польской колонии, тем более, что в здании общества действовали такие важные полонийные учреждения, как консульство, Польский красный крест, начальная школа, типография и редакции нескольких газет (Grochowski 1928: 57, 60, 63, 90–91; Symonolewicz 1932: 251–253; Nernheim 1934: 2–3; Kałuski 2001: 110, 132; Yong-Deog 2010: 127).

Кроме «Господы Польской», очень важным общественно-просветительским и культурным очагом харбинской колонии была гимназия, торжественное открытие которой состоялось 3 сентября 1915 года¹². Свое официальное название – Гимназия им. Генрика Сенкевича – в память выдающегося польского писателя, лауреата Нобелевской премии, она получила после его смерти, последовавшей в 1916 году. Два первых года гимназия помещалась в здании прихода св. Станислава, а с 1917 г. по 1949 (с перерывом в 1944–1945, когда была закрыта японскими властями) – в собственном двухэтажном здании (Kałuski 2001: 148; Klimczak 2008: 169–178).

В начале своей учебно-воспитательной деятельности гимназия опиралась в основном на опыт школ Матицы польской в Петрограде (Kałuski 2001: 149; Kosiński, Kosińska 2010: 105)¹³, потом, когда Польша вернулась на карту Европы как независимое государство¹⁴, гимназия выполняла директивы Министерства религии и народного просвещения в Варшаве, но модифицировала его учебную программу, приспособив ее к условиям Дальнего Востока и запросам здешней колонии (Misiurek 1976: 196; Kałuski 2001: 149–153; Klimczak 2008: 169–178; Kostuch 2012: 180–183). С 1920 года гимназия функционировала под непосредственным надзором открытого в Харбине польского консульства. Под его эгидой работал попечительский совет школы¹⁵, который вместе с родительским комитетом заведовал всеми ее административно-хозяйственными и финансовыми делами. В 1923 г. постановлением Министерства религии и народного просвещения гимназии был присвоен статус средней школы гуманитарного профиля, благодаря чему ее выпускники получили право поступать в высшие учебные заведения Польши (Grochowski 1928: 87; Aleksandrowicz 1937: 167; Misiurek 1976: 197; Kostuch 2012: 190–191).

Обучение в Гимназии им. Генрика Сенкевича было платным. Она содержалась на средства, вырученные от оплаты за учебу, от которой освобождались дети из бедных семей, а также денежные пожертвования различных польских организаций, учреждений и частных лиц. Эти средства поступали нерегулярно, а во второй половине 1920-х гг. их приток значительно ослабел из-за обеднения жителей польской колонии, вызванного серьезными переменами в общественно-политической жизни

¹² В Харбине существовали также другие польские школы. Хронологически первой из них была начальная школа, открытая при обществе «Господа польска» в 1908 году (с 1919 г. школа им. Вацлава Лазовского). Следующая, общеобразовательная школа им. Винцента де Поля, появилась в 1912 г. при приходе св. Станислава, а с 1926 г. в районе Пристани при костёле св. Йосафата работала начальная школа для детей из бедных польских семей (Grochowski 1928: 83, 88; Kostuch 2012: 178).

¹³ Просветительное общество «Польская школьная Матица» (или под названием «Матица польская», «Матица школьная») существовало в Санкт-Петербурге/Петрограде в 1907-1918 гг. Целью организации было развитие культурно-просветительской деятельности в польском национально-христианском духе путем открытия разного типа школ и библиотек, организации лекций и спектаклей, издания книг и их распространения (ср.: Vazyłow 1984: 402–403; Смирнова 2013: 118–125; Nykiel 2017).

¹⁴ Польша (Речь Посполита) утратила свою государственность в результате трех разделов ее территории между Россией, Австрией и Пруссией, проведенных в 1772, 1793 и 1795 гг. Полного государственного суверенитета она добилась лишь в ноябре 1918 года (Wyszczelski 2008: 187–189; Матвеев, Носкова, Лыкошина 2012: 108–109).

¹⁵ В его состав входили представители всех организаций и учреждений харбинской колонии. Первым председателем попечительского совета был вице-консул Константы Сымонолевич (Grochowski 1928: 85–86; Kostuch 2012: 178).

Маньчжурии¹⁶. Денег не хватало на жалование для учителей, на отопление, ремонты, дидактические пособия, улучшение санитарных условий (Grochowski 1928: 84, 86; Misiurek 1976: 196–197; Kałuski 2001: 148–149). Однако, несмотря на эти трудности и препятствия, гимназия выполнила свои основные задачи. Она не только дала возможность своим ученикам получить среднее образование¹⁷, но также оказала сильное влияние на их мировоззрение, воспитав людьми преданными польской нации, с благоговением относившимися к ее историческому прошлому, культуре и традиции¹⁸. Мерилом их гражданско-патриотического духа стала Вторая мировая война 1939–1945 гг., в которой многие ученики и выпускники гимназии участвовали добровольно, проявляя героизм и самоотверженность в боях за Польшу, а также в рядах антифашистской коалиции в Ливии, Италии и других странах (Kałuski 2001: 177–185; Kosińska 2010: 119–128).

Выпускники гимназии оставили свой след также в разных областях культуры и науки. Самым известным среди них был Теодор Парницки (1908–1988), автор исторических романов *Ажкий – последний римлянин* (*Aeczysz, ostatni Rzymianin*, Lwów, 1937), *Серебряные орлы* (*Srebrne orły*, Jeruzolima, 1944), *Гибель «Согласия народов»* (*Koniec „Zgody Narodów”*, Paryż, 1955), *Слово и плоть* (*Słowo i ciało*, Warszawa, 1958), *Лунный лик* (*Twarz księżycy*, т. 1–3, Warszawa, 1961–1967) и многих других. Литературным дебютом писателя был роман *Три минуты четвертого* (*Trzy minuty po trzeciej*, Lwów, 1931), в котором он воссоздал экзотический колорит Харбина середины 1920-х гг. с его многонациональным населением, красочной культурной жизнью, увеселительными заведениями и притонами. В основу произведения, изобилующего погонями, убийствами, любовными коллизиями и другими атрибутами авантюрно-приключенческого романа, Парницки положил действия советских, японских и китайских агентурных служб после подписания договора между Китаем и СССР о совместном управлении КВЖД. Сложная политическая ситуация в Китае этих лет нашла тоже отражение в его документально-биографической повести *Чжан Цзолин* (*Czan-Tso-Lin*, Lwów, 1932) и пьесе *Маньчжоу-Го. Борьба за Восток* (*Mandżukuo. Walka o Wschód*), поставленной на сцене Популярного театра в Лодзи в 1934 году (Kałuski 2001: 197–199).

¹⁶ В 1924 г. между Китаем и СССР был подписан договор о совместном управлении КВЖД, согласно с которым на магистрали могли работать только китайские и советские граждане. Это соглашение поставило в трудное положение поляков, работавших на КВЖД и желавших сохранить свое гражданство: все они были уволены с работы (Symonolewicz 1932: 207–208; Kajdański 2000: 117–124). Материальное положение харбинской колонии еще более ухудшилось в 1930-х гг. и во время Второй мировой войны, когда японцы, оккупировавшие Маньчжурию, ужесточили административный и политический надзор над проживавшими в городе европейцами и ограничили их коммерческую деятельность (Cabanowski 1993: 79; Kałuski 2001: 153–154; Winiarz 2001: 391–392; Kajdański 2010: 75).

¹⁷ По свидетельству Александра и Александры Косинских, 267 из них получили аттестаты зрелости, а более тысячи – свидетельства об окончании средней школы общеобразовательного профиля (Kosiński, Kosińska 2010: 106).

¹⁸ Этому способствовала учебная программа школы, в которой главное внимание уделялось польскому языку, религии, истории и географии Польши, а также деятельность харцерских, исторических и полонистических кружков, любительского театра (Winiarz 1986: 77–91; Kostuch 2012: 177–179). В связи с этим в течение ряда лет гимназия была «живым очагом слова и культуры» польской колонии Харбина (Symonolewicz-Symmons 1978: 111–119).

Известными выпускниками польской гимназии в Харбине были также поэт и дипломат Владыслав Пэльц (Komar 2014: 75–84), китаевед, писатель-документалист Эдвард Кайданьски (Kałuski 2001: 201–203; Kamień, Zeidler 2015: 9–30; Barylski 2019: 196–201), профессора польских и зарубежных учебных заведений – Юлиан Самуйлло (Горно-металлургическая академия в Кракове), Ян Солецки (Университет Британской Колумбии в Ванкувер, Канада), Константы Сымонолевич-Сыммонс (Аллегани колледж в Медвилле, США), инженер-конструктор авиационных двигателей Станислав Новкуньски, один из основателей музыкальной жизни в послевоенном Щетине Бронислав Бандэрски (Kałuski 2001: 159, 205; Barylski 2019: 49) и др.

Важным фактором, способствующим консолидации и развитию культурной жизни харбинской колонии, была пресса. Следует подчеркнуть, что до Февральской революции 1917 года выпуск изданий на польском языке в Харбине был запрещен. Первый польский журнал – двухнедельник «Польские письма с Дальнего Востока» («Listy Polskie z Dalekiego Wschodu») появился лишь 15 августа 1917 года, после свержения царизма в России. Он был печатным органом Польского политического совета Дальнего Востока и Восточной Сибири. В течение последующих лет, вплоть до 1949 года, число польских периодических изданий в Харбине намного увеличилось и составляло свыше 20 наименований (Grochowski 1928: 79–80; A. Ł-a 1934: 9–10; Woźniakowski 1974/1: 100–103; Winiarz 1986: 125–135; Kałuski 2001: 137–144; Yong-Deog 2010: 134–137). Преобладали издания информационно-общественного и политического характера, причем многие газеты и журналы из-за технических и финансовых затруднений существовали недолго. Качеством и разнообразием материала среди них отличались: «Польские письма с Дальнего Востока» (1917–1919), «Польский вечерний курьер Дальнего Востока» («Polski Kurier Wieczorny Dalekiego Wschodu», 28.12.1918 – 15.04.1919) и его преемник – «Польский вечерний курьер» («Polski Kurier Wieczorny», апрель–ноябрь 1919), а также «Обзор» («Przegląd», май 1919 – апрель 1921), «Харбинские письма» («Listy Harbińskie», ноябрь – декабрь 1931: в 1932–1936 гг. под заглавием «Дальний Восток» («Daleki Wschód»), но главным, самым долголетним, наиболее заслуженным для польской колонии Харбина и всей Маньчжурии, был журнал «Польский еженедельник» («Tygodnik Polski»), выходивший с 16 апреля 1922 по 12 октября 1942 года (Woźniakowski 1976: 101–102; Kałuski 2001: 140–141; Winiarz 2008: 40, 48). Его учредителем, а также издателем в 1922–1936 гг. был уже упомянутый ксёндз В. Островски, после смерти которого журнал сперва издавался Антонием Василевским, а с 1937 г. – Александром Эйсмонтом, ксёндзом прихода св. Станислава. Профиль журнала был общественно-религиозный с явно ощутимой антикоммунистической направленностью. В нем преобладали материалы, посвященные католичеству в Польше и других странах, причем очень часто информация перепечатывалась из отечественной и зарубежной прессы. Журнал широко освещал также текущую жизнь польской колонии Харбина и всей Маньчжурии, знакомил с положением поляков в Германии, Силезии, Померании и Гданьске. На его страницах популяризировалось творчество Генриха Сенкевича, Владыслава Рэймонта, Марии Родзевич, Юзефа Вэйссэнгоффа, Софьи Коссак-Щуцкой, Кароля Хубэрта Ростворовского, Казимеры Иллакович и Казимежа Вежиньского, печатались стихи Владыслава Сырокомли, Ор-Ота (Артура Оппмана),

Яна Бжэхвы, Альфонса Дзенцеловского, Людвика Кулешы, Леха Мальбора, Леона Влецяла и Янины Рудзкой (Kałuski 2001: 141). Поэтому журнал пользовался большой популярностью у читателей, о чем свидетельствует его тираж, доходивший до 1500 экземпляров.

Кроме периодики, в Харбине на польском языке печатались различные листовки и прокламации, приуроченные к важным событиям, праздникам и юбилеям, а также открытки, ноты и календари. Издавались и книги, среди которых преобладали учебники, предназначенные для польских школ в Маньчжурии. Особую ценность среди этих изданий представляет собой книга *Поляки на Дальнем Востоке*, выпущенная в Харбине в 1928 году, главным автором и редактором которой был Казимеж Гроховский. В книге освещается деятельность поляков в Китае (особенно в Маньчжурии), а также в Сибири, Японии, Индонезии и на Филиппинах с конца XIX по 20-е годы XX века (Kałuski 2001: 144–145).

В ходе Гражданской войны число поляков в Харбине значительно увеличилось из-за наплыва многочисленных беженцев из Сибири, Дальнего Востока и других территорий, а также солдат и офицеров 5-й польской стрелковой дивизии¹⁹, и в 1920 году составляло около 10 тысяч человек (Kajdański 2000: 182; Kałuski 2001: 65, 78; Winiarz 2001: 389). Их прибытие значительно оживило общественную и культурную жизнь местной колонии. Появились новые периодические издания и организации. Начало тоже работать польское консульство, которое от имени возродившейся в 1918 году Польши предоставило своим харбинским соотечественникам возможность репатриации на родину²⁰. Вместе с тем в структуре польской колонии Харбина намечались существенные изменения – ее численность начала сокращаться. Первый контингент репатриантов, состоящий в основном из солдат и офицеров 5-й дивизии, был отправлен морским путем через Суэзский канал и 1 июля 1920 года прибыл в Польшу (Symonolewicz 1932: 260–261; Bagiński 1990: 592). После подписания польско-советского договора в Риге (18.03.1921) транспорты с поляками-возвращенцами шли в основном по железной дороге через территорию СССР. Их число особенно увеличилось во второй половине 1920-х и в 1930-е годы, когда многие поляки покидали Харбин из-за безработицы и сложной общественно-политической обстановки в Маньчжурии, оккупированной японскими войсками. В результате этого исхода численность польской колонии к началу Второй мировой войны резко уменьшилась и составляла 1250-1500 человек (Kałuski 2001: 82–84). Во время

¹⁹ Дивизия, называемая тоже «сибирской», состояла в основном из поляков, призванных в австро-венгерскую и германскую армии, взятых в плен русскими в годы Первой мировой войны. Дивизия была сформирована в начале 1919-го и уже в мае этого года насчитывала 10 772 человека, достигнув в дальнейшем численности около 16 500 солдат и офицеров. Она сражалась с Красной армией в составе войск адмирала Александра Колчака. В тяжелых боях в декабре 1919-го и январе 1920-го гг. дивизия понесла большие потери в людях и была вынуждена капитулировать. Большинство ее солдат и офицеров, взятых в плен, были отправлены в концентрационные лагеря. Часть дивизии, которая в разных источниках определяется в пределе от 920-ти до около 2 тысяч человек, отказалась сдаться и под командованием полковника Казимежа Румши с боями прорвалась в Харбин (ср.: Bagiński 1990: 558–560, 586; Kałuski 2001: 97–105; Winiarz 2001: 389; Нея 2002: 292–298; Lachowicz 2007: 178).

²⁰ Польское консульство в Харбине существовало с марта 1920 года до конца 1941 г. О его деятельности см.: (Nernheim 1934: 1; Wojas 1974: 6; Kałuski 2001: 91; Skóra 2008: 79–91; Yong-Deog 2010: 126–128; Kil, Graczyk 2013: 111–117).

репатриации, проведенной в июле 1949 года, большинство из них в трех железнодорожных составах отправились на родину²¹, и польская диаспора Харбина как этнокультурная общность фактически перестала существовать. После этого в городе еще осталось 450 поляков, но и они, не видя для себя перспектив жизни и деятельности в Китае, в 1950-х – начале 1960-х гг. уехали в Польшу и другие страны. Последний представитель харбинской колонии – Эдвард Стокальски – вернулся на родину лишь в 1993 году, где вскоре умер (Kałuski 2001: 85, 195–197; Winiarz 2001: 391–393; Neja 2002: 41).

В Польше репатрианты из Харбина поселились в основном на территории т. наз. «возвращенных земель», а прежде всего на побережье Балтийского моря (Щецин, Эльблэнг, Гданьск, Гдыня), на Мазурах (Ольштын) и в Нижней Силезии (Вроцлав, Валбжих, Еленя Гура, Свободзице). Несмотря на рассеяние, харбинские поляки не утратили связи между собой. В сентябре 1957 г. они провели свой первый съезд, а в ноябре 1987 г. при Главном правлении Общества польско-китайской дружбы основали Клуб харбинцев, состоявший из пяти его отделений, открытых в Щецине, Эльблэнге, Варшаве, Ольштыне и Гданьске (Winiarz 2001: 393; Neja 2002: 41). Из них на сегодняшний день в первоначальном виде сохранился лишь Харбинский клуб в Щецине, действующий с 19 мая 1988 года. Клуб поддерживает контакты с поляками – выходцами из Харбина и их потомками, рассеянными по Польше и другим странам, а также интенсивно популяризирует историю харбинской колонии. В этой области клуб тесно сотрудничает с Поморской библиотекой в Щецине, организуя совместные культурные мероприятия – конференции, симпозиумы и выставки. Плодом этого сотрудничества явились сборники статей – *Польские следы на Дальнем Востоке: поляки в Харбине (Polskie ślady na Dalekim Wschodzie. Polacy w Harbinie, Szczecin, 2008)*, *Константы Сымонолевич – ориенталист, дипломат, покровитель маньчжурской колонии (Konstanty Symonolewicz – orientalista, dyplomata, opiekun Polonii Mandżurskiej, Szczecin, 2012)*, а также памятный альбом *Поляки в Маньчжурии (1897-1949) (Polacy w Mandżurii. Poles in Manchuria, 1897-1949, Szczecin – Warszawa, 2015)* с предисловием и фотографиями Ежи Чаевского, вице-председателя Щецинского клуба харбинцев (Oziewicz 2018; Michalewicz 2018).

Активную деятельность развивает и Нижнесилезский клуб польских харбинцев, открытый 23 сентября 2017 года в городе Свободзице. В состав общества входят около 60 человек, в основном потомков бывших жителей Харбина, проживающих в разных местностях Нижней Силезии. Клуб имеет свой официальный сайт (harbinczyk.wordpress.com), где публикуются материалы о роли поляков в истории Харбина, а также сведения о контакте и сотрудничестве общества с актуальными властями города (Jermakow 2017; Beldzikowski 2019).

После выезда поляков из Харбина следы их пребывания в нем начали постепенно исчезать. Многие из них были стерты с лица города в годы «культурной революции» в Китае. Именно тогда был разрушен и сожжен костёл св. Йосафата на Пристани, а второй, посвященный св. Станиславу, использовался городскими

²¹ В некоторых источниках говорится о двух отправках. Число польских репатриантов колеблется от 784–807 до около 1000 человек, определяется также число уехавших в них поляков (ср. Kajdański 2000: 181; Kałuski 2001: 116; Winiarz 2001: 393; Neja 2002: 40; Kil, Graczyk 2013: 108).

властями для других целей. В нем, в частности, долгое время находилась школа и хозяйственные склады, что привело к сильному повреждению храма, а прежде всего к уничтожению его внутреннего убранства. Из часовни, находящейся у входа в костёл, были изъяты и вывезены в неизвестном направлении останки очередных настоятелей прихода – Владыслава Островского и Павла Ходневича. Было ликвидировано и кладбище, на котором покоились поляки, в том числе участники восстания 1863–1864 гг. (Winiarz 2001: 393; Шапошникова 2014: 7). Тем не менее, ряд свидетельств пребывания в городе поляков все же сохранился. К ним в первую очередь принадлежит бывший костёл св. Станислава, возвращенный католикам в 1980 году, который после реставрации был заново освящен в честь Святейшего Сердца Иисуса и в настоящее время является действующим кафедральным собором Апостольской администрации Харбина. Сохранились здания «Господы Польской» и Гимназии им. Г. Сенкевича, перестроенные на коммунальные квартиры, а также красивый особняк-дворец польского лесопромышленника Ковальского, в котором сейчас размещается музей Мао Цзэдуна (Kałuski 2001: 65). Кроме того, о пребывании поляков в Харбине свидетельствуют: железнодорожный мост через Сунгари, построенный по проекту Станислава Кербедзя²², а также католический крест и польские надписи на памятниках, сохранившихся на загородном кладбище Хуаншань²³. Данью уважения и памяти полякам, их деятельности в Харбине можно считать слова Георгия Мелихова, который в своих мемуарах писал:

Сохраняя и развивая собственную культуру, поляки сделали ценный вклад в культурную жизнь Харбина. Польская колония вносила в быт этого многонационального города свой колорит, свои краски, делая его еще разнообразнее и богаче. С поляками в Харбине мы, русские, общались постоянно, в их среде были поистине замечательные люди, оказывавшие большое влияние на формирование личности многих харбинцев и харбиянок (Мелихов 2003:153).

Литература:

- Аблова Н., 1998, *История КВЖД и российской колонии в Маньчжурии в конце XIX – начале XX в. (1896-1917 гг.)*, «Белорусский журнал международного права и международных отношений» № 3, с. 64–65.
- Аблова Н.Е., 2005, *КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты (первая половина XX в.)*, Москва.
- Белоножкин А.Е., 2005, *Архитектор И.В. Падлевский*, «История Петербурга» № 3 (25), с. 41–43.

²² Мост по назначению функционировал до 2014 года. Теперь он используется как пешеходный и охраняется законом как памятник железнодорожного строительства. Рядом построен новый мост, по которому в настоящее время идут поезда.

²³ На нем обнаружены могилы девяти поляков, в том числе Владыслава Ковальского, умершего в 1940 году. Рядом с ними находится крест, поставленный в память всех поляков, умерших в Харбине (Chmiel 2018; Gołojuch 2018).

- Богуцкий В.М., 1911, *Эпидемия чумы в г. Харбине и его окрестностях в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги. 1910-11 гг. Медицинский отчет о деятельности Противочумного бюро*, Харбин.
- Брюханова И.А., 2006, *К страницам творческой биографии архитектора И.В. Падлевского*, «История Петербурга» № 5 (33), с. 14–17.
- Гончаренко О.Г., 2009, *Русский Харбин*, Москва, <https://unotices.com/book.php?id=140951&page=4> [24.03.2018].
- Лятавец К., 2007, *Поляки в Отдельном корпусе пограничной стражи Российской Империи на рубеже XIX – XX вв.*, [в:] *Поляки в России: история и современность*, отв. ред. Селицкий А.И., Краснодар, с. 78–79.
- Матвеев Г.Ф., Носкова А.Ф., Лыкошина Л.С. (ред.), 2012, *Польша в XX веке. Очерки политической истории*, Москва.
- Мелихов Г.В., 1991, *Маньчжурия далекая и близкая*, Москва.
- Мелихов Г., 2003, *Белый Харбин. Середина 20-х.*, Москва, www.gp-net.ru [30.01.2018].
- Нея Я., 2002, *Об истории создания 5-й польской стрелковой дивизии в Сибири*, [в:] *его же, Сибирь в истории и культуре польского народа*, Москва.
- «Политехник» 1979, № 10, с. 83-84, 91, 243, https://archive.org/stream/politekhnikseria10obed/politekhnikseria10obed_djvu.txt [26.02.2018].
- Рудницкий А.Ю., 2013, *Этот грозный Громбчевский... Большая игра на границах империи*, Санкт-Петербург.
- Смирнова Т.М., 2013, *Польские общества в Санкт-Петербурге (конец XIX – начало XX века)*, Санкт-Петербург.
- Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С., 2006, *Эпидемия легочной чумы в Маньчжурии и Забайкалье (1910-1911). Очерк XXXI*, [в:] *Очерки истории чумы. Кн. II*, Москва, <http://supotnitskiy.ru/book/book3-31.htm> [01.03.2018].
- Таскина Е.П., 2001, *Русские врачи в Харбине*, «Проблемы Дальнего Востока» № 5, с. 146–149.
- Фиалковский П., 1990, *Выпускники Харбинского Политехника действуют*, «Проблемы Дальнего Востока» № 1, с. 192–193.
- Чернышова А., 2016, *Русская архитектура в Китае начала XX века. Деятельность русских архитекторов начала XX века в Китае до эмиграции*, «Теория и практика современной науки» №12(18), с. 409–410.
- Шапошникова Т., 2014, *Харбинские католики: прошлое и настоящее*, «Заря Владивостока» № 2, с. 7.
- Шевцова Т.И., 1993, *Русская архитектура за рубежом. Харбин далекий и близкий*, «Санкт-Петербургская панорама» № 9, с. 32–34.
- Яньцю У., 2017, *Национальный состав и культурно-лингвистические особенности российской диаспоры в Китае до 1917 года*, «Политическая лингвистика» № 6 (66), с. 217.
- Aleksandrowicz A., 1937, *Mandżuria, jej przeszłość, terażniejszość, kraj i ludzie*, Warszawa.
- A. Ł-a, 1934, *Polska prasa na Dalekim Wschodzie*, „Daleki Wschód” nr 7(57), s. 9–10.
- Bagiński H., 1990, *Wojsko Polskie na Wschodzie 1914-1929*, Warszawa.

- Barylski A., 2015, *Edward Kajdański. Z Harbinu do Gdańska – śladami wybitnego absolwenta*, „Pismo Politechniki Gdańskiej” nr 5(203), s. 196–201.
- Bazyłow L., 1984, *Polacy w Petersburgu*, Wrocław.
- Beldzikowski R., 2019, *Harbińczycy w Świebodzicach – historia i współczesność*, <https://db2010.pl/2019/09/24/harbinzczycy-w-swiebodzicach-historia-i-wspolczesnosc/> [21.10.2020].
- Cabanowski M., 1993, *Tajemnice Mandżurii. Polacy w Harbinie*, Warszawa.
- Chmiel I., 2018, *Wojna rosyjsko-japońska 1904–1905 – Strona 2 – Forum TGZC – Towarzystwo Genealogiczne Ziemi Częstochowskiej*, <http://genealodzy.czystochowa.pl/forum/forum-ogolne/1239-wojna-rosyjsko-japonska-1904-1905?start=25> [23.01.2018].
- Gołojuch G., 2018, *Polskie groby w Chinach*, <https://polish.cri.cn/1399/2016/11/01/341s/35784.htm> [26.10.2018].
- Grochowski K., 1928, *Polacy na Dalekim Wschodzie*, Harbin.
- Jabłońska A., Krąkowski K., 1961, *Z dziejów polonii harbińskiej*, „Przegląd Orientalistyczny” nr 2 (38), s. 161–163.
- Jermakow A., 2018, *O Klubie Harbińczyka*, [w:] *Dolnośląski Klub Harbińczyka*, <https://harbinczyk.wordpress.com/2018/02/19/dolnoslaski-klub-harbinczyk/> [21.10.2020].
- Kajdański E., 1982, *Fort Grochowski*, Olsztyn.
- Kajdański E., 1986, *Dzienniki syberyjskich podróży Kazimierza Grochowskiego 1910–1914*, Lublin.
- Kajdański E., 2000, *Korytarz. Burzliwe dzieje Kolei Wschodniocchińskiej 1898–1990*, Warszawa.
- Kajdański E., 2014, *Polacy na Dalekim Wschodzie. Inżynier Kazimierz Grochowski. Czyngis-chan i złoto barona Ungerna*, Warszawa.
- Kajdański E., 2010, *Wspomnienia z Harbinu*, [w:] *Chiny w oczach Polaków. Księga jubileuszowa z okazji 60-lecia nawiązania stosunków dyplomatycznych między Polską a Chińską Republiką Ludową*, red. Włodarski J., Zeidler K., Burdelski M., Gdańsk, s. 75.
- Kajdański E., 2013, *Wspomnienia z mojej Atlantydy*, Kraków.
- Kałużski M., 2001, *Polacy w Chinach*, Warszawa.
- Kamień J., Zeidler K., 2015, *Edward Kajdański – dyplomata, dziennikarz, pisarz i malarz*, „Gdańskie Studia Azji Wschodniej” z. 8, s. 9–30.
- Kazimierz Grochowski, 2008, [w:] *Polscy badacze Syberii*, red. Arvaniti J., Warszawa, s. 79–80.
- Kil J., Graczyk K., 2013, *Kolonia polska w Mandżurii – analiza historycznoprawna*, „Z Dziejów Prawa” t. 6 (14), s. 111–117.
- Klimczak M., 2008, *Polska szkoła średnia w Harbinie – Gimnazjum im. Henryka Sienkiewicza (1915–1949)*, [w:] *Polskie ślady na Dalekim Wschodzie. Polacy w Harbinie*, red. Furier A., Szczecin, s. 169–178.
- Komar W., 2014, *Władysław Antoni Pelc: rys biografii prometejskiej*, „Nowy Prometeusz” t. 4, nr 6, s. 75–84.

- Kosińska A., 2010, *Udział Polonii harbińskiej w drugiej wojnie światowej*, [w:] *Chiny w oczach Polaków. Księga jubileuszowa z okazji 60-lecia nawiązania stosunków dyplomatycznych między Polską a Chińską Republiką Ludową*, red. Włodarski J., Zeidler K., Burdelski M., Gdańsk, s. 119–128.
- Kosiński A., Kosińska A., 2010, *Wspomnienia o Polskim Gimnazjum im. Henryka Sienkiewicza*, [w:] *Chiny w oczach Polaków. Księga jubileuszowa z okazji 60-lecia nawiązania stosunków dyplomatycznych między Polską a Chińską Republiką Ludową*, red. Włodarski J., Zeidler K., Burdelski M., Gdańsk, s. 105–106.
- Kostuch M., 2012, *Funkcjonowanie, problemy dydaktyczne oraz finansowe Gimnazjum Polskiego im. Henryka Sienkiewicza w Harbinie*, „*Ślupskie Studia Historyczne*” nr 18, s. 177–194.
- Lachowicz T., 2007, *Dla Ojczyzny ratowania*, Łódź.
- Michalewicz K., 2018, *Historia Polonii harbińskiej – między polityką historyczną a guanxi – szanse i wyzwania*, <http://www.polska-azja.pl/k.michalewicz-historia-polonii-harbinskiej-miedzy-polityka-historyczna-a-guanxi-szanse-i-wyzwania> [06.10.2018].
- Mistewicz A., 2017, *Kierbedź Stanisław*, [w:] *Polski Petersburg*, <http://www.polskipetersburg.pl/hasla/kierbedz-stanislaw> [04.02.2018].
- Misiurek J., 1976, *Z dziejów duszpasterstwa polonijnego w Harbinie (1901–1925)*, „*Studia Polonijne*” t. 1, s. 195–197.
- Misiurek J., 1977, *Z dziejów duszpasterstwa polonijnego w Harbinie (1926–1949)*, „*Studia Polonijne*” t. 2, s. 307–309.
- Neja J., 2002, *Polacy w Mandżurii*, „*Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej*” nr 3, s. 38–41.
- Neja J., 2003, *Polski król Mandżurii*, „*Wprost*” nr 9, s. 68–70.
- Nernheim S., 1934, *Polonia harbińska (zarys historyczny)*, „*Daleki Wschód*” nr 7(57), s. 1–3.
- Niedźwiedzki R., 2008, *Kazimierz Grochowski (1893–1937) – zapomniany badacz złota Syberii*, „*Przegląd Geologiczny*” nr 6 (56), s. 460–464.
- Nykiel B.K., *Polska Macierz Szkolna w Petersburgu*, [w:] *Polski Petersburg*, www.polskipetersburg.pl/hasla/2 [24.07.2018].
- Olszewicz B., 1927, *General Bronisław Grąbczewski, polski badacz Azji Środkowej (1855–1926)*, Poznań.
- Orłowski B., 2006, *Kolej Transsyberyjska – wkład Polaków w jej budowę*, „*Inżynier Budownictwa*” nr 10 (31), s. 47–48.
- Orłowski B., 2014, *Inżynierowie w służbie Narodu – Engineers in the service of the Nation*, „*Architectus*” nr 4(40), s. 11.
- Oziewicz R., 2018, *Klub Harbińczyków w Szczecinie*, [w:] *Historie Polonii mandżurskiej – wystawa fotografii Klubu Harbińczyków w Szczecinie*, <http://www.wbpg.org.pl/aktualnosc/historie-polonii-mand%C5%BCurskiej-wystawa-fotografii-klubu-harbi%C5%84czyk%C3%B3w-w-szczecinie> [08.01.2018].
- Rowiński J., Szczudlik J., 2005, *Z historii kontaktów polsko-chińskich (do 1945 roku)*, „*Azja-Pacyfik*” t. 8, s. 26.
- Samujłło J., 1966–1967, *Kierbedź Stanisław*, [w:] *Polski słownik biograficzny* t. 12, Wrocław-Warszawa-Kraków, s. 421, 422.

- Skóra W., 2008, *Organizacja i pierwszy okres działalności polskich konsulatów w Harbinie i Władywostoku w latach 1920-1924*, [w:] *Polskie ślady na Dalekim Wschodzie. Polacy w Harbinie*, red. Furier A., Szczecin, s. 79,80.
- Skóra W., 2010, *Sytuacja materialna Polonii mandżurskiej w 1929 roku (w świetle raportu konsula RP Konstantego Symonolewicza)*, „Przegląd Orientalistyczny” nr 3–4, s. 132–140.
- Sula D., 2006, *Kolonia polska w Harbinie*, „Sprawy Wschodnie” nr 3 (13), s. 88–90.
- Symonolewicz K., 1932, *Miraże mandżurskie*, Warszawa.
- Symonolewicz-Symmons K., 1978, *Polonia w Harbinie*, „Przegląd Polonijny” z. 2, s. 111–119.
- Szukiewicz T., 1928, *Gospoda Polska w Harbinie*, [w:] Grochowski K., *Polacy na Dalekim Wschodzie*, Harbin, s. 58–60.
- Winiarz A., 1986, *Bibliografia prasy polskiej na Dalekim Wschodzie w latach 1917–1949*, „Kwartalnik Historii Prasy Polskiej” nr 25/1, s. 125–135.
- Winiarz A., 2008, *Główne kierunki i formy aktywności Polaków w Mandżurii w latach 1897–1949*, [w:] *Polskie ślady na Dalekim Wschodzie. Polacy w Harbinie*, red. Furier A., Szczecin, s. 40,48.
- Winiarz A., 2001, *Polska diaspora w Mandżurii*, [w:] *Polska diaspora*, red. Walaszek A., Kraków, s. 387–393.
- Winiarz A., 2011, *Wychowanie fizyczne i sport w życiu Polonii mandżurskiej*, [w:] „Prace Naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie. Seria Pedagogika” z. XX, s. 352.
- Winiarz A., 1986, *Zarys dziejów Gimnazjum Polskiego w Harbinie (1915-1949)*, „Przegląd Polonijny” z. 4, s. 77–91.
- Wojas B.Z., 1974, *Dzieje polonii charbińskiej*, „Zeszyty Historyczne” nr 30(250), s. 3–15.
- Woźniakowski K., 1976, *Polonia chińska w latach 1897-1949 i jej życie kulturalno-literackie* cz. I, II, „Przegląd Polonijny” z. 1, s. 97–110; z. 2, s. 53–63.
- Wyszczelski L., 2008, *Warszawa. Listopad 1918*, Warszawa.
- Yong-Deog K., 2010, *Życie kulturalne Polaków w Mandżurii w latach 1897–1947*, „Postscriptum Polonistyczne” nr 2(6), s. 132–137.
- Załączny J., 2013, *Polacy w Harbinie w zbiorach Muzeum Niepodległości w Warszawie*, „Wrocławskie Studia Wschodnie” nr 17, s. 82–83.

References

- Ablova N.E., 2005, *KVZHD i rossiyskaya emigratsiya v Kitaye: mezhdunarodnyye i politicheskiye aspekty (pervaya polovina XX v.)*, Moskwa.
- Aleksandrowicz A., 1937, *Mandżuria, jej przeszłość, terażniejszość, kraj i ludzie*, Warszawa.
- A. Ł-a, 1934, *Polska prasa na Dalekim Wschodzie*, „Daleki Wschód” no. 7(57), pp. 9–10.
- Bagiński H., 1990, *Wojsko Polskie na Wschodzie 1914–1929*, Warszawa.
- Barylski A., 2015, *Edward Kajdański. Z Harbinu do Gdańska – śladami wybitnego absolwenta*, „Pismo Politechniki Gdańskiej” no. 5(203), pp. 196–201.
- Bazyłow L., 1984, *Polacy w Petersburgu*, Wrocław.
- Belonozhkin A.E., 2005, *Arkhitekto I.V. Padlevskiy, «Istoriya Peterburga» № 3 (25)*, pp. 41–43.

- Beldzikowski R., 2019. *Harbińczycy w Świebodzicach – historia i współczesność*, <https://db2010.pl/2019/09/24/harbinczycy-w-swiebodzicach-historia-i-wspolczesnosc/> [21.10.2020].
- Bogutskiy V.M., 1911, *Epidemiya chumy v g. Kharbine i yego okrestnostyakh v polose otchuzhdeniya Kitayskoy Vostochnoy zheleznoy dorogi. 1910-11 gg. Meditsinskiy otchet o deyatelnosti Protivochumnogo byuro*, Kharbin.
- Bryukhanova I.A., 2006, *K stranitsam tvorcheskoy biografii arkhitekтора I.V. Padlevskogo*, «Istoriya Peterburga» № 5 (33), pp. 14–17.
- Cabanowski M., 1993, *Tajemnice Mandżurii. Polacy w Harbinie*, Warszawa.
- Chernyshova A., 2016, *Russkaya arkhitektura v Kitaye nachala XX veka. Deyatel'nost' russkikh arkhitektorov nachala XX veka v Kitaye do emigratsii*, «Teoriya i praktika sovremennoy nauki» №12(18), pp. 409–410.
- Chmiel I., *Wojna rosyjsko-japońska 1904-1905 – Strona 2 – Forum TGZC – Towarzystwo Genealogiczne Ziemi Częstochowskiej*, <http://genealodzy.czestochowa.pl/forum/forum-ogolne/1239-wojna-rosyjsko-japonska-1904-1905?start=25> [23.01.2018].
- Fialkovskiy P., 1990, *Vypuskniki Kharbinskogo Politekhnika deystvuyut*, «Problemy Dal'nego Vostoka» № 1, pp. 192–193.
- Gołojuch G., *Polskie groby w Chinach*, <https://polish.cri.cn/1399/2016/11/01/341s/35784.htm> [26.10.2020].
- Goncharenko O.G., 2009, *Russkiy Kharbin*, Moskva, <https://unotices.com/book.php?id=140951&page=4> [24.03.2018].
- Grochowski K., 1928, *Polacy na Dalekim Wschodzie*, Harbin.
- Jabłońska A., Krąkowski K., 1961, *Z dziejów polonii harbińskiej*, „Przegląd Orientalistyczny” no. 2 (38), pp. 161–163.
- Jermakow A., 2018, *O Klubie Harbińczyka*, [in:] *Dolnośląski Klub Harbińczyka*, <https://harbinczyk.wordpress.com/2018/02/19/dolnoslaski-klub-harbinczyk/> [21.10.2020].
- Kajdański E., 1982, *Fort Grochowski*, Olsztyn.
- Kajdański E., 1986, *Dzienniki syberyjskich podróży Kazimierza Grochowskiego 1910–1914*, Lublin.
- Kajdański E., 2000, *Korytarz. Burzliwe dzieje Kolei Wschodniochińskiej 1898–1990*, Warszawa.
- Kajdański E., 2010, *Wspomnienia z Harbinu*, [in:] *Chiny w oczach Polaków. Księga jubileuszowa z okazji 60-lecia nawiązania stosunków dyplomatycznych między Polską a Chińską Republiką Ludową*, Włodarski J., Zeidler K., Burdelski M. (eds.), Gdańsk, p. 75.
- Kajdański E., 2013, *Wspomnienia z mojej Atlantydy*, Kraków.
- Kajdański E., 2014, *Polacy na Dalekim Wschodzie. Inżynier Kazimierz Grochowski. Czzyngis-chan i złoto barona Ungerna*, Warszawa.
- Kański M., 2001, *Polacy w Chinach*, Warszawa.
- Kamiń J., Zeidler K., 2015, *Edward Kajdański – dyplomata, dziennikarz, pisarz i malarz*, „Gdańskie Studia Azji Wschodniej” vol. 8, pp. 9–30.

- Kazimierz Grochowski, 2008, [in:] *Polscy badacze Syberii*, Arvaniti J. (ed.), Warszawa, pp. 79–80.
- Kil J., Graczyk K., 2013, *Kolonia polska w Mandżurii – analiza historycznoprawna*, „Z Dziejów Prawa” t. 6 (14), pp. 111–117.
- Klimczak M., 2008, *Polska szkoła średnia w Harbinie – Gimnazjum im. Henryka Sienkiewicza (1915-1949)*, [in:] *Polskie ślady na Dalekim Wschodzie. Polacy w Harbinie*, ed. Furier A., Szczecin, pp. 169–178.
- Komar W., 2014, *Władysław Antoni Pelc: rys biografii prometejskiej*, „Nowy Prometeusz” vol. 4, nr 6, pp. 75–84.
- Kosińska A., 2010, *Udział Polonii harbińskiej w drugiej wojnie światowej*, [in:] *Chiny w oczach Polaków. Księga jubileuszowa z okazji 60-lecia nawiązania stosunków dyplomatycznych między Polską a Chińską Republiką Ludową*, Włodarski J., Zeidler K., Burdelski M. (eds.), Gdańsk, pp. 119–128.
- Kosiński A., Kosińska A., 2010, *Wspomnienia o Polskim Gimnazjum im. Henryka Sienkiewicza*, [in:] *Chiny w oczach Polaków. Księga jubileuszowa z okazji 60-lecia nawiązania stosunków dyplomatycznych między Polską a Chińską Republiką Ludową*, Włodarski J., Zeidler K., Burdelski M. (eds.), Gdańsk, pp. 105–106.
- Kostuch M., 2012, *Funkcjonowanie, problemy dydaktyczne oraz finansowe Gimnazjum Polskiego im. Henryka Sienkiewicza w Harbinie*, „Ślupskie Studia Historyczne” nr 18, pp. 177–194.
- Lachowicz T., 2007, *Dla Ojczyzny ratowania*, Łódź.
- Lyatavets K., 2007, *Polyaki v Otdel'nom korpuse pogranichnoy strazhi Rossiyskoy Imperii na rubezhe XIX – XX vv.*, [in:] *Polyaki v Rossii: istoriya i sovremennost'*, Selitskiy A.I. (ed.), Krasnodar, pp. 78–79.
- Matveyev G.F., Noskova A.F., Lykoshina L.S. (eds.), 2012, *Pol'sha v XX veke. Ocherki politicheskoy istorii*, Moskva.
- Melikhov G., 2003, *Belyy Kharbin. Seredina 20-kh.*, Moskva, www.rp-net.ru [30.01.2018].
- Melikhov G.V., 1991, *Man'chzhuriya dalekaya i blizkaya*, Moskva.
- Michalewicz K., 2018, *Historia Polonii harbińskiej – między polityką historyczną a guanxi – szanse i wyzwania*, <http://www.polska-azja.pl/k.michalewicz-historia-polonii-harbinskiej-miedzy-polityka-historyczna-a-guanxi-szanse-i-wyzwania> [06.10.2020].
- Misiurek J., 1976, *Z dziejów duszpasterstwa polonijnego w Harbinie (1901-1925)*, „Studia Polonijne” vol. 1, pp. 195–197.
- Misiurek J., 1977, *Z dziejów duszpasterstwa polonijnego w Harbinie (1926-1949)*, „Studia Polonijne” vol. 2, pp. 307–309.
- Mistewicz A., 2017, *Kierbedź Stanisław*, [in:] *Polski Petersburg*, <http://www.polskipetersburg.pl/hasla/kierbedz-stanislaw> [04.02.2018].
- Neja J., 2002, *Polacy w Mandżurii*, „Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej” nr 3, pp. 38–41.
- Neja J., 2003, *Polski król Mandżurii*, „Wprost” no. 9, pp. 68–70.
- Nernheim S., 1934, *Polonia harbińska (zarys historyczny)*, „Daleki Wschód” no. 7(57), pp. 1–3.
- Neya Ya., 2002, *Ob istorii sozdaniya 5-y pol'skoy strelkovoy divizii v Sibiri*, [in:] Neya Ya., *Sibir' v istorii i kul'ture pol'skogo naroda*, Moskva.

- «Politechnik» 1979, № 10,
https://archive.org/stream/politechnikseria10obed/politechnikseria10obed_djvu.txt
[26.02.2018].
- Niedźwiedzki R., 2008, *Kazimierz Grochowski (1893-1937) – zapomniany badacz złota Syberii*, „Przegląd Geologiczny” no. 6 (56), pp. 460-464.
- Nykiel B.K., *Polska Macierz Szkolna w Petersburgu*, [in:] *Polski Petersburg*, www.polskipetersburg.pl/hasla/2 [24.07.2019].
- Olszewicz B., 1927, *General Bronisław Grąbczewski, polski badacz Azji Środkowej (1855–1926)*, Poznań.
- Orłowski B., 2006, *Kolej Transsyberyjska – wkład Polaków w jej budowę*, „Inżynier Budownictwa” no. 10 (31), pp. 47–48.
- Orłowski B., 2014, *Inżynierowie w służbie Narodu – Engineers in the service of the Nation*, „Architectus” nr 4(40), p. 11.
- Oziewicz R., 2018, *Klub Harbińczyków w Szczecinie*, [in:] *Historie Polonii mandżurskiej – wystawa fotografii Klubu Harbińczyków w Szczecinie*, <http://www.wbpg.org.pl/aktualnosc/historie-polonii-mand%C5%BCurskiej-wystawa-fotografii-klubu-harbi%C5%84czyk%C3%B3w-w-szczecinie> [08.01.2018].
- Rowiński J., Szczudlik J., 2005, *Z historii kontaktów polsko-chińskich (do 1945 roku)*, „Azja-Pacyfik” vol. 8, p. 26.
- Rudnitskiy A.Yu., 2013, *Etot groznyy Grombchevskiy... Bol'shaya igra na granitsakh imperii*, Sankt-Peterburg.
- Samujłło J., 1966-1967, *Kierbedź Stanisław*, [in:] *Polski słownik biograficzny* vol. 12, Wrocław-Warszawa-Kraków, pp. 421–422.
- Shaposhnikova T., 2014, *Kharbinskiye katoliki: proshloye i nastoyashcheye*, «Zarya Vladivostoka» № 2, p. 7.
- Shevtsova T.I., 1993, *Russkaya arkhitektura za rubezhom. Kharbin dalekiy i blizkiy*, «Sankt-Peterburgskaya panorama» № 9, pp. 32–34.
- Skóra W., 2008, *Organizacja i pierwszy okres działalności polskich konsulatów w Harbinie i Władywostoku w latach 1920-1924*, [in:] *Polskie ślady na Dalekim Wschodzie. Polacy w Harbinie*, Furier A. (ed.), Szczecin, pp. 79-80.
- Skóra W., 2010, *Sytuacja materialna Polonii mandżurskiej w 1929 roku (w świetle raportu konsula RP Konstantego Symonolewicza)*, „Przegląd Orientalistyczny” no. 3–4, pp. 132–140.
- Smirnova T.M., 2013, *Pol'skiye obshchestva v Sankt-Peterburge (konets XIX – nachalo XX veka)*, Sankt-Peterburg.
- Sula D., 2006, *Kolonia polska w Harbinie*, „Sprawy Wschodnie” no. 3 (13), pp. 88–90.
- Supotnitskiy M.V., Supotnitskaya N.S., 2006, *Epidemiya legochnoy chumy v Man'chzhurii i Zabaykal'ye (1910-1911). Ocherk XXXI*, [in:] *Ocherki istorii chumy*. Vol. II. Moskva, <http://supotnitskiy.ru/book/book3-31.htm> [01.03.2018].
- Symonolewicz K., 1932, *Miraże mandżurskie*, Warszawa.
- Symonolewicz-Symmons K., 1978, *Polonia w Harbinie*, „Przegląd Polonijny” vol. 2, pp. 111–119.
- Szukiewicz T., 1928, *Gospoda Polska w Harbinie*, [in:] *Polacy na Dalekim Wschodzie*, Harbin, pp. 58-60.

- Taskina Ye.P., 2001, *Russkiye vrachi v Kharbine*, «Problemy Dal'nego Vostoka» № 5, pp. 146–149.
- Winiarz A., 1986, *Bibliografia prasy polskiej na Dalekim Wschodzie w latach 1917–1949*, „Kwartalnik Historii Prasy Polskiej” no. 25/1, pp. 125–135.
- Winiarz A., 1986, *Zarys dziejów Gimnazjum Polskiego w Harbinie (1915–1949)*, „Przegląd Polonijny” vol. 4, pp. 77–91.
- Winiarz A., 2001, *Polska diaspora w Mandżurii*, [in:] *Polska diaspora*, Walaszek A. (ed.), Kraków, pp. 387–393.
- Winiarz A., 2008, *Główne kierunki i formy aktywności Polaków w Mandżurii w latach 1897–1949*, [in:] *Polskie ślady na Dalekim Wschodzie. Polacy w Harbinie*, Furier A. (ed.), Szczecin, pp. 40, 48.
- Winiarz A., 2011, *Wychowanie fizyczne i sport w życiu Polonii mandżurskiej*, [in:] „Prace Naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie. Seria Pedagogika” XX, p. 352.
- Wojas B.Z., 1974, *Dzieje polonii charbińskiej*, „Zeszyty Historyczne” no. 30(250), pp. 3–15.
- Woźniakowski K., 1976, *Polonia chińska w latach 1897–1949 i jej życie kulturalno-literackie* vol. I, II, „Przegląd Polonijny” vol. 1, pp. 97–110; vol. 2, pp. 53–63.
- Wyszczelski L., 2008, *Warszawa. Listopad 1918*, Warszawa.
- Yan'tsyu U., 2017, *Natsional'nyy sostav i kul'turno-lingvisticheskiye osobennosti rossiyskoy diaspory v Kitaye do 1917 goda*, «Politicheskaya lingvistika» № 6 (66), p. 217.
- Yong-Deog K., 2010, *Życie kulturalne Polaków w Mandżurii w latach 1897–1947*, „Postscriptum Polonistyczne”, no. 2(6), pp. 132–137.
- Załączny J., 2013, *Polacy w Harbinie w zbiorach Muzeum Niepodległości w Warszawie*, „Wrocławskie Studia Wschodnie” no. 17, pp. 82–83.

Grzegorz Konecniak
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-2198-0450>
(Nicolaus Copernicus University in Toruń, Poland)

CEFR in the Slavic Educational Context: A Classroom of Students from China and Ukraine Taught English by Polish Teachers

CEFR w dydaktyce w kontekście słowiańskim. Grupy zajęciowe chińskie i ukraińskie nauczone angielskiego przez polskich wykładowców

Summary: The aim of the article is to present and confront the obstacles faced during the preparation and organisation of a foreign language preparatory course for the Chinese and the management of the first year studies in English for the Ukrainians in the Slavic higher education context of emigration. The course was prepared for a group of Chinese students whose task was to obtain B2 level of English. In this respect, the article relates to Anna Mikulska’s essay *A Chinese Child at Polish School: A Case Study of M.* (2016) and to the volume *Teaching English to Students from China* (2003). As regards Ukrainian students, they did not attend the specific foundation course and were enrolled on the regular BA programme without former language preparation. Both groups faced dilemmas of emigration; yet if the members of the former represent non-Slavic origins, the representatives of the latter do.

Key words: Slavic context, foreign students, emigration, Chinese, Ukrainians, CEFR

Streszczenie: Celem artykułu jest ukazanie i zestawienie problemów związanych z funkcjonowaniem uczestników kursu języka angielska organizowanego dla Chińczyków oraz organizacji pierwszego roku z uwzględnieniem potrzeb studentów z Ukrainy w kontekście słowiańskiego otoczenia kulturowego i warunków emigracji. Założeniem kursu jest doprowadzenie studentów z Chin, kandydatów na studia w języku angielskim, do poziomu B2 zgodnie z Europejskim Systemem Opisu Kształcenia Językowego. W aspekcie potrzeb Chińczyków, artykuł stanowi omówienie problemów podobnych do tych, które opisano w eseju Anny Mikulskiej *Dziecko chińskie w polskiej szkole: studium przypadku M.* (2016) oraz w pracy zbiorowej *Teaching English to Students from China* (2003). W kontekście problemów napotykanym przez obie grupy, pojawia się kwestia emigracji w słowiańskim otoczeniu kulturowym. Jednak jeśli pierwsza grupa wywodzi się z tradycji niesłowiańskiej, to druga grupa obejmuje przedstawicieli teźże kultury.

Słowa kluczowe: słowiański kontekst kulturowy, emigracja, obcokrajowcy, Chińczycy, Ukraińcy, CEFR

The essay addresses the possibility of obtaining specific CEFR language skills in the Slavic educational context with the inclusion of non-Slavic and Slavic groups of students experiencing common problems of emigration. Namely, it seeks to discuss selected CEFR-related challenges and solutions pertaining to the foundation course in Practical English (B2 level) for Chinese students organised in the scenario of the Slavic university and campus, as well as confronting it with the management of enrolment and first-year courses attended by

students from Ukraine who did not have to take any preparatory classes and were admitted on an individual basis – the B2-level requirement had to be met, and frequently was by the Ukrainians, prior to admission and the beginning of first-cycle studies.¹

As Katarzyna Florencka notices, Polish universities have been considerably involved in the process of admitting Ukrainian students onto their programmes and she points to the growing numbers in this respect: in the academic year 2012/2013 there were almost ten thousand Ukrainians studying in Poland and in 2016/2017 the number reached as many as 35.584 Ukrainian students (Florencka 2018). She relates to the surveys carried out by the Institute of Public Affairs and stresses the lack of common programmes and intake procedures targeting candidates and students from Ukraine (Florencka 2018). This lack of common regulations might have been responsible for the fact that Ukrainians did not take the preparatory course to be described below, created as the foundation programme for non-Polish candidates seeking to pursue their BA studies in English offered in Poland and ultimately involving only participants from China. In addition, the entrance documents presented by Ukrainians candidates seeking to study at NCU and proving language competences varied and had to be examined on an individual basis.

Florencka also touches upon the emigration issues pertaining to the situation of Ukrainian students in Poland: again, quoting the Institute of Public Affairs data, she mentions what draws Ukrainians to pursuing their studies in Poland and enumerates “lower costs of living as compared to other countries, [...] the possibility of paying a reduced tuition fee, [...] ease of access and admittance, [...] the prospects of finding employment in the study-related area [...], and the quality of teaching offered by a given faculty or university” (Florencka 2018). As regards the situation of the Ukrainians doing the BA programme in English Studies offered by the Faculty of Languages, they still formed a visible minority (5/72) of the intake when compared to the representativity of the Chinese. Yet, in the 2016/2017 academic year there were more Ukrainians studying English than in the previous cycles. The Ukrainian students followed the regular class timetable and attended classes with other, predominantly Polish, students. Yet a noticeable difference was observed in the case of holiday breaks: because of the religious calendar discrepancy the Ukrainians frequently applied for the extension of the Christmas break.

In terms of the Chinese group of foundation students, referring the experience of organising the pre-BA-level programme in English at Nicolaus Copernicus University, NCU, to the observations presented in Anna Mikulska’s article *A Chinese Child at Polish School: A Case Study of M.* and to the ideas examined in the volume *Teaching English to Students from China* (2003), the article will deal with contextual differences and juxtapositions, as well as describing the process of preparing and conducting the foreign-language programme for EFL young adult and adult learners. The issues to be explored concern the possibility, or lack of it, in matching the requirements of CEFR descriptors, the students’ non-Slavic educational background, and the pre-determined conditions and factors in which the course

¹The author has been coordinating the foundation course since 2016 and was responsible for teaching matters at the Department of English, Faculty of Languages, Nicolaus Copernicus University in Toruń. The observations recounted are predominantly based on the aforementioned experience. All passages from Polish texts are the author's translations.

organisers had to plan and conduct the course programme. In terms of the group from Ukraine, B2 level of English was a prerequisite needed in order to be admitted and the students did not have to take preparatory language training. What is more, they did not form a separate cultural group collectively facing problems of emigration and subject to any university cooperation project- or institutional agreement-based principles of enrolment. They were included in class groups with Polish students and had to integrate on an individual basis, joined by some of the Chinese students from the foundation course. The students' performance data show that although the Ukrainians did not attend the foundation course, most of them passed their courses – in contrast to the Chinese students, for whom, the participation in the foundation course did not bring the required linguistic progress, specifically in relation to the cultural aspects of the Anglophone world, grammar, writing and speaking (on the basis of grade records analysed).

In *A Chinese Child in the Polish School. A Case Study of M (Dziecko chińskie w polskiej szkole: studium przypadku M., 2016)* Mikulska discusses the problem of children in the context of the Polish educational system. Although she singles out the learner's experience of a nine-year-old Chinese girl, whose parents, wealthy businesspeople, decided to bring her to Poland to see whether she can adapt to a completely different cultural, linguistic and educational environment. The author also describes the main phases in the development of the child's skills in Polish, learning strategies and the obstacles encountered at the beginning and later phases of the teaching process. Mikulska's text “demonstrates that the problem of appropriate preparation of the school for the intake of young immigrants does not only concern educational institutions in large cities. The points presented in the article are a summary of the teacher's one year's experience of teaching the girl [...]” (Mikulska 2016: 163). Similarly, this essay is based on an experience of more or less the same length, but the target group of Chinese students was different and it consisted of eleven post-secondary-school learners who completed their education in China and sought to do their BA degree in courses conducted in English and offered by Polish and other Slavic universities. Yet, the Slavic-language context in which the girl described by Mikulska functioned was a positive factor, as she was supposed to learn Polish. And in the case of the Chinese students, the Slavic context had a detrimental effect: unable to understand Polish, they were forced to use Chinese as the primary form of communication, making it impossible for them to enter linguistic interactions in English with non-Chinese students.

Mikulska's article is significant in terms of the observation of the whole teaching process: its preparation, organisation and development inside and outside the classroom. The girl subject to research was sent to a Polish family and could only spend her time with the parents at the weekends; thus, she was exposed to the Polish-language environment most of the time (Mikulska 2016: 166) and linguistic “immersion” in the target culture (Mikulska 2016: 173). Mikulska states that at the early stage of the teaching process the girl “experienced stress and culture-shock related fits of crying” (2016: 167), and only single cases of such behaviour were noticed in the group of Chinese students in Toruń – the ones whose skills in English were not sufficient to effectively participate in class discussions and exercises and the ones who were unable to cooperate and socialise with other students. One solution mentioned in the article was based on the application of ludic elements in lessons (Mikulska 2016: 168), and the teachers at NCU had to use similar resources to involve the

group of students unwilling to take part in communicative scenarios but happy to perform drills and write written assignments (cf. Mikulska 2016: 169). However, if Mikulska describes the girl as “sitting at the desk in the straight position and waiting for her teacher to come to the classroom, [...] which stems from the mentality of the Chinese society” (Mikulska 2016: 170), the Chinese students who pursued their B2 course did not form a unanimous group and disciplinary problems, that is skipping classes or being late for them, were not a rare occurrence.

As regards the linguistic competence problems, the Chinese girl could not “master the correct spelling of words. As a result of negative transfer, she frequently spelt words without appropriate spacing between them, as it happens in the Chinese graphic principles or notation” (Mikulska 2016: 172). Spelling was one of the major problems experienced by the Chinese students in Toruń, too, followed by speaking and listening comprehension deficiency. Lack of common language of instruction was both a problem and a challenge at the beginning. English was the only linguistic tool for communication and its classroom level had to be adapted and appropriated for the students’ needs. Because of the more advanced level of English demonstrated by some of them, the practice of mediation via interpreting and explanation in Chinese by selected students had to be applied. An essential teaching tool was also an online dictionary which gave definitions of words in English, followed equivalents in Simplified Chinese. The dictionary also provided categorisation of lexical items within the CEFR indicators, thus making learning progress visible to both students and teachers. In general terms, access to the Internet resources, and to Google images in particular, was an indispensable aspect of the teaching process inside the classroom. Another indicator of CEFR level was the specification provided by classroom materials. In this respect, after the first round of enrolment, the teachers decided to use an academic-domain series of course books which progressed from A1 to B2 in order to provide the students with course-external versions of interpretation of B2 level and its descriptors, and to give them a more critical assessment. However, at the final stage of the process, it was decided to change the upper-intermediate level of one course book and replace it with the “inter-plus” level of another one. The original selection turned out to be too challenging for the Chinese learners.

The requirement described above did not concern the Ukrainians students enrolled on the first year, BA. Their language skills were post-B2 level, which made it possible to apply teaching with the assumption that the primary, and the only, language of instruction was English. The awareness of the specificity of the Anglophone culture, literature, politics and geography was sufficient and enabled the Ukrainians to become involved in interpretative and critical discussions – in contrast to the Chinese who decided to pursue English studies having successfully completed the foundation course. Even if some of them demonstrated language skills at the required level, the cultural specificity of the English-speaking world could not be fully comprehended – this element was not included in the materials used during the course, which in general targeted European non-speakers of English.

The aim of the NCU foundation project, in which the European language-competence assessment benchmarks are supposed to have been applied to the experiences of non-European students, was to prepare foreign upper secondary-school and junior-college graduates for their effective participation in the BA courses read in English and offered by NCU in Toruń. The questions to be addressed primarily concern the possibility or lack of it,

in matching the requirements of CEFR descriptors, students' non-Slavic higher educational background, and the pre-determined conditions and factors in which the course organisers had to plan and conduct the course programme. Still, another question concerns the possibility of extending the course onto the second year to cover selected aspects of the cultures shared by the English-speaking world. This extension, not required in the case of candidates from Ukraine who had already been provided with background knowledge of Anglophone reality, perhaps would not be feasible due to financial, motivational and organisational reasons – the Chinese students sought to complete the foundation course as soon as possible and to start “proper” studies afterwards.

Accepting applications from candidates from Ukraine is not surprising bearing in mind the common European and Slavic backgrounds shared by Poland and its neighbour. However, the former, as a Slavic state, has also recently become involved in the process of taking in Chinese candidates on BA and MA programmes available in English, and thus has reflected, or contributed to, a more general and universal tendency of educational globalisation. NCU in Toruń is one of research and teaching institutions belonging to a group of Polish universities offering foundation courses in English for foreigners. Successful preparation, organisation and completion of such a teaching process definitely require prior research in the language learning and acquisition patterns shared by the target group of students who are supposed to function in the Slavic higher education context in which English is not spoken as the native or first language.

And there is still a niche for such case- and context-based studies in Poland. Even the article by Mikulska does not address the problem of English as a foreign language but the process of learning Polish, the language used by the society in which the Chinese child is supposed to function and not only in the school environment. If, in the case of the girl described by Mikulska the Polish context plays a crucial positive way in the process of language acquisition, the situation of the Chinese on the foundation course does not add any beneficial factor in learning English. Still, what stands on the same footing is that the members of the foundation group were subject to dislocation in a totally different setting in terms of language, culture and society, similar to the situation portrayed by Mikulska and experienced by the Chinese learners of Polish. They could not use English freely outside the classroom and the campus administrative staff, for example the halls of residence employees, were not used to speaking English to the students whose level of the language made it impossible to break the linguistic barrier. The classes were conducted in English as the instructors were not given preparation in Chinese – the only bridge, as already mentioned, between English and Chinese was the online dictionary used in classes and containing translations in simplified Chinese. Many of the students felt isolated and they could only resort to using Chinese in their own group environment. Only some of them were willing to interact with Polish students representing the Slavic culture; yet, the language level on both sides caused frequent misunderstandings.

The situation described above, as a matter of fact, did not concern the Ukrainians who successfully integrated within the group of students on the BA programme in English studies. No problems were reported in the case of the communicative situations involving the Ukrainians and the administrative staff. The class organisation and management required no extra measures – even the University Study-Oriented System was handled by students from

Ukraine individually, with a few exceptions, and they were able to organise their registration and enrolment on their own or with the help of their Polish classmates. No problems were noticed in terms of selecting the required number of elective courses or choosing all the compulsory courses. As in the case of Polish students, some Ukrainians sought to schedule their classes in a way enabling them to combine their courses in a fewer days – perhaps they wanted to have more time for extracurricular activities or for part-time work. What is more, the students learned the principles how to solve those problems and had no difficulty in terms of functioning in the Polish university environment. No issues related to cultural differences were reported.

In contrast, the Slavic cultural and linguistic context in which the Chinese students functioned was quite unique and new. In some respects it was even different from the one described by Mikulska; yet, the general backgrounds and requirements of teaching English to Chinese students have been quite widely described on the basis of TEFL experiences in other countries and cultures. The institutional context-dependent research outcomes can be found in the collection of case studies titled *Teaching English to Students from China*, published as early as in 2003. The data and analyses presented in the book are worth noting because of the temporal frameworks determining the English courses described there. The preparatory programme for EFL Chinese students was initiated in 1992 and in Europe, just one year before the first intake of students in Singapore, the Intergovernmental Symposium was held in Switzerland, in November 1991. Its theme was *Transparency and Coherence in Language Learning in Europe: Objectives, Evaluation, Certification* and, pursuing former attempts taken by the Council of Europe to standardise levels of linguistic competences, it gave rise to the following assumption: “A further intensification of language learning and teaching in member countries is necessary in the interests of greater mobility, more effective international communication combined with respect for identity and cultural diversity, better access to information, more intensive personal interaction, improved working relations and a deeper mutual understanding” (2001: 5). The quotation comes from the 2001 edition of *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment*, which also contains its exploration:

The Common European Framework provides a common basis for the elaboration of language syllabuses, curriculum guidelines, examinations, textbooks, etc. across Europe. It describes in a comprehensive way what language learners have to learn to do in order to use a language for communication and what knowledge and skills they have to develop so as to be able to act effectively (2001: 5).

However, it becomes clear that the “common basis” moves beyond the borders of Europe, and in *Teaching English to Students from China* a different observation can be found: “Among the one billion foreign language learners of English, a majority come from the People’s Republic of China” (qtd. Yi 2003: xiii), the information is dated 1982. The consequences presented in the book are self-imposing and self-evident, thus expressed in the original words: “The huge learner population of Chinese has made the task of successful English teaching in and outside of China all the more important and challenging” (Yi 2003: xiii).

The challenges relate to the features of the Chinese learners as learners of foreign languages. Various problems were signalled in the introduction to *Teaching English to Students from China* (Yi 2003: xiv-xv) in the context of the intensive English programme implemented by the Centre for English Language Communication affiliated with the National University of Singapore. Most of them are described in particular chapters. By way of illustration, Laina Ho “sets out to identify the specific pronunciation problems, vowels as well as consonants, of Chinese learners from certain regions of China” (2003: 139). The author notices pronunciation problems observed by teachers: minimal pairs, dental fricative sounds (2003: 144); nasal ending of verbs, and many more (Ho 2003: 145–145).

The purpose of this essay is not to analyse common linguistic problems encountered in a classroom of Chinese ESL learners, but to put them in the Slavic higher education context of CEFR and the foundation course organised and conducted at NCU in Toruń, which as a matter of fact resembles the one in Singapore, and two compare further immigrant student experiences. In other words, the purpose is to juxtapose the situation experienced by the Chinese with that faced by the Ukrainian admitted onto the first-cycle programme on a completely different basis. The course described in *Teaching English to Students from China* was a typical intensive programme lasting 6 months created to provide [...] intensive English training [...] to a homogenous learner group from the People’s Republic of China” (Yi 2003: xiv–xv). The course conducted at NCU was created for similar purposes – that is to prepare a group of Chinese students, who had already completed their secondary-school education in the People’s Republic of China, for their higher studies in English offered by NCU. The aim of the course was not equated with the development of the students’ skills in general English, but was conceived of as the university-tailored programme, predominantly in the area of academic lexis and communicative use. However, its target objective was the B2 level of English assumption in the Slavic university context, missing from *Teaching English to Students from China*. This assumption is crucial in the case of the Chinese students – as the course was supposed to enable them to continue proper studies on the first-cycle programme. The Ukrainians did not have to attend such a course – their B2 level was proved in the entrance documentation and in the successful completion of first-year courses, which required the linguistic competence on that level as a prerequisite.

Thus, with reference to the former group, the question arises as to the connection between the problems described in *Teaching English to Students from China*, their presence or absence in the group of students who came to study in Toruń, and their influence upon the achievement of B2 level. The two-semester programme consists of 600 hours, which, according to the *Common European Framework Guided Learning Hours*, makes it possible for the student to progress from A1 to B2 level (<https://support.cambridgeenglish.org/hc/en-gb/articles/202838506-Guided-learning-hours>). The courses in Singapore and Toruń were structured similarly in terms of week class arrangement (cf. Young and Fong Yoke Sim 2003: 23).

Almost three decades passed between the project in Singapore and the one recently organised by NCU, in which there was one tutorial group of students of eleven, more or less the same number of males and females (cf. Young and Sim 2003: 23). The week organisation of teaching load was 20 hours of classwork and there was always one working day off for extracurricular activities. In terms of the background of the students participating in the

course conducted by the Centre for English Language Communication in Singapore, the learners

C[a]me from different parts of China. They [had] learned English for about six years in an EFL setting in their home country before coming to Singapore, where English is one of the four official languages and is the language of administration and education. Their English proficiency upon arrival [was] low intermediate (Yi 2003: xv).

The students who came to Toruń represented different regions of China, too. Their English proficiency was not on the same level, notwithstanding the assumptions and expectations relating to their secondary education background. The results of the grammar diagnostic test conducted by one of the teachers showed that the individual linguistic competence ranged from A1 to A2+ or even B1 (course materials), which caused the course teachers and administrators to adapt the A1 course book in English for academic purposes.

As mentioned, there is a point of divergence in the assumptions of the two courses and it concerns the requirements of CEFR. These, nevertheless, were adapted to account for the potential problems faced by Chinese learners of English, because of the interpretative possibilities pertaining to the Framework, which assumes “An action-oriented approach”:

Language use, embracing language learning, comprises the actions performed by persons who as individuals and as social agents develop a range of competences, both general and in particular communicative language competences. They draw on the competences at their disposal in various contexts under various conditions and under various constraints to engage in language activities involving language processes to produce and/or receive texts in relation to themes in specific domains, activating those strategies which seem most appropriate for carrying out the tasks to be accomplished (2001: 9).

The description of such an approach enables language-course organisers to shape, to some extent, such factors involving teaching as “domains,” “strategies,” and “tasks,” and bearing in mind a learner’s “competences” and “constraints.” The pronunciation issue previously mentioned can be considered one of such hindrances.

In the volume *Teaching English to Students from China* some features of the Chinese teaching aspects are given, and the consequences of such an educational background and experience were observed in the case of the students who came to Toruń. Yuan Yi gives examples of EFL teaching history in China: “a majority of language teaching practitioners in China have adopted a teacher-centred intensive reading model wherein a written text is dissected and analysed word by word and sentence by sentence to help students understand word meanings and grammatical structures” (Yi 2003: xv-xvi). As regards other student-oriented approaches, the author continues with the statement that “Although a few people have experimented with a communicative approach in China, this is only a minority and the degree of success seems minimal. As a result, the speaking and listening skills of these PRC

learners of English remain rather low” (Yi 2003: xvi). The same observation concerning the learning experience of teaching approaches can be made on the basis of the Chinese course participants who studied English in Toruń. They found it very difficult to become involved in speaking activities and listening comprehension was a major hindrance on the path to the successful completion of the course. Such a difficulty, at least partly, stems from the reading and grammar oriented foreign language teaching methodology applied in China, which is beginning to change, as argued by Feng Anwei (2003: 1).

Similar problems were not noticed in the case of Ukrainians students on the first-cycle programme. The speaking and listening skills had already been developed prior to the admission and communicative issues did not pose difficulties on the level of the cultural background of students. The pronunciation aspects reflected the specificity of sound discrete sound differences and not the serious deficiency resulting in lack of communication, distortion of meaning or confusion. Perhaps, the minor problems observed concerned errors in grammar and lack of complex vocabulary, and these were improved within the first year of BA studies – as the Ukrainians could become actively involved in literary, linguistic and cultural theoretical modules offered in the second- and third-year curricula.

However, on the basis of the teaching experience in the classroom of Chinese students on the foundation course, it can be argued that the re-assessment of the methodology has not affected ELT practices on the secondary-school level and traditional teaching practice frequently takes the form of College English. This argument appears later in Anwei’s essay published over two decades ago: “Empirical research findings and observations in recent literature strongly suggest that except for a gradual change in the medium of instruction, major features of the traditional grammar-translation or intensive-reading model are still predominant in the majority of College English classrooms. Classroom teaching is teacher-centred and transmission of knowledge remains the standard practice as well as an educational aim” (Anwei 2003: 9). The author consecutively contends that “The communicative language teaching approach [...] is not adopted” (Anwei 2003: 9). In the case of the NCU foundation course, elements of the communicative approach were employed, especially in the Speaking part of the weekly timetable, about eight 45-minute classes out of twenty. However, the teachers found it difficult to make students speak upon guidelines, instructions or other prompts, both verbal and visual. Yet, with the progression of similarly structured activities, the students gradually became involved in pair and group speaking exercises. More communicative output came from the students with more advanced skills in English but not all of them showed their willingness to contribute. Although the course was supposed to accept applications from candidates across the world, including Ukraine, the participants did not represent any other cultural background. Having a multi- or bi-national group students, assumingly involving Ukrainians who would have been to later join the first-year BA students, would have made the management of the course content, materials and activities even more challenging, specifically taking into account the language-level and cultural-awareness discrepancy among the course participants.

The B2 level proved to be a challenge for the Chinese students. Most of them completed the course, but once admitted on the BA programme in English studies, they could not succeed in class involvement and obtaining passing grades specifically on Practical English modules was too difficult. In this respect their situation should be juxtaposed with

those experienced by students from Ukraine. As already signalled, they were not involved in any special language training organised prior to the onset of BA studies; yet, the foundation course was also on offer for them. Their intake was managed by the University Office of Foreign Students and they were admitted on the basis of the assessment of the documents submitted – results on the secondary-school level, grades in English, results on classes conducted in English and extra certificates confirming their language level (e.g. IELTS score) and academic orientation.

After gaining positive reviews of the records, the candidate was admitted on the BA programme in English Studies, and the B2 level of English was a curriculum prerequisite to start such a course. The Ukrainians represented a minority in the course group and no separate class arrangement was necessary to cater for their needs. Still, due to the length of the period in which the administrative procedures were completed, they were put into groups already occupied by other foreign students. Their language preparation in most cases was better, and the students from Ukraine could successfully participate in classes conducted in English – in contrast to the Chinese for whom the level was too difficult in terms of English language comprehension. The patterns of integration were also different: the Chinese still formed a unanimous group willing to cooperate with each other yet distant from students representing other cultures.

In contrast, the Ukrainians integrated with different students and found it easy to work with their Polish and Erasmus+ classmates. The class arrangement did not follow a special path required to cater for the needs of the Ukrainians – the only step involved the introduction of the foreign students coordinator on the level of the organisation of the course programme. In most cases, their attendance in the foundation course was not required – as they did not make language mistakes and did not face the linguistic problems like those faced by the Chinese. The common Slavic background was definitely a most positive factor enabling the Ukrainians to complete their courses of studies. Still, as they did not manage to form a unanimous group because of their singularity, they could not form a closely-knit, separated from others, student community – in contrast to the Chinese group spending extra-curricular time together. It appears that Polish and Ukrainian students shared common methods of foreign language learning perhaps based on the same methodologies and teaching resources. They responded to the specificity of the English-speaking countries in a similar way and showed a general understanding of Anglophone culture, literature and society. This turned out to be too challenging for the Chinese on the foundation course who joined the first-year BA group. Although they confirmed the B2 level of English in their successful completion of the course and their satisfactory results in the final examination, the specificity of the philological study programme was still too difficult for them.

To conclude, the expression B2 is absent from *Teaching English to Students from China*, and the level of English with which the students in Singapore should complete their language course had not been defined by means of the descriptors within CEFR specifications. In contrast, B2 has recently gained a lot of significance in the area of tertiary education in Poland – a Slavic state whose universities offer English courses for foreigners, and are currently held responsible for the way in which teaching and learning outcomes should be described. First-cycle students are supposed to develop their language skills to B2 level by completing a foreign language course. And, in the wake of the development of study

programmes in English, usually in such fields as Management, Economics and Tourism, candidates who want to enrol have to demonstrate B2 level of English. If the focus on B2 level in the organisation of the foundation course at NCU is one point of divergence in relation to the project conducted in Singapore, another one concerns the Slavic language environment outside the classroom. For the students from China, B2 level was a challenge and most of the students did not manage to complete the first year of studies on the BA programme of English. The best students on the course obtained satisfactory results in the BA-level studies in English. The students who came to Toruń were mostly exposed to the English language only in class, after which they could communicate in Chinese with classmates (cf. Mikulska 2016: 163). They shared rooms in the halls of residence and had limited contact in English with Poles or Erasmus+ students. In other situations, they were exposed to the Polish language. However, in their learning experience, they also faced problems both similar to and different from the ones described by Anna Mikulska in reference to a young Chinese girl who came to Poland with her parents and attended Polish school.

The Ukrainians were better prepared in terms of their linguistic competences and the awareness of the B2 level requirements as well as CEFR descriptors. Due to the regulations of admittance employed at NCU, they did not have to undergo any foundation programme in English. In most cases, they became successful students of English who could well integrate with other students and for whom problems related to the experience of emigration did not pose obstacles on the path to the completion of BA studies. The solution to match the levels of the foreign students admitted onto the BA programmes could be the modification of the foundation course and to offer at least three semesters of preparatory classes, from 600 to at least 900 teaching hours. This might be beneficial in the case of adding more Anglophone culture and literature-related subjects to better prepare the participants to become actively involved in the process of acquiring information about and features of the British and American philological courses planned in the first year of BA studies in English. The extra part of the foundation course could also target the Ukrainians who in this way could systematise their knowledge of the Anglophone world, at the same time being first-year students.

References:

- Anwei F., 2003, *In Search of Effective ELT Methodology in College English Education – The Chinese Experience*, [in:] *English Teaching to Students from China*, Lee G. L., Ho L., Meyer J. E. L. (eds.), Singapore, pp. 1–20.
- Council of Europe, 2001, *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment*. Strasbourg.
- Florence K., 2018, *Raport: przybywa studentów z Ukrainy*. Nauka w Polsce, URL: <http://naukawpolsce.pap.pl/aktualnosci/news%2C31145%2Craport-przybywa-studentow-z-ukrainy.html> [01.10.2018].
- H. S., 2018, *Guided Learning Hours*, URL: <https://support.cambridgeenglish.org/hc/en-gb/articles/202838506-Guided-learning-hours> [15.09.2018].

- Ho L., 2003, *Pronunciation Problems of PRC Students*, [in:] *English Teaching to Students from China*, G. L. Lee, L. Ho, J. E. L. Meyer (eds.), Singapore, pp. 138–157.
- Lee G. L., Ho L., Meyer J. E. L., Varaprasad C. (eds.), 2003, *English Teaching to Students from China*, Singapore.
- Mikulska A., 2016, *Dziecko chińskie w polskiej szkole: studium przypadku M.*, [in:] *Bilingwizm polsko-obcy dziś: od teorii i metodologii badań do studiów przypadków*, Dębski R., Miodunka W. (eds.), Księgarnia Akademicka, Kraków, pp. 163–176.
- Young C., Sim F. Y., 2003, *Learner Diaries as a Tool to Heighten Chinese Students Metacognitive Awareness of English Learning*, [in:] *English Teaching to Students from China*, Lee G. L., Ho L., Meyer J. E. L. (eds.), Singapore, pp. 21–34.
- Yi Y., 2003, *Introduction*, [in:] *English Teaching to Students from China*, Lee G. L., Ho L., Meyer J. E. L. (eds.), Singapore, pp. xiii–xx.

Polonezköy (Adampol) in Turkish Academic Studies

Polonezköy (Adampol) w tureckiej literaturze naukowej

Summary: Adampol/Polonezköy is one of the oldest Polish diaspora settlements in Turkey. In Adampol, which nowadays is still an important centre of Polish minority, people of different cultures, religions and status live together. This village was founded in the surroundings of Istanbul in 1842 by Michal Czaykowski, who went to Turkey at Adam Czartoryski's bidding and settled in the village along with November insurgents, as well as Polish prisoners of war redeemed from the Turkish and Circassian captivity. Today, the village attracts people's attention, especially as a popular tourist destination and as a hunting place. The community of Adampol is known as one of the oldest groups of immigrants in Turkey and has been subject to research by the representatives of Turkish Humanities and Social Sciences. The authors dealt with the problems of history, culture, tourism and landscape of Adampol. The article is an attempt to summarize the most important facts and conclusions reached by the researchers of the Polish enclave in Turkey.

Key words: Adampol, Polonezköy, migration, minority, cultural identity, Polish immigrants, Turkey

Streszczenie: Adampol/Polonezköy jest jedną z najstarszych polskich wspólnot w Turcji. W Adampolu, który stanowi dziś ważny ośrodek polskiej mniejszości, mieszkają obok siebie ludzie różnych kultur i religii. Wieś została założona w okolicach Stambułu w 1842 r. przez Michała Czaykowskiego, który udał się do Turcji na polecenie księcia Adama Czartoryskiego i osadził tam powstańców listopadowych, a także wykupionych z niewoli tureckiej i czerkieskiej polskich jeńców. Osada przyciąga dzisiaj uwagę przede wszystkim ze względów turystycznych i jako popularne miejsce polowań. Wspólnota Adampola jest znana jako jedna z najstarszych wspólnot imigranckich w Turcji i była badana przez tureckich uczonych – przedstawicieli nauk humanistycznych i społecznych. Autorzy poszczególnych publikacji poruszali zagadnienia historyczne, kulturowe, a także z zakresu badań turystyki i studiów krajobrazowych. Artykuł stanowi próbę podsumowania najważniejszych faktów i wniosków wynikających z badań polskiej enklawy w Turcji.

Słowa kluczowe: Adampol, Polonezköy, migracje, mniejszość, tożsamość kulturowa, polscy imigranci, Turcja

Introduction

Turkey's immigration history starts from the Ottoman Empire and during that period, immigration movements were under state control. The first wave of immigration in the Ottoman period comes from Crimea. After the Crimean Turks immigration, which had begun with the persecution by the Russian authorities, with the flow of time the Ottoman Empire experienced immigration from different regions: the migrants were of Greek, Armenian and Bulgarian origin, as well as from the Caucasus. One of the groups that came to Turkey at the end of the first half of the 19th century consisted of the immigrants from Poland. Good

relationships between the Ottoman Empire and Poland for many years had been an important factor stimulating immigration from the former Commonwealth of Poland and Lithuania, which in the 19th century was divided by the Russian Empire, the Kingdom of Prussia and the Austrian Empire (later the Austro-Hungarian Empire). Moreover, the Ottoman Empire was heavily involved in immigration movements. Allowing immigration of a non-Muslim group such as Poles is evidence of good relations as migration movements were supported by prohibitions and relocations in the Ottoman Empire.

On the one hand, the relations of the immigrant group from Poland with the authorities continued in a good way. The Ottoman Empire, which did not accept foreign pressures and especially Russia's requests for the return of the Polish immigrants, made it possible for the newcomers to live a comfortable and free life. On the other hand, one has to mention the problems of Poles as the citizens of the host country. Especially, the tax-giving issues, which began with the taxation of the Adampol lands by the authorities, and became one of the biggest bones of contention between the Polish immigrants and the Ottoman Empire. Later, the naturalization of immigrants was also a problematic issue, and so were their struggles to avoid taxes by acquiring foreign citizenship with the support of other states embassies. However, the Ottoman Empire suspended the taxpaying issue of Polish immigrants over time. And after the collapse of the Ottoman Empire, the land tax issue was no longer a problem. Shortly after the establishment of the Republic of Turkey, the Polish immigrants received Turkish citizenship.

Nowadays, Polish immigrants still cultivate their traditions and customs without departing too much from their cultural identity. The number of the inhabitants of the village and its everyday life have changed with the cultural changes in the city of Istanbul, the agglomeration to which Adampol belongs. This situation has caused the structure of the village to become multicultural today. This article is an attempt to answer the questions how Adampol (Polonezköy) has been characterized by the Turkish scholars, what issues they pay attention to, and how they perceive the Polish enclave near Istanbul. On the one hand, there are not many publications in the field of social sciences in Turkey about Adampol. On the other one, there is large interest in the village in the fields of forestry, media and tourism.

An outline of the history of the research on Adampol/Polonezköy in Turkish academic studies

According to the conducted query, the first publication at least partially devoted to Adampol was Toros' (1983) monographic work *Geçmişte Türkiye-Polonya İlişkileri*, in which the Polish enclave was presented in the context of the Polish-Turkish relationships. The number of publications about Adampol significantly increased at the turn of the 21st century. The articles referring to the Polish community started in 1999 with Erol's article about geomorphology of the village. Although Erol informs that there were many papers in the Turkish language devoted to Polonezköy's geology, as reported in Ketin's (1983) monograph, these publications referred only to geological issues, i.e. the non-social aspects of the territory of Adampol. In 2005 Erdönmez published a paper dealing with the issues of urbanisation and natural resources *İstanbul'daki Korunan Alanlarda Rekreatif Kullanımların Görsel Etkileri; Polonezköy Tabiat Parkı Örneği*. However, the author refers to the history of the village, too. Later, Erdönmez & Yurdakul Erol published an article

called *Orman Toplum İlişkileri Açısından Tarihsel Bir İnceleme: Polonezköy Örneği* in 2009. The article contains information about the history of Adampol and its current situation. In 2011, Kıvrak wrote a master thesis about Polonezköy's landscape *Beykoz – Polonezköy'ün Kültürel Peyzaj Analizi ve Değerlendirmeleri*. At the same time, Doldur published an article *One of the Recreational Areas near Istanbul: Polonezköy*, which was the first paper about Adampol written by a Turkish scholar in English. It dealt with the importance of Polonezköy as recreational and hunting areas. Apart from the publications, there were also conference presentations addressing various aspects of the functioning of the Polish enclave near Istanbul, e.g. Paçacı Elitok's talk *An Oral Historical Study of Socio-Cultural Change and Place-Identity in Polonezkoy* delivered at the Artefacts Culture and Identity conference. However, the presentation has not been published by the author.

Topaktaş, in her article (2015), referred to the facts related to the period of the Ottoman Empire. This was the first article that focused only on the village of Adampol and its culture, history and social life. The given paper was an important contribution to establishing the presence of Adampol in Turkish academic studies. Topaktaş has also authored publications about Polish-Turkish relationship from past to present, in which she discusses various aspects of these ties. The other work of that time was Bodziany and Köstekçi's (2015) paper *Two Worlds-Two Cultures. Poles and Turks in Exile*. The authors examine the relationship between Poles and Turks from many points of view. Additionally, it contains some sections devoted to Adampol, the Erasmus programme, and Turks in Poland. One year later, another master thesis was published by Duydu in 2016 *Polonezköy (Adampol) Yerleşiklerinin Sosyo-Kültürel Açidan İncelenmesi*. The work presents the unique features of Polonezköy from a socio-cultural perspective and imparts a lot of new information about the village. These publications prove that the significance of Adampol in social sciences has increased recently. There are also examples of Polish-Turkish co-written works on Adampol, for instance Burak & Marszałek-Kawa's (2016) paper *Polonezköy*. In 2017 two papers were published in English by Demirsar Arlı & Kaya *An Evaluation of the Architecture, Culture and History of the Polonezköy/Adampol settlement in Istanbul* and Karakelle *Examination on Zoos as an Architectural Typology and Historical Origins of Zoos with Example of Polonezköy Country Club*. Although Karakelle's paper has not been published in any other form than a self-uploaded Academia.edu item, it presents a lot of new and original information about the zoological gardens and wildlife parks in Polonezköy. In 2018 Bollukcu & Zevit published a paper *Polonezköy'de kırsal Turizme İlişkin Değerlendirmeler*, in which they deal with various aspects of Polonezköy's contemporary lifestyle but mainly focus on tourism. The most recent publications on the Polish cultural island in Turkey were Zevit's *Sürdürülebilir Turizm – Sürdürülebilir Peyzaj İlişkisi Araştırılması: İstanbul – Polonezköy Örneği*, dealing with the tourism and landscape issues, and Özer & Ağan's *Polonya Mutfak Kültürü Yansıması ve Polonezköy Örneği*, containing the description of culinary habits and Polish cuisine in Polonezköy.

According to the thematic scope of the papers mentioned above, one can state that Polonezköy arises interest mainly in its natural resources, landscape and tourist potential, which is a result of its location. The Polish village lies in the Asian part of Istanbul. This location is known for the natural beauty, cultural assets and these reasons attract the interest of the scholars specialising in the landscape studies to this area. At the same time, Adampol's

location is well known as a popular destination for single-day trips from the capital city, which has made tourism studies another popular research topic referring to the village of our interest. However, one may notice that recently scholars have been paying more attention to the Polish enclave, and the number of publications have increased. Especially Topaktaş's (2015) and Duydu's (2016) contributions to the field are worthy of being mentioned. It has been observed that the number of papers addressing the cultural and historical issues have increased both in popular media and in academic journals. In this study, I will focus on the latter, presenting their thematic profile and the way of presenting the life of the Polish enclave near Istanbul.

Polish migration in Turkey from the historical point of view

The territory of the Commonwealth of Poland and Lithuania was shared between Austria, Russia and Prussia in 1772–1795. Then, with the failure of the November Uprising against Russia in 1830–1831, immigration began from Poland. These migrations were directed to many regions from Europe to the Ottoman Empire. The reform movements in 1839 (Tanzimat Fermanı) and the London Agreement restricted Russia's activities within the Ottoman region. After these changes, the way was opened for Polish immigrants to settle in the Ottoman Empire (Erdönmez, Yurdakul Erol 2009: 37).

In 1840 Prince Adam Czartoryski, the leader of the Polish emigrant conservatist-liberal political faction Hotel Lambert, and his collaborators came to an idea of the renewal of the Slavic world with the help of the Ottoman Empire. Eventually, Michał Czaykowski (known also as Mehmet Sadık Paşa), as the president of the General Agency of the Polish Eastern Mission, after the agreement signed in 1842, on behalf of the prince Czartoryski founded a village in the area where the Lazarist Catholic Mission had been located (Adamska 2004).

The village was named Adampol in honour of Adam Czartoryski in a religious ceremony in 1842, and it was recorded as the first Polish village established outside Poland. The population in the village was 18 when it was first established; however, this number decreased to 3 with the deterioration of living conditions after 15 years. Although, due to the dynamic ebb and flow of the population of the village, it was constantly inhabited by at least few persons. With the suppression of the freedom uprisings in Poland, the village of Adampol became more important. Thus, around 100 immigrants settled in Adampol between 1849–1851 (Erdönmez, Yurdakul Erol 2009: 37).

After the Crimean War (Kırım Savaşı), approximately 90 people, including soldiers under the Michał Czaykowski's command, settled in the village. In addition, a new Polish village – Derbina – was established in the Ottoman Empire with the population of 150 people. However, the members of this community settled in Adampol in 1859 (Adamska 2004). In 1863 another uprising was organised against Russia, and right after it a young and educated group came to Adampol.

After the migration, the Polonezköy residents lived together in an organized manner of social life. At this point, it has been observed that the solidarity feeling was very high in Adampol. In particular, two concerts were held at the Tepebaşı theatre in 1893 and the income was given to the sick and poor of the Polish immigrants (Topaktaş 2015: 307–308).

Later, with the Ottoman-Russian War, more Polish immigrants came to Adampol. In 1883 Prince Władysław Czartoryski bought Adampol (Adamska 2004). After this sale the village became the property of Poles and they lived freely without being pressured or persecuted by the Ottoman authorities for their cultures and religion.

After the Ottoman-Russian War, the Ottoman administration offered members of the Polish minority the possibility to become Muslims, which could protect them from the pressure of the Russian Empire. The Turkish authorities aimed to avoid the obligation to give Polish immigrants back to the Russians. For that purpose, Michał Czaykowski, one of the founders of Adampol, took the name of Mehmet Sadık Paşa and became a Muslim. Later, the Ottoman Empire gave the Adampol residents Ottoman citizenship in 1885 (Topaktaş 2015: 300-301).

In 1904, due to the contribution of the Adampol residents to the country, the Ottoman Empire considered giving the lands to all the inhabitants of the village. However, this process was left to the heirs because the land was considered private property of the Czartoryski family (Topaktaş 2015: 301).

The village headman Ludwik Biskupski, who did not want to pay taxes (one of them called *tekalif-i emiriyye* – the tax collected from the Ottoman citizens), encouraged the villagers to acquire French citizenship, which resulted in sanctions against him. Later, the tax issue was discussed by the Ottoman administration and in the end the decision was cancelled. Since the inhabitants of the village received Ottoman citizenship, a census was carried out. However, the people of Adampol opposed it due to their desire to avoid tax obligations. Although the tax demanded due to the valuable land of Adampol caused the Adampol immigrants to request other citizenships, the Ottoman Empire did not allow this. They held various demonstrations, especially with the support of the Austrian embassy. For this reason, the Ottoman authorities increased the number of gendarmes and built a police station in Adampol. It was also recorded that the Russian ambassadors came to the village in 1906 and tried to persuade its inhabitants to acquire Russian citizenship. The arrivals and visits of Russian ambassadors to Adampol, which had for a long time been popular as a hunting area, were accompanied by the gendarme (Topaktaş 2015: 303).

Living conditions in the village were very difficult in the first period after the village had been founded. Its inhabitants were suffering of epidemics and had to face also other threats such as theft and fire. Due to the lack of arable land, Polish migrants cleared forests. Farming became their another source of income for a comfortable and peaceful life. The immigrants who managed to create a living space decided to establish a library with Polish books (Duydu 2016).

However, there are also churches and schools built in the village with the permission of the Ottoman Empire and Turkish government. The first Church was built between 1845-1846 and it was named as Saint Anna's. And prince Czartoryski and Archbishop donated to the church and schools, but after the strong earthquake hit Istanbul, the Church of Saint Anna collapsed. It is seen in the official documents that the villagers tried to build a new church and a new school. In 1913, the new church got the construction license (Arli, Kaya 2017: 184–187).

In addition to immigrants, there were also Polish prisoners in the village (saved from Russian soldiers), who sometimes caused unrest. Additionally, there were disagreements with Lazarist priests about the management of the colony (Duydu 2016).

The lands belonging to the village and tax issues were among the issues that the village people were dealing with for a long time. Within the colony, immigration to America was propagated, but those who were involved in those actions were expelled from Adampol. Michał Czaykowski, who worked for the economic development of the village, tried to popularize the Polish settlement as a hunting area. His efforts resulted in the economic development of the village. Since internal conflicts, such as political fights between the first Polish immigrants and those who settled in the village after the Crimean war, hampered the positive processes, a parliament according to the Turkish legal system was considered. Although the problem of enfranchisement of the residents of Adampol could not be solved due to the property rights of Czartoryski family, it was an important factor ensuring the continuity of the cultural identity of the village. It is observed that the family structure in the village was dominated by an extended family in the early days. Although the family structure and roles within the family varied, there was a patriarchal order with clearly marked domination of the male head of the family. However, even in this pattern, family relationships were open and the leadership of the father of the family was not oppressive. Consequently, it has been observed that the duty of men in families was the livelihood of the household, and the duty of women and children was housework. Despite this, solidarity and tolerance prevailed in the families in Adampol (Duydu 2016: 34–40).

In the early 1900s, it was claimed that the maximum population reached in the village was 220 and Adampol started to assume the same rights and responsibilities as other Turkish villages in 1908. When it came to 1918, some of the immigrants returned to Poland, which regained its independence after the end of the World War One. Most of the Poles living in Turkey at that time were the residents of Adampol (Erdönmez, Yurdakul Erol 2009: 38).

With the rebirth of Poland in 1918, the people who wanted to leave for their ancestors' fatherland and did not want to pay taxes were given permission for emigration, and those who wanted to acquire Polish citizenship were given the right to regain Ottoman citizenship in the future. On September 18th, 1921, local authorities considered changing the name of the village to Ümraniye, but the final decision was to maintain the first name: Adampol. Therefore, in 1923, together with the establishment of the Republic of Turkey, the inhabitants of Adampol asked to be granted the citizenship of the Republic of Turkey (Topaktaş 2015: 303).

With the establishment of the Republic, the name Adampol changed to Polonezköy. After that, in 1938, Turkish citizenship was granted to everyone living in the village as an immigrant. In the 1960s Turkey experienced an economic crisis and people started to migrate to other countries. For that reason, some members of the Polish minority also emigrated from Polonezköy to Austria and Germany. The land left by the immigrants started to be bought by the Turks, and even some Turkish farms were established in the village (Adamska 2004).

Despite the historical processes in Polonezköy, the traditions and religious rituals have not changed and are still cultivated in the community. One of the most important factors supporting the maintenance of Polishness is the liberty of the functioning of religious and traditional environment of the village without restrictions from the Turkish government.

Polonezköy in three historical periods

According to Erdönmez & Yurdakul Erol (2009), the history of Polonezköy can be divided into three historical phases. The first period covered the time from the foundation of the village, with its beginnings as an agricultural community, until the early 1900s. Since farming was problematic, its role in the rural economy was reduced to an additional activity. The other sources of income, such as hunting and financial aid from Poland, became more important in Adampol's livelihood. In this period, immigrants had limited relations with the external environment and other cultures (Erdönmez, Yurdakul Erol 2009: 38–39).

In the second period, from the 1900s to the 1960s, the village became a popular hunting resort and tourist attraction, among others because of its “European character”, and the community started to open up partially. In the 1920s, the village started to provide hotel services, which also contributed to its economic development. The external marketing of the products produced in the village was another important factor in establishing relations with the outside of the village. The products from “the Polish village” started to be sold in Istanbul by horse carriages and attracted great attention of consumers (Erdönmez, Yurdakul Erol 2009: 39).

The last period began in the 1960s. Since, major changes occurred in the village along with the opening of the road between Adampol and Beykoz. Also, the hotel services developed, e.g. in connection with the construction of new buildings. In 1968, when the peasants had the right to own land and property (Prince Władysław Czartoryski's heirs resigned from their rights to the land), the residents of the village were allowed to buy and sell land. Tourism became a sufficient source of income for livelihood and eventually outflow migration processes stopped. With the development of tourism in the village, the labour demand was met by migrants from Tokat. Therefore, today, some of the residents of the village have originated from Tokat. However, the newcomers did not cause serious changes in the village and did not affect its traditions. The village administration is still in the hands of the Poles (Erdönmez, Yurdakul Erol 2009: 40).

A brief evaluation of the current cultural characteristics of the village

Finally, 2013 can be considered as the beginning of the subsequent, 4th period, in the history of Adampol, due to the change in the village status, because then Polonezköy was incorporated into the Istanbul Metropolitan Municipality. Although contacts with the city have increased in recent years due to the ease of transport, the settlement remains outside the city due to lifestyle-related and environmental factors. According to demographic statistics, in 2017 Polonezköy was inhabited by 377 people (90 of whom are of Polish origin). The dynamics of the population data shows that the population of Polonezköy tends to decrease. However, one may observe that the number of people living in Polonezköy increases in the summer months. Nowadays, agriculture and tourism can be considered the most important sources of income for Polonezköy (Bollukcu, Zevit 2018: 456).

It seems that the cultural landscape of the village is being maintained. It has been observed that young people in the village have recently migrated to other cities for such

reasons as work, education or marriage. This has caused changes in the demographic structure of the village. In the first period of the history of Adampol, after its foundation, the inhabitants of the village residents were linked by family and neighbourhood ties. Nowadays, many of the descendants of the first settlers live in other countries or cities. Although Polish cuisine used to dominate the culinary habits of the members of the Polish community, nowadays the residents of Adampol mostly eat Turkish dishes and its members even take part in Muslim religious festivals. The founders of the village originated from various regions of Poland and spoke different dialects. Thanks to the library and the lessons of Polish organized by the Catholic parish, the minority managed to maintain their traditional language. Religious holidays are of great importance to the inhabitants of the village, especially Christmas and Easter. One has to underline that the local Church played an important role in the process of culture preservation. When we look at weddings and entertainments, weddings mostly take place in the man's house and the wedding is also organised in the church. Some beliefs, for example that the ceremonies are held in months such as March, June, August, September, October and December so as to bring luck, were applied in the first immigrant group. Some of these traditions are still practised today. Also, festivals with music and dance have been held frequently in the village since the past (Duydu 2016: 45–56).

Turkish influences are observed in many aspects of Adampol's life. One of the examples is the cuisine and culinary habits of the Polish enclave. Although Poles still cook and eat traditional dishes prepared according to the recipes inherited from their ancestors, they have also adopted many elements from other cultures, not only from the Turkish surroundings, but also from Germans, Jews, Russians, Lithuanians, and Hungarians. The Adampol cuisine is based on vegetables and meat dishes. The vegetables are used as puree (potatoes), boiled and fried. Traditional Polish sausages (kielbasa) are also popular. The inhabitants of Polonezköy maintain many traditional Polish soups, whose names are being used both in their original as well as slightly modified forms (e.g. adopted to the Turkish pronunciation or orthography): Zurek, Borç, Uszka ve Barszcz, as well as other dishes Gulazs, Golabki and Bigos (meat dishes), Pieczone cwiartki z kurczaka (poultry dish), smazony pstrag (fish), salatka selerowa z kurczakiem, koperkowa surowka obiadowa, surowka obiadowa as salads, pierogi (pastries), kuchinie Turecka pilowz, makaron z pesto i suszonymi pomidorami (pasta) and, lastly, makowiec as a dessert. The villagers still prepare traditional dishes from Polish cuisine and teach their children to do so, too. Some informants say that they are planting vegetables and breed animals used for their dishes, because they couldn't find the right ingredients in Turkey easily. However, Adampol's culinary habits have been affected by Turkish cuisine, too, and the descendants of Polish migrants got accustomed to cooking Turkish dishes made with olive oils like sarma and şakşuka. They prepare Turkish dishes as often as the Polish ones, and, for instance, during Church holidays they generally cook and eat Turkish dishes (Özer, Ağan 2019: 1340–1346).

Another example of the evolution of Adampol's culture comprises architectural traditions. In the first period of the history of the village, the settlers were building wooden houses with thatched roofs, resembling those found in the regions of their origin. The houses had small windows like in Polish villages. At the end of the 19th century, traditional Turkish houses were built, too. These buildings were examples of hunting lodges, and in 1937

Mustafa Kemal Atatürk stayed in one of the them during his visit in the village (Arli, Kaya 2017: 188–189).

Conclusion

Historically, the Polish diaspora in Turkey appears to be about two centuries old. The newcomers from Hungary and Poland are considered the first refugees to the territory of the Ottoman Empire. Since the Ottoman Empire controlled the immigration movements to a great extent, it was an unusual decision to accept different religious groups such as Poles and Hungarians. Polish immigrants were given the freedom to use their language, as well as to cultivate their religion and traditions. Although the granting of these rights did not entail any specific actions in favour of immigrants from the Turkish administration, the Catholic church in Adampol was built with the help and permission of the Ottoman authorities. Later, a group of Polish migrants became Ottoman citizens and Muslims. However, despite this, the cultural structure and religious character of the village have not changed in a significant way.

Turkey has experienced many changes over the years until today since the foundation of Adampol. In particular, one has to enumerate the establishment of the Republic of Turkey and the country's management, social and cultural life changes experienced within immigrant groups living in the country as it has affected the whole country. Therefore, in relation to the present day, we can also talk about changes within the Polish community, which, however, for a long time has retained its original ethno-cultural character, and now differs from the Turkish environment. These processes are observed as a change of cultural identity in scholarly works on the Polish settlement in Turkey. However, nowadays the descendants of Polish immigrants still cultivate their traditions and religion. The changes have affected predominantly culinary habits and some traditions such as marriage customs, religious holidays and festivals. The presence of varieties of Turkish cuisine on the table, especially during religious holidays such as Christmas, is an important indicator of this change. Thus, the life of the Polish minority in Adampol has not been fully described and can still form the basis of research in several academic disciplines.

References:

- Adamska, J., 2004, *Polonezköy-Adampol*, Transl. B. Uzunkaya, Warszawa.
- Arli B. D., Kaya, Ş., 2017, *An Evaluation of the Architecture, Culture and History of the Polonezköy/Adampol Settlement in Istanbul*. “Art of the Orient” no. 6, pp. 180–200.
- Bodziany M., Köstekçi A., 2015, *Two Worlds-Two Cultures. Poles and Turks in Exile*, “Securitologia” no. 2(22), pp. 69–81.
- Bollukcu P., & Zevit, G., 2018, *Polonezköy'de Kırsal Turizme İlişkin Değerlendirmeler*, “Bartın Orman Fakültesi Dergisi” 20(3), pp. 453–464.
- Doldur H., 2011, *One of the recreational areas near Istanbul: Polonezköy*, “Nature Sciences” no. 6 (4), pp. 145–168, <https://dergipark.org.tr/tr/pub/nwsanature/issue/10845/130527> [30.12.2018].
- Duydu M., 2016, *Polonezköy (Adampol) Yerleşiklerinin Sosyo-Kültürel Açından İncelenmesi*, Yüksek Lisans Tezi, Sivas: Cumhuriyet Üniversitesi.

- Erdönmez C., Yurdakul Erol S., 2009, *Orman Toplum İlişkileri Açısından Tarihsel Bir İnceleme: Polonezköy Örneği*. “Bartın Orman Fakültesi Dergisi”, Cilt: 11, Sayı:15, pp. 35–44.
- Erdönmez İ. M., 2005, *İstanbul’daki Korunan Alanlarda Rekreatif Kullanımların Görsel Etkileri: Polonezköy Tabiat Parkı Örneği*, in: *Korunan Doğal Alanlar Sempozyumu*, vol.1, Isparta, Turkey, pp. 447–454.
- Erol, O. 1999, *Polonezköy Dolayının Jeomorfolojisi ve Doğal Çevresinin Evrimi*, “Ege Coğrafya Dergisi” np. 10(1), <https://dergipark.org.tr/tr/pub/ece/issue/4884/66958> [30.12.2018].
- Karakelle H., 2016, *Examination on Zoos as an Architectural Typology and Historical Origins of Zoos with Example of Polonezköy Country Club*, https://www.academia.edu/39420666/Examination_on_Zoos_as_an_Architectural_Typology_and_Historical_Origins_of_Zoos_with_Example_of_Polonezk%C3%B6y_Country_Club
- Ketin İ., 1983, *Türkiye Jeolojisine Genel Bir Bakış*, İstanbul.
- Kıvrak E.T., 2011, *Beykoz-Polonezköy’ün Kültürel Peyzaj Analizi ve Değerlendirilmesi*, Yüksek Lisans Tezi (Basılmamış), İstanbul: İstanbul Üniversitesi, Fen Bilimleri Enstitüsü.
- Marszałek-Kawa J., Burak, A., 2016, *Polonezköy*, „Kultura i Edukacja” no. 2(112), pp. 9-20, <https://czasopisma.marszalek.com.pl/images/pliki/kie/112/kie11201.pdf> [30.12.2018].
- Özer, Ç., Ağan, C., 2019, *Polonya Mutfak Kültürü Yansıması ve Polonezköy Örneği*, “Türk Turizm Araştırmaları Dergisi” no. 3(4), pp. 1336–1348.
- Topaktaş H., 2015, *Polonezköy (Adampol) (1842-1922) – Kuruluş, Tabiiyet Meselesi, İmar Faaliyetleri ve Sosyal Hayat*, „Belleten” Cilt: 79, Sayı: 284, pp. 293–318.
- Toros T., 1983, *Geçmişte Türkiye - Polonya ilişkileri = Turco - Polish relations in history*, İstanbul.
- Zevit G., 2019, *Sürdürülebilir turizm-sürdürülebilir peyzaj ilişkisinin araştırılması: İstanbul-Polonezköy örneği*, Yüksek Lisans Tezi, Bartın: Bartın Üniversitesi.

Recenzja: G. Pelczyński, *Mniejsze mniejszości i inne szkice*, Wrocław 2017, ss. 116

Review: G. Pelczyński, *Mniejsze mniejszości i inne szkice*, Wrocław 2017, pp. 116.

Streszczenie: Recenzja zbioru krótkich esejów na temat mniejszości mieszkających w Polsce i Polaków w diasporze. Grzegorz Pelczyński przedstawia refleksje zarówno na temat grup o statusie mniejszości, jak i innych wspólnot, omawiając różne aspekty ich życia społecznego, sytuację prawną, a także zagadnienia językowe, religijne i kulturowe. Oprócz tekstów na temat słowiańskich społeczności emigracyjnych (Słowianie w Polsce i Polacy za granicą), w pracy omawiane są także wspólnoty niesłowiańskie.

Słowa kluczowe: mniejszości, Polska, imigranci, repatrianci, historia, kultura, etniczność, religia

Summary: Review of a collection of short essays on minorities living in Poland and Poles in diaspora. Grzegorz Pelczyński presents reflections both on the groups with minority status and other communities, referring to various aspects of their social life, legal situation, as well as linguistic, religious and cultural issues. Apart from texts on Slavic emigrant communities (Slavs in Poland and Poles abroad), the work also discusses non-Slavic communities.

Key words: minorities, Poland, immigrants, repatriates, history, culture, ethnicity, religion

Kryteria Ustawy o mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym spełnia w Polsce 13 społeczności i jeden język (Dziennik Ustaw 2005). Ponadto ustawa wprowadza pojęcie języka regionalnego – kaszubskiego, które nie jest tożsame z nadaniem Kaszubom statusu mniejszości narodowej lub etnicznej. Tytuł książki Grzegorza Pelczyńskiego *Mniejsze mniejszości i inne szkice* wymaga wyjaśnień. Przede wszystkim określenie „mniejsze” użyte w stosunku do mniejszości jest względne i odnosi się do lokalnego kontekstu. Jedyne ustawowe odniesienie do liczebności grupy mniejszościowej dotyczy jej porównania z większością „jest mniej liczebna od pozostałej części ludności Rzeczypospolitej Polskiej” i nie określa w żaden sposób minimalnej liczby członków tego typu społeczności (Dziennik Ustaw 2005: 2). Porównanie z większością lub grupami o statusie mniejszości w innych państwach regionu prowadziłyby do stwierdzenia, że wszystkie społeczności, którym ustawa w Polsce nadała szczególny status są „mniejsze”. Według wyników Narodowego Spisu Powszechnego Ludności i Mieszkań z 2011 r., w którym po raz pierwszy wprowadzono możliwość zadeklarowania przynależności do więcej niż jednej grupy etnicznej, najliczniejsze grupy o statusie mniejszościowym w Polsce to Niemcy (126 tys.), Ukraińcy (49 tys.) i Białorusini (46 tys.). Porównanie z liczącą 458 tys. os. mniejszością węgierską na Słowacji lub polską (200 tys.) i rosyjską (177 tys.) mniejszością na Litwie (por. Infostat 2009; GUS 2011: 106; OSPStat 2013: 149), zwłaszcza

jeśli uwzględnimy ogólną liczbę ludności tych państw, nie pozwala traktować nawet największych grup mniejszościowych w Polsce jako „większych”. Nieoczywiste jest także użycie samego pojęcia „mniejszości”, które w książce G. Pełczyńskiego różni się istotnie od definicji ustawowej, opartej m.in. na kryterium co najmniej stuletniej obecności przedstawicieli danej grupy na terenie Polski. Takie podejście pozwoliło na autorski dobór opisywanych społeczności. W ten sposób w omawianej publikacji znalazły się szkice na temat jedynie czterech uznawanych przez polskie prawo mniejszości (Tatarów, Ormian, Karaimów i Żydów), a brak pozostałych grup G. Pełczyński zrekompensował charakterystyką sytuacji społecznej wspólnot imigrantów, repatriantów i mniejszości historycznych, tworzonych wokół konkretnej idei etnopolitycznej w określonym czasie.

Tom otwiera przedmowa Karola Piaseckiego, która stanowi ogólne wprowadzenie i wyjaśnia potrzebę powstania tej publikacji: choć mniejszości są stałym elementem polskiego krajobrazu historyczno-kulturowego poświęcano im dotąd zbyt mało uwagi, a zainteresowanie kolejnych polskich rządów rodakami pozostającymi za granicą nie z własnej woli też było niewystarczające. Praca G. Pełczyńskiego jest próbą zmiany tego stanu rzeczy poprzez zainteresowanie szerszego grona czytelników rozważaniami na temat poszczególnych grup w przystępnej formie, lecz bez nadmiernych uproszczeń. Większość z tekstów ma charakter popularnonaukowy. Były już one wcześniej drukowane w czasopismach krajoznawczych i kulturoznawczych, m.in. „Poznaj swój Kraj” i „Akant” w latach 2012–2016.

Niektóre spośród 30 esejów zostały pogrupowane w większe całości – rozdziały, rozpoczynające się od tekstu wprowadzającego do kilku szczegółowych opisów wspólnot. Jako pierwsze autor omówił tytułowe „mniejsze mniejszości”: Karaimów, Tatarów, Ormian, Wilamowian, Serbołużyczan, Węgrów, Gruzinów, Bułgarów i Wietnamczyków. Już sama lista tych społeczności stanowi najlepszy przykład nieoczywistego podejścia G. Pełczyńskiego do tematu. Obok wspólnot żyjących w Polsce od wielu stuleci i należących do mniejszości według ustawowych kryteriów, jak w przypadku pierwszych trzech grup, znaleźli się np. współcześni imigranci z Wietnamu lub Serbołużyczanie, którzy mieszkają przede wszystkim na terenie Niemiec, a „polską” mniejszością byli tylko za panowania Bolesława Chrobrego. Wszystkie te grupy łączy jednak niewielka liczebność i określony związek z Polską. Poszczególne eseje liczą od jednej do trzech stron i oprócz ogólnego wyjaśnienia obecności danej grupy na terenie Polski, zawierają bliższe omówienie jednego lub kilku zagadnień opisujących relacje danej grupy z Polakami – kulturowe, historyczne, językowe i in.

Nieco dłuższe teksty zostały poświęcone mniejszościom religijnym¹, głównie chrześcijańskim, ale także muzułmanom, buddystom oraz małym i egzotycznym dla większości mieszkańców naszego kraju wspólnotom, do których należą wspólnoty rodzimowierców, a także Polakom w koloniach, w których znaleźli się w wyniku zawirowań historycznych, np. na Haiti. G. Pełczyński dość dokładnie opisał również polskie aspiracje kolonialne, stowarzyszenia i organizacje planujące ten kierunek ekspansji ekonomicznej i geograficznej.

¹ Problematyka mniejszości religijnych i migracji z powodów religijnych była omawiana także w jednym z tekstów w końcowej części książki.

Dwa eseje dotyczą mniejszości wymyślonych: Goralenvolku i Słowińców. Ich „rodowody” dość mocno różnią się od siebie, ponieważ jedna ze społeczności, czy raczej jej koncepcja, została stworzona w czasie II wojny światowej w wyniku podejmowanych przez nazistowskich naukowców prób przekształcenia tożsamości grupowej Górali Podhalańskich w odrębny od Polaków naród, m.in. poprzez znajdowanie w nim podobieństw z kulturami germańskimi, natomiast druga powstała na łonie językoznawstwa w związku z opisem zachodnich obszarów Kaszubszczyzny. Łączy je jednak zaangażowanie ideologii i zewnętrzne źródło szukania uzasadnienia dla przedsięwziętej kategoryzacji języka lub mówiącej nim społeczności. Do historycznych relacji polsko-niemieckich i podobnego okresu nawiązuje także kolejny tekst, dotyczący tzw. *Ostkinder*, polskie dzieci porwane w czasie II wojny światowej przez Niemców w celu ich przenerodowienia. Prawdopodobnie ze względu na odniesienie do tego samego okresu, do powyższych esejów został dołączony krótki rozdział dotyczący funkcjonowania polskich władz na uchodźstwie.

Kolejne podrozdziały tworzą większą całość poświęconą reemigrantom – Polakom powracającym do ojczyzny w drugiej połowie XX w. z Francji, Belgii, Bukowiny, Jugosławii, Mandżurii i Sachalinu. Każda z tych społeczności posiada swoich bardziej lub mniej znanych przedstawicieli, a wiele z nich doczekało się pokaźnej literatury naukowej zakresu historii, literaturoznawstwa i językoznawstwa, zarówno w odniesieniu do diaspory, jak i adaptacji w Polsce (zob. m.in. Krasowska 2010; Кодзис 2018; Krasowska, Pokrzyńska, Suchomłynow 2018). Mimo lekkiej i możliwie łatwo przyswajalnej formy esejów G. Pełczyński nie unika w nich kwestii problemowych, do jakich na pewno należy stosunek polskich władz, ale przede wszystkim polskiego społeczeństwa do rodaków ze Wschodu. Rozdział pod wymownym tytułem „Niechciani Polacy” opisuje zaniedbania i brak zainteresowania systemowym rozwiązaniem problemu repatriacji z Kazachstanu zarówno w czasach PRL, jak i po transformacji ustrojowej, a także problemy społeczno-kulturowe, z jakimi muszą stykać się powracający do ojczyzny przodków. Brakowi właściwego zaangażowania ze strony kolejnych rządów towarzyszy rezerwa lub nawet niechęć ze strony współrodaków, traktujących repatriantów jako nie-swoich (por. Książek 2013).

Zbiór kończą trzy eseje o tematyce społeczno-kulturowej. Pierwszy z nich, poświęcony literaturze przygranicznej, oparty jest na przykładach Zaolzia i Kresów Północno-Wschodnich, natomiast dwa kolejne odnoszą się do kultury żydowskiej: kina jidysz oraz filosemityzmu, który w tytule został nazwany anty-antysemityzmem.

Choć emigracja nie jest przewodnim motywem zbioru, wiele z rozdziałów dotyczy funkcjonowania słowiańskich wspólnot imigracyjnych w Polsce lub Polaków na obczyźnie, a także szczególnej formy migracji jaką jest repatriacja. Praca G. Pełczyńskiego ma w przeważającej części charakter popularnonaukowy, ponieważ taka była pierwotna rola tworzących ją tekstów, ale wersję książkową wzbogacono o wykaz wybranych pozycji z zakresu poszczególnych tematów, co może być przydatne, jeśli czytelnik zechce potraktować te zresztą napisane eseje do dalszych poszukiwań w zakresie funkcjonowania niewielkich i nietypowych wspólnot mniejszościowych w Polsce.

Literatura:

- GUS, 2011, *Główny Urząd Statystyczny. Raport z wyników. Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mieszkań*, Warszawa, https://stat.gov.pl/cps/rde/xbcr/gus/lud_raport_z_wynikow_NSP2011.pdf [14.07.2018].
- Dziennik Ustaw, 2005, *Dziennik Ustaw: Ustawa z dnia 6 stycznia 2005 r. o mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym*, nr 17, poz. 141, Warszawa, <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20050170141/U/D20050141Lj.pdf> [14.07.2018].
- Infostat, 2009, *Demographic data from population and housing censuses in Slovakia*, http://sodb.infostat.sk/sodb/eng/1848-2001/tab.III.2-2B_en.htm [14.07.2018].
- Krasowska H., Pokrzyńska M., Suchomłynow L. 2018, *Świadectwo zanikającego dziedzictwa. Mowa polska na Bukowinie: Rumunia – Ukraina*, Warszawa.
- Krasowska H. (red.), 2010, *Bukowina. Integracja społeczno-kulturowa na pograniczu*, Warszawa.
- Książek J., 2013, *Z wyspy na wyspę. Sytuacja młodych repatriantów z Kazachstanu problemy identyfikacji zbiorowej na przykładzie absolwentów polskich uczelni*, [w:] *Słowiańskie wyspy językowe i kulturowe*, Nowicka E., Gluszkowski M. (red.), Toruń, ss. 101–118.
- OSPStat, 2013, *Report on the Population and Housing Census of the Republic of Lithuania, Ethnicity, Mother Tongue and Religion*, Vilnius, http://statistics.bookdesign.lt/dalis_04.pdf [14.07.2018].
- Кодзис Б., 2018, *Польская диаспора в Харбине (1898–1949)*, „Emigrantologia Słowian” 4/2018, ss. 29–51.

References:

- GUS, 2011, *Główny Urząd Statystyczny. Raport z wyników. Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mieszkań*, Warszawa, https://stat.gov.pl/cps/rde/xbcr/gus/lud_raport_z_wynikow_NSP2011.pdf [14.07.2018].
- Dziennik Ustaw, 2005, *Dziennik Ustaw: Ustawa z dnia 6 stycznia 2005 r. o mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym*, nr 17, poz. 141, Warszawa, <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20050170141/U/D20050141Lj.pdf> [14.07.2018].
- Infostat, 2009, *Demographic data from population and housing censuses in Slovakia*, http://sodb.infostat.sk/sodb/eng/1848-2001/tab.III.2-2B_en.htm [14.07.2018].
- Kodzis B., 2018, *Polskaya diaspora v Harbine (1898–1949)*, „Emigrantologia Słowian” 4(2018), pp. 29–51.
- Krasowska H., Pokrzyńska M., Suchomłynow L. 2018, *Świadectwo zanikającego dziedzictwa. Mowa polska na Bukowinie: Rumunia – Ukraina*, Warszawa.
- Krasowska H. (ed.), 2010, *Bukowina. Integracja społeczno-kulturowa na pograniczu*, Warszawa.

- Książek J., 2013, *Z wyspy na wyspę. Sytuacja młodych repatriantów z Kazachstanu problemy identyfikacji zbiorowej na przykładzie absolwentów polskich uczelni*, [in:] *Słowińskie wyspy językowe i kulturowe*, Nowicka E., Głuszkowski M. (eds.), Toruń, pp. 101–118.
- OSPStat, 2013, *Report on the Population and Housing Census of the Republic of Lithuania, Ethnicity, Mother Tongue and Religion*, Vilnius, http://statistics.bookdesign.lt/dalis_04.pdf [14.07.2018].

Noty o autorach

Цмыкал Ольга Евгеньевна [ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-7622-7437>] – magister, aspirant, asystent кафедры литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета в Благовещенске (Россия), занимается изучением лирики Лариссы Андерсен и других поэтов дальневосточного зарубежья, художественной этнографии Маньчжурии 20-40-х гг.

Głuszkowski Michał [ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-3353-2671>] – doktor habilitowany w zakresie językoznawstwa, adiunkt w Katedrze Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, absolwent socjologii i filologii rosyjskiej. Jego zainteresowania naukowe dotyczą różnorodnych aspektów funkcjonowania słowiańskich wspólnot na emigracji, kontaktów językowych polsko-wschodniosłowiańskich ze szczególnym uwzględnieniem przełączania kodów, a także historii polskiej i rosyjskiej socjologii. Członek Komisji Emigrantologii Słowian przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów, sekretarz redakcji czasopisma „Emigrantologia Słowian”.

Karaköse Gizem [ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-2542-745X>] – Master of Arts student at Anadolu University, Turkey. In her works she focuses on migration, multiculturalism, integration and ethnicity. She is the author of an article *Identity, Nationalism and Multiculturalism Appearances in the Globalization Times*. She was also one of the authors and coordinator of local and national projects on refugees and social problems within the Metropolitan Municipality.

Kodzis Bronisław [ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-9474-880X>] – emerytowany profesor Instytutu Słowistyki Uniwersytetu Opolskiego, członek Komitetu Słowianoznawstwa PAN, Członek Zarządu Komisji Emigrantologii Słowian przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów, redaktor naczelny czasopisma „Emigrantologia Słowian”. Zainteresowania naukowe: współczesna literatura rosyjska i białoruska, literatura i kultura rosyjskiej emigracji. Autor i redaktor 16 pozycji książkowych oraz około 150 artykułów poświęconych w większości spuściznie literackiej i kulturalnej pierwszej fali rosyjskiej emigracji.

Konecniak Grzegorz [ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-2198-0450>] – Assistant Professor in the Department of Anglophone Literature, Culture and Comparative Studies at Faculty of Humanities, Nicolaus Copernicus University in Toruń, Poland. He teaches Irish literature in English and focuses on textual and editorial aspects of literary works. He is the author of *Women on Stage and the Decolonisation of Ireland. Counter-Discursiveness in the Drama of the Irish Literary Revival (1892-1926)* (2011) and a book in Polish on the history of Canadian drama (*Zarys (post)kolonialnej historii dramatu i teatru kanadyjskiego*, 2012). He also authors *Prompting In/Ex/Tensions inside the Manuscript and the Digital Folio: An Exploration of Selected Early Abbey Theatre Production Books* (2016) and articles on postcolonial studies and editing-related issues in Anglophone literatures.

Конталева Евгения Александровна [ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-3984-7618>] – старший преподаватель Кафедры религиоведения и истории, научный сотрудник Лаборатории археологии и антропологии, научный сотрудник Научного музея Амурского государственного университета в Благовещенске (Россия), младший редактор научно-теоретического журнала «Религиоведение», исследователь культуры и литературы дальневосточной эмиграции, фронтальной ментальности и феномена религиозного синкретизма.

Сенина Екатерина Владимировна [ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-4724-7890>] – кандидат филологических наук, преподаватель Кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО МИД РФ (Россия). Исследователь образов взаимного восприятия русских и китайцев в литературе XX в., занимается переводами китайской литературы и публицистики на русский язык.

Забияко Анна Анатольевна [ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>] – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и мировой художественной культуры, главный научный сотрудник Центра изучения дальневосточной эмиграции Амурского государственного университета в Благовещенске (Россия), занимается изучением культуры и литературы дальневосточного зарубежья, фольклора русской диаспоры в Китае, художественной этнографии Маньчжурии 20-40-х гг. XX в.

Зиненко Яна Викторовна [ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-6255-9756>] – ассистент кафедры литературы и мировой художественной культуры, сотрудник Центра изучения дальневосточной эмиграции Амурского государственного университета (г. Благовещенск, Россия). Занимается изучением православия в Северной Маньчжурии (первая половина XX в.), истории и современного состояния православия в Трёхречье (Внутренняя Монголия КНР), проблемами сохранения этничности и этнической идентификации китайских потомков в России.

PROCEDURY WYDAWNICZE

Zasady zgłaszania i przesyłania manuskryptów

Procesy zgłaszania rękopisów, recenzowania i redakcji są w „Emigrantologii Słowian” bezpłatne. Przesłanie tekstu i jego publikacja w naszym czasopiśmie nie powodują utraty praw autorskich. Autorzy zgadzają się na publikację tekstów na stronie internetowej czasopisma, a także we współpracujących z nim bazach. Ponieważ czasopismo „Emigrantologia Słowian” (jeden numer na rok) ukazuje się w otwartym dostępie (open access), czytelnicy mają swobodny dostęp do całej jego zawartości, bez potrzeby uzyskiwania dodatkowych zgód od autorów i wydawnictwa (na mocy licencji CC BY).

Manuskrypty wysyłane do „Emigrantologii Słowian” powinny być zgodne z profilem tematycznym czasopisma i odpowiadać jego działom (zob. sekcja „**O czasopiśmie**”). Zgłaszając manuskrypt, autorzy powinni wskazać sekcję czasopisma, odpowiadającą charakterowi ich tekstu: Artykuły; Recenzje; Sprawozdania; Inne (artykuły przeglądowe, autoreferaty, komunikaty, nekrologi, listy i in.).

Przesłanie manuskryptu jest jednoznaczne z potwierdzeniem autorstwa i zgodą na przestrzeganie etyki wydawniczej „Emigrantologii Słowian”. Przesyłając rękopis, autor informuje o wsparciu finansowym i instytucjonalnym w badaniach. W przypadku prac wieloautorских wszyscy współautorzy powinni być wymienieni wraz z informacją o charakterze ich wkładu w przygotowanie tekstu i przeprowadzenie badań (zob. sekcja „**Etyka wydawnicza**”).

Autorzy zgłaszają swoje manuskrypty za pośrednictwem poczty elektronicznej: emigra@interia.eu

Autorzy są zobowiązani do stosowania się do wymagań technicznych czasopisma i współpracy z redakcją w procesie recenzji, a także redagowania i korekty tekstu (zob. sekcja „**Proces recenzji**”). Przed wysłaniem manuskryptu autorzy powinni zweryfikować zgodność swojego tekstu ze stylistycznymi i bibliograficznymi standardami czasopisma (zob. sekcja „**Wymagania techniczne**”). Ponieważ w „Emigrantologii Słowian” publikowane są oryginalne prace, autorzy są zobowiązani do potwierdzenia, że ich materiały nie były do tej pory opublikowane i nie są aktualnie rozpatrywane w celu publikacji w innym czasopiśmie.

Proces recenzji

1. Zgłaszając prace do czasopisma, autorzy wyrażają zgodę na ich opublikowanie w wersji elektronicznej. Do tekstów należy dołączyć podpisaną przez autora deklarację, że nadesłany tekst jest całkowicie oryginalny, nie narusza praw osób trzecich i nie jest aktualnie rozpatrywany pod kątem publikacji w innym czasopiśmie lub opracowaniu zbiorowym (zob. <http://emigrantologia.uni.opole.pl/oswiadczenie-autora-autorow/>).

2. W pierwszej kolejności nadesłane teksty poddawane są przez redakcję weryfikacji pod względem zgodności z tematyką i profilem czasopisma oraz spełnienia wymagań formalnych. Prace niespełniające wymienionych kryteriów są odsyłane do autorów z prośbą o dostosowanie do „Wymagań technicznych” czasopisma. Rękopisy, które nie są zgodne

z powyższymi wymaganiami, mogą zostać odrzucone na tym etapie, bez wyznaczania recenzentów zewnętrznych.

3. Teksty, które przeszły pierwszy, techniczny etap kwalifikacji kierowane są do dwóch zewnętrznych recenzentów afiliowanych w innej jednostce niż jednostka macierzysta autora (autorów) artykułu. Sekretarz redakcji zwraca się do ekspertów w danej dziedzinie z prośbą o napisanie recenzji lub, w przypadku odmowy, o wskazanie specjalistów, którzy mogliby się tego zadania podjąć.

4. Proces recenzji ma charakter poufny i anonimowy zarówno dla recenzentów, jak i dla autorów. W czasopiśmie „Emigrantologia Słowian” stosowana jest zasada tzw. podwójnej ślepej recenzji (double-blind review): redakcja nie ujawnia recenzentom nazwisk autorów, ani nie informuje autorów, kto był recenzentem ich artykułów. Recenzentom nie wolno wykorzystywać wiedzy na temat artykułów przed ich publikacją. Lista recenzentów dostępna jest na stronie internetowej czasopisma (zob. sekcja „**O czasopiśmie**”).

5. Recenzenci (przy pomocy specjalnego formularza załączonego do artykułu i dostępnego na stronie internetowej czasopisma) oceniają manuskrypt i przedstawiają rekomendację jego przyjęcia lub odrzucenia. Możliwe są także zalecenia poprawek (wraz określeniem ich charakteru – drobne lub istotne).

6. Na podstawie recenzji redakcja podejmuje decyzję o przyjęciu lub nieprzyjęciu tekstu do publikacji. Sprzeczne opinie w recenzjach (oraz inne uzasadnione sytuacje) mogą stanowić dla redakcji powód do powołania dodatkowego recenzenta.

7. Po otrzymaniu dwóch opinii recenzentów redakcja przekazuje ich treść (bez ujawniania nazwiska recenzenta) autorowi (autorom) w celu ustosunkowania się do ewentualnych uwag krytycznych. Autorzy, którzy nie zgadzają się ze zdaniem recenzentów, proszeni są o przedstawienie adekwatnych kontrargumentów. Jeśli rezultat polemiki nie satysfakcjonuje autorów, mogą oni na tym etapie wycofać swój tekst i zrezygnować z jego publikacji.

8. Po naniesieniu poprawek tekst oceniany jest przez redaktora naczelnego lub wyznaczonego przez niego członka redakcji. W uzasadnionych przypadkach możliwa jest powtórna recenzja. Ostateczną decyzję o przyjęciu tekstu do druku lub jego odrzuceniu podejmuje redaktor naczelny, o czym sekretarz redakcji niezwłocznie informuje autora z konkluzją, że rękopis został: przyjęty do druku; przyjęty, ale jego publikacja jest uwarunkowana wniesieniem sugerowanych poprawek; odrzucony.

9. Autorzy, którzy zgadzają się z sugestiami recenzentów i redakcji, są zobowiązani do naniesienia poprawek w ciągu 21 dni. Artykuły nadesłane po tym terminie zostaną opublikowane w kolejnych numerach czasopisma.

Etyka wydawnicza

Redakcja czasopisma „Emigrantologia Słowian” oraz Komisja Emigrantologii Słowian przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów dbając o wysoki poziom merytoryczny czasopisma, i stosując się do zaleceń MNiSW oraz rekomendacji Komitetu Etyki Wydawniczej (Committee of Publication Ethics’ [Code of Conduct](#)), wdrożyła procedury przeciwdziałające zjawiskom „ghostwriting” (przypadki braku ujawnienia nazwiska osoby, która wniosła istotny wkład w powstanie publikacji i była jej faktycznym autorem lub współautorem) oraz „guest (honorary) authorship” (przypadki uwzględnienia konkretnej osoby jako autora lub współautora pracy, mimo że jego wkład w publikację był znikomym albo w ogóle nie miał miejsca). W przypadku wykrycia plagiatów, zjawisk „guest-authorship” i „ghostwriting”, fałszowania danych lub podwójnych publikacji, redakcja „Emigrantologii Słowian” żąda od autorów wyjaśnień i podejmuje odpowiednie kroki zgodnie ze wskazaniami [Publishing Ethics Resource Kit \(PERK\)](#).

Tego typu działania będą demaskowane i dokumentowane przez redakcję, ponieważ są przejawami nieuczciwości naukowej, podważają oryginalność i rzetelność publikacji naukowych, a także zaprzeczają jakościowym podstawom uprawiania nauki. O wykryciu przypadków „ghostwriting” i „guest authorship” powiadamiane będą odpowiednie podmioty (instytucje naukowe zatrudniające autorów, inne ośrodki naukowe i czasopisma). W celu zapobiegnięcia przypadkom nieuczciwości naukowej redakcja prosi autorów o ujawnianie wkładu poszczególnych osób w powstanie publikacji (z podaniem ich afiliacji oraz określenia rodzaju wkładu; kto jest autorem koncepcji, założeń, metod, itp. wykorzystywanych przy przygotowaniu tekstu). Należy również podać informacje o źródłach finansowania badań i samej publikacji („financial disclosure”), wkładzie instytucji naukowo-badawczych, stowarzyszeń i innych podmiotów, np. jeśli publikacja powstała w ramach grantu lub projektu naukowego. W związku z koniecznością złożenia wraz z tekstem deklaracji o prawach autorskich i oryginalności tekstu, główną odpowiedzialność za tekst ponosi autor zgłaszający manuskrypt, ale wszystkie zasady dotyczą także współautorów.

Prawa autorskie i dostęp:

„Emigrantologia Słowian” jest publikowana w otwartym dostępie (open access), co oznacza, że wszyscy czytelnicy mają swobodny dostęp do całej jego zawartości, bez konieczności uzyskiwania dodatkowych zgód od autorów i wydawcy (na mocy licencji CC BY). Przesyłając swoje teksty do „Emigrantologii Słowian”, autorzy zgadzają się na publikację na zasadzie otwartego dostępu na stronie czasopisma oraz we współpracujących z nim bazach danych. Niezależnie od licencji udzielanej „Emigrantologii Słowian”, autorzy zachowują pełnię praw autorskich i wydawniczych, a także dzięki systemowi open access mogą samodzielnie publikować końcową (wydawniczą) wersję swoich tekstów w internecie, np. w repozytoriach, bazach danych i na własnych stronach.

Języki:

Czasopismo „Emigrantologia Słowian” przyjmuje do publikacji manuskrypty we wszystkich językach słowiańskich oraz w języku angielskim. Obecnie podstawowymi językami na stronie czasopisma są rosyjski, polski i angielski, w których dostępne są wszystkie

informacje o „Emigrantologii Słowian”, procedurach i etyce wydawniczej. Niezależnie od języka publikacji w każdym z tekstów zamieszczane są dwa warianty streszczeń i słów kluczowych – w języku artykułu i po angielsku, a w przypadku artykułów anglojęzycznych – w języku artykułu oraz polskim lub rosyjskim. Bibliografia i wykazy źródeł, które nie są zapisane alfabetem łacińskim (cyrylica i inne alfabety), w treści publikacji przytaczane są w oryginalnej formie, ale w bibliografii końcowej są dodatkowo transliterowane (zob. „Wymagania techniczne”, sekcja „Transliteracja”).

Archiwizacja:

Zawartość „Emigrantologii Słowian” oprócz własnego archiwum na stronie czasopisma jest archiwizowana także w bazach danych: CEEOL, Academia.edu, Researchgate.net.

Opłaty:

„Emigrantologia Słowian” nie pobiera od autorów opłaty za zgłaszanie manuskryptów, proces recenzji, publikację, archiwizację i pełnotekstowy otwarty dostęp.

Ochrona prywatności:

Nazwiska i adresy mailowe autorów wykorzystywane są wyłącznie w celu publikacji tekstów i nie są udostępniane innym instytucjom. Członkom redakcji ani nikomu spośród osób zaangażowanych w proces redakcyjny i wydawniczy nie wolno przekazywać recenzentom danych autorów, a autorom – danych recenzentów.

Wydawca i administrator:

Wydawcami czasopisma „Emigrantologia Słowian” są Uniwersytet Opolski oraz Komisja Emigrantologii Słowian przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów.

Częstotliwość publikacji:

Kolejne numery publikowane są raz w roku (1 numer na rok).

Adres strony internetowej: <http://emigrantologia.uni.opole.pl/>

WYMAGANIA TECHNICZNE

Redakcja przyjmuje teksty w językach słowiańskich oraz w języku angielskim. Ze względu na potencjalnych odbiorców sugerowane języki to rosyjski, polski i angielski. Teksty prosimy przygotowywać według poniższych zaleceń. Dla ułatwienia na stronie czasopisma został zamieszczony szablon artykułu:

<http://emigrantologia.uni.opole.pl/wp-content/uploads/2016/06/template-POL.doc>

1. Objętość artykułu:

Sugerowana objętość tekstów:

- artykuły – do 40.000 znaków ze spacjami;
- recenzje – do 12.000 znaków ze spacjami;
- autoreferaty – do 25.000 znaków ze spacjami;;
- krótkie informacje bibliograficzne, sprawozdania – do 5.000 znaków ze spacjami.

2. Manuskrypt powinien spełniać następujące wymagania formalne:

- pliki .doc lub .docx
- program Word 97-2003,
- format B5 (18,2 cm x 25,7 cm), marginesy: lewy, prawy, górny i dolny po 2,5cm,
- czcionka Times New Roman, wielkość 10 pkt, odstępy między wierszami 1,15,
- strony maszynopisu należy ponumerować,
- nazwy plików powinny być czytelne – nazwisko autora i tytuł artykułu (może zawierać tylko pierwsze wyrazy),
- należy unikać wyróżnień w tekście. Dopuszczalne są jedynie następujące typy wyróżnień w tekście:

- *kursywa* – dla tytułów publikacji, wyrażen obcojęzycznych oraz dla wyrazów i wyrażeń stanowiących przykłady,

- **pogrubienie** – dla tytułów, terminów i partii tekstów wymagających wyróżnienia,

- podkreślenie – dla terminów i wyrażen wymagających wyróżnienia (w ten sposób oznaczamy tekst, gdy ma być on spacjowany).

W całym tekście głównym i w przypisach należy wyróżnić wszystkie tytuły dzieł zwartych czy artykułów opublikowanych w dziełach zbiorowych pismem pochyłym bez używania cudzysłowów, np.:

Роман Газданова *Вечер у Клэр* был опубликован в 1929 г.

Natomiast przy zapisie czasopism należy używać cudzysłowów, np.:

W serii artykułów publikowanych na łamach czasopisma „Archiwum Emigracji” poruszano problemy życia literackiego Polonii (Kowalski 1987: 24).

3. Prawidłowo przygotowany tekst powinien zawierać:

- imię i nazwisko autora (autorów)
- numer ORCID (pełny adres)
- afiliację autora (autorów)
- tytuł artykułu w języku tekstu oraz w języku angielskim
- streszczenie w języku tekstu oraz w języku angielskim (ok. 800 znaków)
- słowa kluczowe w języku tekstu oraz w języku angielskim
- tekst zasadniczy
- wykaz literatury (**Literatura:**)
- notkę o autorze (autorach) – ok. 700–800 znaków

4. Cytaty i powołania na źródła:

W tekście głównym należy stosować odniesienia do literatury poprzez ujęcie w nawias nazwiska autora pracy, roku wydania i stron, np. (Nowak 1985: 65-70), a jeśli cytowana jest praca zbiorowa, to w nawiasie należy zamieścić początkową część tytułu i rok wydania, np. (Даниленко 1980: 184).

5. Wykaz i opis pozycji literatury:

Należy umieszczać na końcu całej pracy w porządku alfabetycznym.

Opis pozycji literatury:

a) Pracy autorskiej – musi zawierać: nazwisko i inicjał imienia autora, rok wydania, tytuł pracy (kursywą), miejsce wydania.

Przykład: Бердяев Н., 1985, *Смысл творчества. Опыт оправдания человека*, Paris.

b) Pracy zbiorowej (tzn. co najmniej trzech autorów lub pod redakcją naukową): tytuł pracy (kursywą), rok wydania, nazwisko i inicjał imienia redaktora, miejsce wydania.

Przykład: Cymborska-Leboda M., Gozdek A. (red.), 2008, *Kobieta i/jako inny. Mit i figury kobiecości w literaturze i kulturze rosyjskiej XX-XXI wieku (w kontekście europejskim)*, Lublin.

c) Rozdziału w pracy zbiorowej: nazwisko i inicjał imienia autora rozdziału, rok wydania, tytuł rozdziału (kursywą), przecinek [w:], tytuł pracy (kursywą), nazwisko i inicjał imienia redaktora, miejsce wydania, numery stron.

Przykład: Szymonik D., 2008, *Od Pięknej Damy do Jawnogrzesznicy. O „srebrnowiecznej” koncepcji kobiety i kobiecości*, [w:] *Kobieta i/jako inny. Mit i figury kobiecości w literaturze i kulturze rosyjskiej XX-XXI wieku (w kontekście europejskim)*, red. Cymborska-Leboda M., Gozdek A., Lublin, ss. 187-194.

d) Artykuły w czasopismach lub seriach naukowych: nazwisko i inicjał imienia autora, rok wydania, tytuł artykułu (kursywą), tytuł czasopisma (w cudzysłowie) lub serii naukowej, numer zeszytu (lub tomu), numery stron.

Przykład: Зверев А., 1989, „Глубокий колодец свободы..”. *Над страницами [прозы] Юрия Домбровского*, „Литературное обозрение” № 4, s. 14.

e) Publikacje ze źródeł internetowych w zależności od typu publikacji – jak w a), b), c) lub d) wraz z adresem strony i datą dostępu.

Przykłady:

Зверев А., 1989, „Глубокий колодец свободы..”. *Над страницами [прозы] Юрия Домбровского*, „Литературное обозрение” № 4, s. 14, <https://depot.ceon.pl/handle/123456789/1233> [29.03.2015].

Бердяев Н., 1985, *Смысл творчества. Опыт оправдания человека*, Paris, <https://repozytorium.umk.pl/handle/item/2609> [23.03.2015].

6. Transliteracja – dodatkowy wykaz literatury:

Jeśli w tekście artykułu odwoływano się do źródeł zapisanych cyrylicą lub innym niełacińskim alfabetem, należy dokonać ich transliteracji. Redakcja poleca skorzystanie z automatycznych systemów transliteracji, np. <https://transliteration.pro/bgn-pcgn> lub <https://www.ushuaia.pl/transliterate>, w których należy wybrać wariant: rosyjski BGN-PCGN. Cytowana literatura, która w oryginale była zapisana alfabetem łańskim (np. po polsku, po angielsku, po czesku), nie podlega transliteracji, ale jest umieszczana w wykazie.

Bibliografię transliterowaną (**References:**) należy umieścić w artykule po oryginalnej i wypisać w niej w porządku alfabetycznym (zgodnie z alfabetem łańskim) wszystkie cytowane w tekście pozycje (również te, których nie transliterowano).

Wzór sporządzania bibliografii:

Literatura:

Бродский И., 1965, *Зофья. Стихотворения и поэмы*, Нью-Йорк.

- Ульянов Н.И., 1967, *Басманный философ (Мысли о Чаадаеве)*, [w:] *Диптих*, Нью-Йорк, <http://oboguev.narod.ru/images/niubas.htm> [29.09.2015].
- Урвиллов В., 2010, *Поэтика композиции романов о революции 20-х гг. XX в. («В тупике» В.В. Вересаева, «Сивцев Вражек» М.А. Осоргина, «Мирская чаша» М.М. Пришвина)*: rozprawa doktorska obroniona na uniwersytecie w Niżnym Nowogrodzie.
- Фингель В., 2011, *И. Бродский об эмиграции и свободе*, «Семь искусств» № 9 (22), s. 12–19.
- Suchanek L., 2008, *Emigrantologia: osiągnięcia i nowe perspektywy. Między Kongresem w Krakowie a w Ochrydzie. 1998–2008*, [w:] *Z polskich studiów slawistycznych. Literaturoznawstwo. Kulturologia. Folklorystyka*, red. Suchanek L., Wrocławski K., Warszawa, s. 159–169.

References:

- Brodskiy I., 1965, *Zof'ya. Stikhotvoreniya i poemy*, N'y-York.
- Fingel' V., 2011, *I. Brodskiy ob emigratsii i svobode*, «Sem' iskusstv» № 9 (22), pp. 12–19.
- Suchanek L., 2008, *Emigrantologia: osiągnięcia i nowe perspektywy. Między Kongresem w Krakowie a w Ochrydzie. 1998–2008*, [in:] *Z polskich studiów slawistycznych. Literaturoznawstwo. Kulturologia. Folklorystyka*, Suchanek L., Wrocławski K. (eds.), Warszawa, pp. 159–169.
- Ul'yanov N.I., 1967, *Basmannyy filosof (Mysli o Chaadayeve)*, [in:] *Diptikh*, N'yu-York, <http://oboguev.narod.ru/images/niubas.htm> [29.09.2015].
- Urvilov V., 2010, *Poetika kompozitsii romanov o revolyutsii 20-kh gg. XX v. («V tupike» V.V. Veresayeva, «Sivtsev Vrazhek» M.A. Osorgina, «Mirskaya chasha» M.M. Prishvina)*: PhD dissertation, University in Nizhny Novgorod.

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ПРОЦЕДУРЫ

Правила представления и отправки рукописей

Представление рукописей, рецензирование и редактирование текстов в «Эмигрантологии славян» бесплатно. Отправка рукописи и ее публикация в данном журнале не связаны с потерей авторских прав. Авторы выражают согласие на публикацию текста на веб-сайте журнала и сотрудничающих с ним баз данных. Поскольку журнал «Эмигрантология славян» (один выпуск в год) публикуется в открытом доступе (Open access), всем читателям предоставляется свободный доступ к его содержанию, без специального разрешения авторов и издательства (на правах лицензии CC BY).

Рукописи, отправляемые в «Эмигрантологию славян», должны соответствовать тематике журнала и его разделов (см. секция «**О журнале**»). При подаче рукописи авторы должны выбрать секцию журнаала, соответствующую характеру их текста: *Artykuły* (научные статьи); *Recenzje* (рецензии); *Sprawozdania* (отчеты конференций); *inne* (обзоры, авторефераты, сообщения, некрологи, письма и др.).

Отправка рукописи равносильна подтверждению авторства текста и согласно автору соблюдать публикационную этику «Эмигрантологии славян». Высылая текст, автор заявляет о финансовой и институциональной поддержке в проведении исследования. Если работа написана более чем одним автором, необходимо указать всех соавторов с полной информацией о характере их участия (см. секция «**Публикационная этика**»).

Авторы представляют свои рукописи, отправляя их по электронной почте emigra@interia.eu

Авторы обязаны соблюдать технические требования журнала и сотрудничать с редколлегией в процессе рецензирования, правки и редактирования текста (см. секция «**Порядок рецензирования рукописей**»). Перед отправкой текстов авторы должны проверять их на соответствие стилистическим и библиографическим требованиям журнала (см. секция «**Технические требования**»). Принимаются только оригинальные статьи, поэтому их авторы обязаны подтвердить, что материал ранее не был опубликован и его издание в других изданиях не планируется.

Порядок рецензирования рукописей

1. Присылая свои статьи, авторы выражают согласие опубликовать их в электронной форме. Вместе с текстом необходимо прислать расписку в том, что данная статья полностью оригинальна, не нарушает авторских прав и в настоящее время не рецензируется с целью издания в других журналах и сборниках (см. <http://emigrantologia.uni.opole.pl/oswiadczenie-autora-autorow/>).

2. Присланные тексты сначала проходят оценку редколлегии (на предмет соответствия проблематике журнала и соблюдения «**Технических требований**» журнала). Редколлегия также оставляет за собой право не публиковать тексты, не отвечающие этим критериям.

3. Тексты, одобренные редколлегией, подлежат оценке двух внешних рецензентов, не являющихся сотрудниками автора/авторов статей. Секретарь редакции обращается к экспертам в данной области с просьбой написать рецензию, либо, в случае отказа, рекомендовать других специалистов.

4. В журнале «Эмигрантология славян» осуществляется так называемая двойная анонимная система рецензирования (double-blind review): редколлегия удаляет фамилии авторов из файлов, передаваемых рецензентам, и не сообщает авторам, кто рецензировал их статьи. Рецензенты не могут распространять информацию о статьях и каким-либо образом использовать ее до момента публикации. Список рецензентов доступен на сайте журнала (см. секция «**О журнале**»).

5. Рецензенты оценивают рукопись с рекомендацией принять или отклонить текст (см. формуляр на сайте журнала). Возможны также рекомендации исправлений (с пометами «небольшие» или «серьезные»).

6. На основании рецензий редколлегия принимает решение о публикации текстов. Противоречивые рецензии (и другие обоснованные случаи) могут причиной передачи текста третьему, дополнительному, рецензенту.

7. После того как текст получит две рецензии, их содержание (без информации о рецензентах) передается автору (авторам), чтобы они могли оценить и исправить сделанные замечания. Авторы, которые не согласны с мнением рецензентов, имеют право представить обоснованные контраргументы. Если результат полемики не удовлетворит авторов, они могут на данном этапе отозвать присланный текст и отказаться от его публикации.

8. Исправленный текст оценивается главным редактором или назначенным им членом редколлегии. В исключительных случаях допускается повторное рецензирование исправленного манускрипта. Окончательное решение о публикации текста принимает главный редактор, о чём секретарь редакции незамедлительно сообщает авторам с формулировкой: «текст принят к печати», «текст будет напечатан при условии устранения замечаний рецензентов», «текст не принят к печати».

9. Авторы, согласившиеся с замечаниями рецензентов, обязаны прислать исправленный вариант текста в редакцию в течение 21 дня. Статьи, присланные позже указанного срока, будут опубликованы в последующих номерах журнала.

Публикационная этика

Издатель, редколлегия журнала «Эмигрантология славян» и Комиссия эмигрантологии славян Международного комитета славистов с целью обеспечения высокого научного уровня журнала, а также соблюдения стандартов Министерства науки и высшего образования Республики Польша и рекомендаций Комитета по публикационной этике (Committee of Publication Ethics' [Code of Conduct](#))

приверживаются требований, противодействующих практикам «ghostwriting» (случаям, когда не указывается фамилия лица, внесшего значимый вклад в подготовку публикации и фактически являющегося ее автором или соавтором) и «guest (honorary) authorship» (случаям, когда в числе авторов указано лицо, не писавшее данный текст и не проводившее исследования или проводившее их в весьма ограниченной форме). При выявлении плагиата, случаев «guest-authorship» и «ghostwriting» (фальсификации данных или повторной публикации) редколлегия «Эмигрантлогии славян» требует от Авторов выяснения и предпринимает соответствующие действия согласно нормам [Publishing Ethics Resource Kit \(PERK\)](#).

Вышеописанные практики, как примеры нечестной и незаконной деятельности, будут обнаруживаться и документироваться редколлекцией, так как они нарушают подлинность публикаций и честность их авторов, а также противоречат основным стандартам науки. О случаях «ghostwriting» и «guest authorship» редколлегия будет сообщать соответствующим органам (учреждения, в которых работают авторы, и другие научные центры и журналы). Во избежание нечестных практик редколлегия обращается к авторам с просьбой указывать соавторов данной публикации (указывать их место работы и определять вклад: т.е. отмечать кто был автором концепции, гипотезы, анализа и т.д.). Необходимо также сообщать об источниках финансирования исследований и публикации («financial disclosure»), вкладе научно-исследовательских институтов, обществ и других организаций: например, в случаях, когда статья написана в рамках гранта или научного проекта. Присланная вместе с текстом расписка об авторских правах и подлинности текста перекладывает ответственность на автора. Основную ответственность несёт автор, представляющий текст, но все требования распространяются и на соавторов.

Авторские права и доступ:

Журнал «Эмигрантлогия славян» публикуется в открытом доступе (open access), т.е. всем читателям предоставляется свободный доступ к его содержанию, без специального разрешения авторов и издательства (на правах лицензии CC BY). Присылая свои тексты в журнал «Эмигрантология славян», авторы тем самым выражают согласие на публикацию в режиме открытого доступа на сайте журнала, а также других сайтов и научных баз данных, с которыми журнал сотрудничает. Независимо от лицензии «Эмигрантологии славян», авторы полностью сохраняют свои авторские права и права на публикацию, а благодаря системе open access, могут самостоятельно публиковать окончательную (издательскую) версию своих текстов в интернете, напр., в репозиториях, базах данных и на личных веб-сайтах.

Языки:

Журнал «Эмигрантология славян» принимает к публикации материалы на всех славянских языках и английском языке. В настоящее время основными языками на сайте журнала являются русский, польский и английский, на которых доступна вся информация о научном издании «Эмигрантологии славян», издательских процедурах и публикационной этике. Независимо от языка публикации каждый текст снабжается двумя аннотациями и списками ключевых слов на двух языках (языке оригинала

и английском), а в случае англоязычных статей – на трёх языках (языке оригинала и польском или русском. Библиография и источники, записанные кириллицей (и другими нелатинскими алфавитами) в тексте статьи, приводятся в оригинальной форме, а в списке использованной литературы дополнительно транслитерируются (см. «Технические требования», секция «транслитерация»).

Архивизация:

Журнал «Эмигрантология славян», помимо собственного архива на веб-сайте журнала, архивизируется базах данных CEEOL, Academia.edu, Researchgate.net.

Оплата:

«Эмигрантология славян» не взимает с авторов оплату за подачу рукописей, рецензирование, публикацию, архивизацию и открытый доступ к полным текстам.

Защита информации личного характера:

Фамилии и электронные адреса авторов используются исключительно с целью публикации текстов и не предоставляются в распоряжение других институций. Редколлегия и другим участникам редакционно-издательского процесса запрещается предоставлять рецензентам данные авторов, а авторам — рецензентов.

Издатель и администратор:

Издателем журнала «Эмигрантология славян» являются Опольский университет (Uniwersytet Opolski) и Комиссия эмигрантологии славян Международного комитета славистов.

Периодичность издания:

Очередные номера журнала публикуются один раз в год (1 выпуск в год).

Адрес веб-сайта: <http://emigrantologia.uni.opole.pl/>

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Журнал «Эмигрантология славян» принимает статьи на славянских и английском языках, однако рекомендуются русский, польский и английский языки. Требования к оформлению статей см. ниже. Рекомендуется использовать шаблон статьи на сайте журнала:

<http://emigrantologia.uni.opole.pl/wp-content/uploads/2016/06/template-RUS.doc>

1. Объём текстов:

Предполагаемый объём:

- статьи – до 40.000 знаков с пробелами;
- рецензии – до 12.000 знаков с пробелами;
- авторефераты – до 25.000 знаков с пробелами;
- краткая библиографическая информация, отчёты – до 5000 знаков с пробелами.

2. Текст должен соответствовать следующим техническим требованиям:

- файлы .doc или .docx
- формат B5 (18,2 x 27,5 см), все поля: 2,5см
- шрифт Times New Roman, 10, интервал 1,15
- страницы с нумерацией
- в названии файла следует указать фамилию автора и название статьи (можно ограничиться первыми словами)
- следует избегать специальных форматов в тексте. Допускаются только следующие форматы выделений:
 - *курсив* – названия публикаций, иноязычные слова, а также выражения и слова, используемые в качестве примеров,
 - **жирный шрифт** – названия, термины и фрагменты текста, требующие выделения,
 - подчеркивания – термины и выражения, требующие выделения (таким способом выделяем текст с пробелами).

Названия книг и статей, публикуемые в основном тексте статьи, сносках и комментариях, выделяются курсивом без кавычек, напр.:

Роман Газданова *Вечер у Клэр* был опубликован в 1929 г.

Названия журналов записываются в кавычках, напр.:

В дискуссии, проведенной журналом «Наука и религия», критик Ирина Васюченко заявила, что «Авдий [...] ассоциируется с Христом» (Даниленко 1987: 24).

3. Правильно подготовленный текст должен содержать:

- Ф.И.О. автора (авторов)
- номер ORCID автора (полный адрес)
- место работы автора (авторов)
- название статьи на языке статьи и по-английски
- резюме (объем ок. 800 знаков) на языке статьи и по-английски
- ключевые слова на языке статьи и по-английски
- основной текст
- список использованной литературы (**Литература:**)
- краткое сведение об авторе (авторах) ок. 700–800 знаков

4. Цитаты и ссылки на источники:

В основном тексте следует использовать ссылки на литературу, указывая в скобках фамилию автора, год издания и страницы, напр. (Nowak 1985: 65–70). Если же цитируется сборник научных работ, то в скобках необходимо поместить фамилию редактора (редакторов), напр. (Даниленко 1980: 184).

5. Список используемой литературы:

Библиография помещается в конце статьи и располагается в алфавитном порядке:

а) Монография (один автор): фамилия и инициалы (имя) автора, год издания, *название (курсивом)*, место издания.

Пример: Бердяев Н., 1985, *Смысл творчества. Опыт оправдания человека*, Paris.

б) Монография (три или более авторов, а также сборники под редакцией): *название (курсивом)*, год издания, фамилия и инициалы (имя) редактора, место издания.

Пример: Symborska-Leboda M., Gozdek A. (ред.), 2008, *Kobieta i/jako inny. Mit i figury kobiecości w literaturze i kulturze rosyjskiej XX-XXI wieku (w kontekście europejskim)*, Lublin.

в) Глава (раздел) в сборнике научных работ: фамилия и инициалы (имя) автора раздела (статьи), год издания, *заглавие статьи (курсивом)*, запятая, [в:], *название сборника (курсивом)*, фамилия и инициалы (имя) редактора, место издания, страницы.

Пример: Szymonik D., 2008, *Od Pięknej Damy do Jawnogrzesznicy. O „srebrnowiecznej” koncepcji kobiety i kobiecości*, [в:] *Kobieta i/jako inny. Mit i figury kobiecości w literaturze i kulturze rosyjskiej XX-XXI wieku (w kontekście europejskim)*, ред. Symborska-Leboda M., Gozdek A., Lublin, с. 187-194.

г) Статьи в журналах или научных сериях: фамилия и инициалы (имя) автора, год издания, *название статьи (курсивом)*, заглавие журнала (в кавычках) или научной серии, номер тома, страницы.

Пример: Зверев А., 1989, «Глубокий колодец свободы...». *Над страницами [прозы] Юрия Домбровского*, «Литературное обозрение» № 4, с. 14.

д) Интернет-публикации – кроме информации из пунктов а), б), в), г) необходимо вписать адрес сайта и дату доступа.

Примеры:

Зверев А., 1989, «Глубокий колодец свободы...». *Над страницами [прозы] Юрия Домбровского*, «Литературное обозрение» № 4, с. 14,
<https://depot.ceon.pl/handle/123456789/1233> [29.03.2015].

Бердяев Н., 1985, *Смысл творчества. Опыт оправдания человека*, Paris,
<https://repozytorium.umk.pl/handle/item/2609> [23.03.2015].

6. Транслитерация – дополнительный список литературы (References):

Если в статье содержатся ссылки на источники, записанные кириллицей (или другими алфавитами, кроме латинского), то они должны быть дополнительно транслитерированы. Редколлегия рекомендует следующие автоматические системы транслитерации: <https://transliteration.pro/bgn-pcgn> или

<https://www.ushuaia.pl/transliterate>, в которых необходимо выбрать вариант: русский BGN-PCGN. Литература, записанная латинским алфавитом в оригинале (напр. по-польски, по-английски, по-чешски), не транслитерируется, но помещается в списке.

Транслитерированную библиографию (**References:**) следует поместить в статье после библиографии, записанной на языке оригинала, и внести в нее в алфавитном порядке (согласно латинскому алфавиту) всю литературу, цитируемую в тексте, в том числе и источники, которые не были транслитерированы.

Образец оформления библиографии:

Литература:

Бродский И., 1965, *Зофья. Стихотворения и поэмы*, Нью-Йорк.

- Ульянов Н.И., 1967, *Басманный философ (Мысли о Чаадаеве)*, [в:] *Диптих*, Нью-Йорк, <http://oboguev.narod.ru/images/niubas.htm> [29.09.2015].
- Урвиллов В., 2010, *Поэтика композиции романов о революции 20-х гг. XX в. («В тупике» В.В. Вересаева, «Сивцев Вражек» М.А. Осоргина, «Мирская чаша» М.М. Пришвина)*: кандидатская диссертация, Нижегородский государственный педагогический университет.
- Фингель В., 2011, *И. Бродский об эмиграции и свободе*, «Семь искусств» № 9 (22), с. 12–19.
- Suchanek L., 2008, *Emigrantologia: osiągnięcia i nowe perspektywy. Między Kongresem w Krakowie a w Ochrydzie. 1998–2008*, [w:] *Z polskich studiów slawistycznych. Literaturoznawstwo. Kulturologia. Folklorystyka*, red. Suchanek L., Wrocławski K., Warszawa, с. 159–169.

References:

- Brodskiy I., 1965, *Zof'ya. Stikhotvoreniya i poemy*, N'y-York.
- Fingel' V., 2011, *I. Brodskiy ob emigratsii i svobode*, «Sem' iskusstv» № 9 (22), pp. 12–19.
- Suchanek L., 2008, *Emigrantologia: osiągnięcia i nowe perspektywy. Między Kongresem w Krakowie a w Ochrydzie. 1998–2008*, [in:] *Z polskich studiów slawistycznych. Literaturoznawstwo. Kulturologia. Folklorystyka*, Suchanek L., Wrocławski K. (eds.), Warszawa, pp. 159–169.
- Ul'yanov N.I., 1967, *Basmanyi filosof (Mysli o Chaadayeve)*, [in:] *Diptikh*, N'yu-York, <http://oboguev.narod.ru/images/niubas.htm> [29.09.2015].
- Urvilov V., 2010, *Poetika kompozitsii romanov o revolyutsii 20-kh gg.XX v. («V tupike» V.V. Veresayeva, «Sivtsev Vrazhek» M.A. Osorgina, «Mirskaya chasha» M.M. Prishvina)*: PhD dissertation, University in Nizhny Novgorod.

Komisja Emigrantologii Słowian
Międzynarodowego Komitetu Słowistów
Uniwersytet Opolski

ISSN 2543-5787